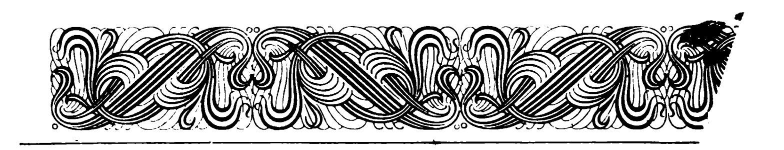

КАВКАЗСКІЯ
ЛЕГЕНДЫ
В. П. ЖЕЛИХОВСКОЙ.
Рисунки Соломко.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.

На берегахъ Ріона.

I.

Когда дьяволъ искушалъ Спасителя, онъ показалъ Ему нашу красавицу-страну», говорятъ приріонскіе жители Закавказья.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ въ мірѣ страны красивѣе и богаче одаренной природой, какъ берега Чернаго моря, начиная отъ устья Ингура до границы Турціи и вверхъ по теченію многоводнаго Ріона, чрезъ Мингрелію, Гурію и цвѣтущую Имеретію. Разнообразіе климатовъ, растительности и картинъ здѣсь безконечное. По низовьямъ непроходимая путаница тропической флоры, сѣтью покрывающей вѣчно влажную почву, все заслоняющей живыми драпировками вьющихся гирляндъ, перекинутыхъ съ дерева на дерево, въ такой непроницаемой чащѣ лозъ, плюща, хмѣля и павители, что въ ней исчезаютъ деревья, вѣковые великаны, а жители не успѣваютъ прорубать въ лѣсахъ тропинокъ. Выше, въ средней полосѣ, наиболѣе плодородной и заселенной, вѣчная весна, двойные покосы и сборы плодовъ, не требующихъ никакого ухода.

Нѣсколько выше болотистыхъ низменностей, виды, одинъ другого восхитительнѣе, поражаютъ и очаро-

ıутешественника. Возвышенности и зеленые ъ покрыты богатыми посѣвами и пестрыми ɔѣзаны рощами чинаръ, туты, грецкихъ моковницъ и кудрявыми виноградни- эврагу журчитъ и пѣнится ручей, а нцовитый лѣсъ граничитъ съ рос- кошными коврами цвѣтовъ, лиловыхъ, желтыхъ, красныхъ; запахъ азалій, рододендроновъ, миндаля и жасмина, царственныхъ лилій и всюду вьющихся розъ напояетъ чистый горный воздухъ, живительно дѣйствующій на организмъ.

Узкія дорожки вьются по обрывамъ, соединяя живописныя туземныя жилища, крытыя высокими кровлями, окруженныя тѣнистыми галлереями, которыя здѣсь опоясываютъ всѣ самые бѣдные дома. Сплошныхъ деревень нѣтъ, жители ютятся группами отдѣльныхъ семей по уступамъ горъ, въ живописныхъ долинахъ и тѣнистыхъ ущельяхъ, подъ сѣнью своихъ вѣковыхъ башенъ, вблизи крохотныхъ церквей, обвитыхъ плющомъ, и каменныхъ часовень на верхушкахъ скалъ, вѣнчающихъ какую-нибудь возвышенность, съ виду неприступную. Тамъ и сямъ, изъ отвѣсныхъ уступовъ горъ, бьютъ чистые холодные родники, подъ которые такъ и манитъ подставить ковшъ или руку. Для нихъ жители ставятъ деревянные желобки, съ которыхъ они льются хрустальною струей въ огороженный камнями прозрачный резервуаръ.

Но поднимитесь выше, на безконечныя цѣпи горъ, и цвѣтущія картины замѣнятся болѣе величественными, даже суровыми, но все же чудно-прекрасными. Вершины горъ здѣсь поросли сѣверною березой и хвоей. Изъ сосновыхъ и еловыхъ рощъ, разбросан-

ныхъ по высотамъ, стремятся шумные водопады. Изъ-за черныхъ громадныхъ сосенъ виднѣются безплодные хребты, скалы, поросшія лишь мхомъ да папоротникомъ, граничащія съ вѣчными снѣгами. Здѣсь ужъ растутъ рожь да овесъ; ячмень и просо плохо вызрѣваютъ. Поднимаясь выше, къ главному хребту Кавказа, вы встрѣчаете вѣчную осень, потомъ вѣчную зиму; васъ охватываетъ суровый климатъ, окружаютъ дикія безплодныя вершины, гдѣ въ темныхъ ущельяхъ, въ узкихъ разсѣлинахъ, снѣгъ и ледъ не таятъ никогда. Тѣ ледяные великаны, которые снизу прельщали ваше зрѣніе радужно-яркими сіяніями зорь, въ этихъ высшихъ областяхъ, гдѣ человѣкъ только проходитъ, появляясь мимоходомъ, а живутъ лишь орлы да дикія козы, грозно высятся надъ вашей головой, рѣдко сіяя бѣлоснѣжными уборами, почти всегда скрытые сѣдыми туманами, темными тучами. На этихъ возвышенностяхъ путники часто попадаютъ въ дождь и въ туманы и въ снѣжные вихри, когда въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже блистаетъ яркое солнце. А иногда наоборотъ: тучи спускаются въ ущелья, только что ими укутанные путешественники стоятъ въ районѣ солнца, подъ яркосинимъ куполомъ неба, а внизу, у ногъ ихъ, сверкаютъ молніи, гремитъ гроза, косыя полосы дождя перерѣзаютъ воздухъ, отхвативъ полъ-ущелья или закрывъ цвѣтущую долину своею подвижною завѣсой.

Но вотъ, оконченъ перевалъ, вы снова опускаетесь ниже, въ тепло, въ пышный расцвѣтъ вѣчнаго лѣта. Часъ, полтора, и вы ужъ внѣ угрюмаго сѣвера; его величественныя красы лишь издали плѣняютъ васъ какъ эффектная рамка къ цвѣтущей, смѣющейся картинѣ, вновь васъ пріявшей въ свое блестящее лоно.

Здѣсь, кажется, не страшны и сами непогоды; онѣ лишь прибавляютъ новыя, оригинальныя черты къ общей красѣ. А что до ночной тьмы, то ночи здѣсь положительно придаютъ картинамъ фантастически-чудный колоритъ! Въ звѣздномъ и лунномъ свѣтѣ все здѣсь таинственно сіяетъ; блещутъ воды и дѣвственные снѣга, цвѣты благоухаютъ сильнѣе; привѣтно мигаютъ огоньки въ темныхъ ущельяхъ и въ долинахъ, надъ которыми стражами высятся скалы и льдистыя вершины, рѣзко выступая на фонѣ звѣзднаго неба. А въ теплыя, лѣтнія ночи миріады огоньковъ вьются и кружатся и порхаютъ вокругъ васъ, оставляя за собой свѣтящіяся нити, голубоватыя, фосфорическія сѣтки, которыми исполосованъ весь воздухъ.

То блещутъ свѣтляки, справляя свадьбы, еще увеличивая волшебную красу южной ночи и безъ того переполненной очарованіями.

II.

Таковъ нашъ при-Ріонскій край еще и нынѣ. Таковъ онъ былъ и прежде, столѣтія тому назадъ, когда въ немъ жили тѣ сказочные богатыри и красавицы, о которыхъ нынѣ остались одни преданія. Рука времени здѣсь еще мало тяготѣла. Она почти не коснулась внѣшней жизни, а тѣмъ менѣе природы. Видны ея разрушительные слѣды развѣ на развалинахъ, на мхомъ и плющемъ поросшихъ стѣнахъ тѣхъ древнихъ обителей и крѣпостныхъ твердынь, которыя «во оны времена» воздвигались этими самыми богатырями-титанами на вершинахъ нынѣ недосягаемыхъ скалъ.

Одна такая исполинская скала увѣнчана и теперь величавою развалиной храма, повитаго дикою лозой и плющемъ. Стоитъ она при входѣ въ живописное ущелье. Скалы здѣсь на просторѣ расходятся отлогими холмами, образуя рамку цвѣтущей долинѣ, которая ограничена амфитеатромъ горъ, послѣдними своими снѣжными цѣпями уходящихъ высоко подъ облака. Множество горныхъ рѣченокъ, сбѣгая изъ-подъ вѣчныхъ ледниковъ, образуютъ на ней блестящую водную сѣть, порой сливающуюся въ непроходимую топь.

Такъ оно нынѣ.

Прежде, говорятъ, было здѣсь глубокое многоводное озеро; но оно, по преданію, закрылось свалившеюся на него частью горы, которую нынѣ стоящая отдѣльно скала тогда вѣнчала. Гора и старинный владѣтельный за́мокъ, на ней стоявшій, погибли въ этой катастрофѣ. Это случилось вѣка-вѣковъ тому назадъ, но народъ и понынѣ разсказываетъ необычайныя обстоятельства этого геологическаго переворота.

Въ тѣ времена, когда славная царица Тамара воздвигала памятники, нынѣ покрывающіе весь Кавказъ величественными развалинами; когда приближалось время явленія Грузіи святой просвѣтительницы Нины, въ этой долинѣ еще владычествовалъ родъ Эминовъ, беевъ или князей. Долина принадлежала имъ съ тѣхъ незапамятныхъ временъ, когда герои, богатыри и пѣвцы миѳическаго вѣка Греціи приплывали къ берегамъ Колхиды, разыскивая Золотое Руно погибшей въ Гелеспонтѣ Гелы. Послѣднимъ представителемъ этого рода былъ нѣкто Сатаръ-Эминъ-бей, человѣкъ безсердечный, безчестный и жадный.

Окрестные жители отъ него много терпѣли, осо-

бенно люди семейные, потому что онъ съ сосѣдскими семьями не чинился: гдѣ бы ни запримѣтилъ красивую женщину, будь она жена, сестра, дочь сосѣда, все едино, быть ей въ его гаремѣ!.. Онъ огнемъ и мечемъ отбиралъ всѣхъ окрестныхъ красавицъ; ничѣмъ съ побѣжденныхъ въ бою не хотѣлъ дани и выкупа брать, какъ красивѣйшими дѣвушками ихъ страны. Кромѣ безчестія и вѣчной неволи, этимъ несчастнымъ не суждено было никогда болѣе видѣть ни близкихъ своихъ, ни отечества: Сатаръ-Эминъ велъ большую торговлю невольницами, онъ продавалъ ихъ въ Турцію и Малую Азію. Корысть этого разбойника не щадила даже родныхъ дѣтей; онъ дочерей своихъ не иначе выдавалъ замужъ, какъ за того, кто за нихъ предлагалъ большій калымъ, а сыновей разсылалъ наниматься бойцами къ враждовавшимъ владѣтелямъ, ни съ чѣмъ тоже не сообразуясь, кромѣ наемной платы...

Земля вопіяла отъ жестокостей и беззаконій Эмина. Чѣмъ болѣе богатѣлъ онъ и старился, тѣмъ становился жаднѣе и ожесточеннѣе. Общая ненависть, наконецъ, стала такъ сильна, что врядъ ли бы ему уцѣлѣть отъ народнаго мщенія, если бы въ старости не даровала ему судьба защитницы и ангела-хранителя въ лицѣ его младшей дочери Вардо. Съ дѣтства эта дѣвочка имѣла на отца благотворное вліяніе. Одну ее въ мірѣ любилъ онъ и одной въ мірѣ слушался. Желаніе Вардо было ему единымъ закономъ, а противъ слезъ дочери суровый владѣтель былъ безсиленъ.

Многихъ она спасала отъ гибели и горя. На счастіе свое и всѣхъ окружающихъ, Вардо рано развилась, рано поняла чужія горести, жестокость отца ко

всѣмъ, кромѣ нея одной, и рано научилась пользоваться своимъ добрымъ вліяніемъ.

Все шло хорошо, злодѣянія Эминъ-бея становились рѣже; народъ менѣе и менѣе терпѣлъ отъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ возрастала меньшая дочь его и, наконецъ, онъ было притихъ совсѣмъ, даже прекратилъ свои ежегодныя смотрины... Но врагъ человѣческій не дремлетъ!.. Не дремалъ онъ тогда въ особенности.

То наступали времена, великія для побережья Колхиды и для сосѣднихъ съ ней Арменіи и Грузіи: ихъ достигала впервые христіанская проповѣдь. Св. Андрей Первозванный апостолъ уже посѣялъ по всему побережью слово Божіе, благовѣстіе о явленіи міру Христа Спасителя, крестной смерти Его и таинствѣ искупленія. За Андреемъ еще не пришла изъ Греціи святая просвѣтительница Нина, окончательно обратившая край въ христіанство, но много появлялось выходцевъ изъ Константинополя — Византіи, изъ Сиріи и самой Палестины, поддерживавшихъ ученіе Господне въ этомъ дикомъ языческомъ краѣ. Даже неподалеку отъ владѣній Сатаръ-Эмина былъ дремучій лѣсъ, гдѣ въ дикой разсѣлинѣ скалы проживалъ всѣмъ извѣстный старецъ, пустынникъ-христіанинъ, одинъ изъ немногихъ послѣдователей апостола Андрея, усвоившихъ его ученіе и оставшихся всю жизнь ему вѣрнымъ. Святого старца всѣ кругомъ уважали; ходили слухи, что его кормятъ птицы небесныя, въ клювахъ сносятъ къ нему плоды и ягоды, такъ какъ онъ никогда не выходилъ изъ своей дикой тѣснины, постоянно пребывая въ молитвахъ. Многіе ходили къ нему слушать его поученія или ища помощи въ недугахъ, и многіе именемъ Іисуса Христа исцѣлялись...

Какъ же было дремать злымъ, темнымъ, вражьимъ силамъ въ виду распространявшагося ученія Божія, въ виду спокойствія, водворявшагося стараніями чистаго непорочнаго созданія?... Вардо знала святого пустынника. Она не разъ посѣщала его со своими подругами; носила ему хлѣбъ, плоды и медъ. Онъ увѣщалъ чрезъ нея Сатаръ-Эмина и благословилъ ее воздерживать отъ грѣха своего родителя...

Но злобный врагъ рода людского не могъ позволить отнять у него его собственность, душу стараго закоснѣлаго грѣшника. И вотъ, неподалеку отъ жилища Сатара, въ виду его за́мка съ толстыми стѣнами, съ высокими башнями возвышавшагося на полгорѣ, вверху, на высокой скалѣ, въ развалинѣ, вѣнчавшей ее со временъ незапамятныхъ, поселились нечистые духи, начали воочію свершаться диковинки... Въ глухую полночь тамъ загорались чудные разноцвѣтные огни; оттуда доносились крики, пѣніе, хохотъ; туда пролетали искрометныя чудища, отъ свѣта которыхъ меркли звѣзды на небесахъ.

Что̀ тамъ такое творится?—дивился Эминъ, и приказалъ созвать всякихъ знахарей и знахарокъ: пусть де поглядятъ, распознаютъ, что за такія *деви* завелись на моей скалѣ и мнѣ повѣдаютъ, къ добру ли это или къ худу?

Сошлись колдуны и вѣдьмы со всего околотка. Смотрѣли, судили, рядили и наконецъ такъ рѣшили: «Поселились на скалѣ представители всякаго зла — черные и красные зміи. Справляютъ они тамъ нынѣ свадьбу: женятъ «*Каджи*» — лѣсовика на «*Трисъкали*» — лѣсной красавицѣ - русалкѣ... Вотъ и пируютъ!.. А по ночамъ прилетаетъ къ зміямъ ихъ

крылатый родичъ изъ-за морей, изъ-за океановъ, съ алмазныхъ, яхонтовыхъ, да изумрудныхъ «цвѣтныхъ острововъ»; одаряетъ брачущихся, по обычаю, подарками: въ зобу и на крыльяхъ приноситъ груды камней самоцвѣтныхъ, летитъ, да по небу ихъ разсыпаетъ... Оттого-то и блескъ отъ ихъ полета такой, что звѣзды меркнутъ. Еще бы! Промежъ драгоцѣнностей, что съ ихъ крылъ просыпаются, такіе алмазы бываютъ, что ярче всякой звѣзды потомъ съ высоты небесной сіяютъ!»

Слушалъ Сатаръ-Эминъ знахарей, слушалъ, и проснулась въ немъ старая жадность. Зналъ онъ, слыхивалъ и прежде, что хорошо попасть на такую свадьбу. Что когда зміи справляютъ брачныя торжества свои и другихъ «деви» — духовъ, которымъ почему-либо оказывали они покровительство, то вся земля вокругъ нихъ золотомъ и драгоцѣнностями усыпана, хоть лопатами загребай!.. Да къ тому же тамъ, въ старой башнѣ, можно видѣть теперь такихъ красавицъ *лѣсныхъ женщинъ* «трисъ-кали», что нигдѣ больше и нѣтъ такихъ!.. Ужъ вѣрно къ невѣстѣ много подругъ на скалу собирается... Эхъ! Кабы не старость, собралъ бы Эминъ-бей шайку своихъ головорѣзовъ, да самъ бы повелъ ихъ на добычу въ башню. Авось не только драгоцѣнными камнями удалось бы поживиться, но и парочку, другую лѣсныхъ красавицъ захватить!.. Извѣстно, что *трисъ-кали* не очень-то любятъ своихъ мохнатыхъ карловъ, *каджи*, лѣсовиковъ безобразныхъ. Онѣ и сами охотно къ людямъ идутъ... А разъ у людей побывавъ, бывали примѣры, что теряли онѣ свои волшебныя силы. Попытать бы счастія, подослать въ башню нѣсколько бра-

выхъ молодцовъ! Лишь бы влюбились лѣсныя красотки въ смертнаго человѣка, а тамъ ужъ можно будетъ съ ними справиться. И грѣха тутъ нѣтъ. Чего тутъ съ вѣдьмами чиниться? Сама Вардо за нихъ не осудила бы. А ужъ денегъ-то, денегъ и коней и оружія, и всякаго добра сколько за укрощенную *трисъкали* дадутъ, и не перечесть! Злыя чары онѣ, съ людьми сойдясь, утрачиваютъ, а вѣдь чары-то неземной красоты при нихъ остаются.

III.

Былъ въ свитѣ Эминъ-бея нѣкто Арбасъ, азнауръ его, приближенный ему дворянинъ. Давно онъ поглядывалъ на красу подроставшей Вардо и хотя ей, по годамъ, въ отцы годился, но твердо рѣшилъ, что быть за нимъ этой юной красавицѣ, и зорко слѣдилъ за ней, чтобы не подвернулся какой-нибудь женихъ помоложе, да покрасивѣе его. До четырнадцатаго года Вардо никому предпочтенія не отдавала; но въ послѣднюю весну проявился въ сосѣдствѣ молодой князь Джаянъ, на котораго Арбасъ сильно косился.

И было за что! Джаянъ съ перваго взгляда влюбился въ эту стройную красавицу, съ бѣлокурыми косами ниже колѣнъ, съ чудными очами, блиставшими какъ алмазы, несмотря на свою глубокую черноту.

И Вардо впервые отличила чернокудраго юношу, прямо и смѣло глядѣвшаго на всѣхъ и все, только предъ ней опускавшаго сіявшій любовію взоръ. Азнауру стало ясно, что ему надо дѣйствовать, необходимо удалить Джаяна, живымъ или мертвымъ.

Будь то въ прежнія времена, онъ снарядилъ бы

шайку, постарался бы учинить поудачнѣе грабежъ; изъ награбленнаго и своего родового имущества внесъ бы богатый калымъ за невѣсту, и вся недолга: дочери Сатаръ-Эминъ-бея быть бы его женой навѣрняка. Но нынѣ времена перемѣнились! Арбасъ понималъ, что получить Вардо не такъ-то просто и легко, какъ бывало прежде купить у владѣтеля старшихъ дочерей... Онъ понялъ, что безъ ума да хитрости тутъ не справиться.

Зная очень хорошо, что зміи крылатые пожираютъ всѣхъ къ нимъ приближающихся, онъ сказалъ своему владыкѣ:

— Знаешь ли ты, господинъ, что зміи, будучи приставлены хранителями къ сокровищамъ темнаго падишаха, владѣтеля нѣдръ земныхъ, не только владѣютъ драгоцѣнностями, въ нихъ сокрытыми, но между ними избираютъ безцѣнный камень, котораго не найти и не купить за цѣну всей вселенной?.. Камень этотъ волшебный талисманъ! Они его проглатываютъ, чтобы не потерять его и никогда съ нимъ не разстаются... Тотъ, кто убьетъ змія и вынетъ камень изъ головы его, тотъ сразу одолѣетъ премудрость! Тайнъ, сокрытыхъ отъ него, ни въ землѣ, ни въ водѣ, ни въ небесахъ уже не будетъ, и все, чѣмъ бы ни пожелалъ онъ владѣть, имѣя камень тотъ въ рукѣ, тотчасъ предъ нимъ очутится!

Сатаръ-Эминъ не сумѣлъ скрыть своего сильнаго желанія овладѣть такимъ камнемъ.

— За чѣмъ же дѣло стало?.. Кликни кличъ! Прикажи своимъ азнаурамъ сбирать воиновъ и пошли насъ на ночевку въ башню... Неужели никто изъ насъ не одолѣетъ крылатаго чудовища?.. Мы всѣ рады, я первый, по слову твоему костьми лечь.

Обрадовался старый бей такому предложенію; но Вардо, услыхавъ лукавыя рѣчи азнаура, остановила ихъ.

— На что отцу еще богатство?.. Неужели мало намъ того, что имѣемъ?... Что намъ прибавятъ лишнія сокровища?.. Настоящія, вѣрныя сокровища владѣтеля не въ кладовыхъ, а въ сердцахъ его подвластныхъ заключаются! Въ любви, преданности и благословеніяхъ народа!.. Зачѣмъ губить намъ отважныхъ воиновъ нашихъ? Сохранимъ ихъ жизнь и силы на годину бѣдствій: на охрану отъ враговъ и на преуспѣяніе страны нашей.

Хитрый Арбасъ возразилъ:

— Да, ты, можетъ статься, права, свѣтъ страны нашей, Вардо! Но можно одолѣть змія, не губя многихъ воиновъ. Пусть только отецъ твой оповѣститъ народъ, чтобы вызывались наши богатыри идти въ одиночку на змія; а что цѣной побѣды — твоя рука, пресвѣтлая княжна! И навѣрное, первый вызвавшійся проявитъ чудеса храбрости и будетъ побѣдителемъ!

— Если такова будетъ награда за побѣду — я первый иду! — вызвался князь Джаянъ.

— А я за тобой! — отозвался Арбасъ. — Ему только того и нужно было.

«Пусть идетъ впереди, коварно мыслилъ онъ, я спрячусь за кусты и брошусь на змія тогда, когда имъ будетъ занята глотка чудовища!»

IV.

Какъ ни противилась Вардо, корысть одолѣла любовь въ сердцѣ отца ея.

— Отвага, ловкость и мужество — качества, необходимыя мужчинѣ; не отдамъ тебя замужъ, Вардо-

джанъ *), свѣтъ души моей, ни за какого князя, владѣтеля, ни даже царя, не убѣдившись, что онъ этими качествами украшенъ!—заявилъ Эминъ своей дочери.

И вотъ кликнулъ онъ кличъ... Полсотни витязей сбѣжались на него, и день подвига назначенъ. Наканунѣ этого рѣшительнаго дня, въ темную, благоуханную, весеннюю ночь, Вардо встрѣтилась съ милымъ своимъ подъ чинаромъ, у калитки въ свой виноградникъ, гдѣ соловей томно стоналъ и заливался. Она сказала ему:

— Знай, Джаянъ, что никому, кромѣ тебя, принадлежать я не буду! Но что бы насъ ни ожидало, хочу, чтобы благословеніе Бога живаго было надъ тобой! Того Бога любви, Котораго проповѣдуетъ нашъ святой старецъ въ Квирильской тѣснинѣ... Ступай къ нему, Джаянъ!... Проси его благословить твой мечъ во имя *его* Бога—Христа, Спасителя міра—и да свершится воля Его надъ тобою!

На зарѣ вышелъ юноша въ путь. Вкругъ него загорался чудный день; зацвѣтавшія рощи и зеленыя долины благоухали; на смѣну пѣвцу любви, ночному соловью, заливались малиновки; въ травахъ юркали жаворонки, взлетали стрѣлами въ поднебесье, и тамъ, въ яркой синевѣ, гдѣ рѣяли ласточки, исчезали вмѣстѣ съ ними, сливая свои серебристыя трели съ ихъ громкимъ щебетомъ въ единую хвалу Создателю всей этой красоты.

Но чѣмъ выше въ горы уходилъ Джаянъ, тѣмъ суровѣе и пустыннѣе становилась природа. Горы и скалы тѣснились все угрюмѣе, все безплоднѣе... Вотъ

---

*) Душа, первое ласковое слово въ Грузіи и Имеретіи.

предъ нимъ узкая, скалистая разсѣлина. Надъ головой его едва просвѣчиваетъ небо, затемненное еще нависшими надъ ущельемъ черными, косматыми соснами; подъ ногами каменистое ложе потока, валуны, сбитые въ груды вѣчно рвущимся впередъ водопадомъ. Тѣснина смыкается. Путь все труднѣе. Джаянъ перепрыгиваетъ съ камня на камень, между пѣной и брызгами, которыя ихъ заливаютъ. Студеныя воды хлещутъ по ногамъ отважнаго путника, ревутъ и оглушаютъ слухъ его...

Гдѣ жъ, наконецъ, пещера пустынника?... Джаянъ вспоминаетъ, что Вардо предупреждала его: святой старецъ удалился выше, въ дикія, почти недосягаемыя скалы, на время поста и молитвы, усиленныхъ наступившею годовщиной страстей и крестной смерти его, христіанскаго, Бога... Вотъ, наконецъ, высоко, подъ самымъ водопадомъ, черная нора; углубленіе, вѣроятно, выбитое водой въ голой скалѣ... Но какъ достигъ этого мрачнаго убѣжища старикъ? Какъ можетъ жить тамъ одинокій?... Чѣмъ питается?... Какъ не страшится дикихъ звѣрей: волковъ, гіеннъ, барсовъ, единственныхъ до него обитателей этой угрюмой разсѣлины!

Съ величайшимъ трудомъ, цѣпляясь за корни и выступы скалъ, молодой витязь достигъ темной пещеры и остановился на порогѣ ея, охваченный невѣдомымъ ему дотолѣ смущеніемъ и страхомъ. Первые лучи солнца только что достигли этой высоты. Они проникли внутрь сырой и мрачной пещеры, освѣтивъ самыя нѣдра ея глубины, откуда сочился прозрачною струйкой источникъ воды. Тамъ, распростершись на землѣ, предъ святымъ крестомъ изъ древесныхъ вѣтвей, вбитыхъ въ скалу, молился сѣдой отшельникъ.

Онъ не могъ ни видѣть, ни слышать, за ревомъ и грохотомъ воды, пришедшаго юношу, но тотчасъ поднялся и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, обернулся и пошелъ къ нему со словами:

— Я ждалъ тебя, Джаянъ!... Подойди ко мнѣ и прими благословеніе во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Да оградитъ тебя отнынѣ честный крестъ Господень ото зла и да наставитъ всею жизнію твоею служить прославленію нашего Господа Іисуса Христа.

Невольно преклонилъ князь Джаянъ колѣна подъ благословеніе старца. Отшельникъ, перекрестивъ его, опустилъ десницу на склоненную его голову и, воздѣвъ очи къ ослѣпительному Востоку, нѣкоторое время пребылъ въ безмолвномъ моленіи... И пока онъ молился, витязь чувствовалъ, что въ немъ свершается нѣчто необычайное. Ему казалось, что нѣкій кроткій свѣтъ осѣняетъ его и внѣдряется въ душу его. Онъ не зналъ еще того Бога, о Коемъ говорилъ ему святой старецъ, но чувствовалъ, что это и есть тотъ Всесильный, Всемогущій, Истинный Богъ, Творецъ всего міроздания, предъ Коимъ преклоняются всѣ силы, Котораго недосягаемое величіе безсознательно чувствовалось имъ и прежде, когда онъ приносилъ жертвы богамъ болѣе постижимымъ: богамъ созвѣздій, грозы, водъ и земли, брани и мирнаго домашняго очага...

Джаянъ всегда сознавалъ, что превыше всѣхъ божествъ которыхъ помощь призывали онъ и сограждане его, *долженъ быть* Всевышній Творецъ и Промыслитель всяческаго. Онъ только не умѣлъ донынѣ опредѣлить своего сознанія... Теперь онъ понялъ, что пустынникъ проповѣдуетъ именно этого, Высочайшаго Бога, называя Его Христомъ, Спасителемъ міра.

Тѣни спускались въ ущелье, а Джаянъ забылъ обо всемъ. Онъ не замѣчалъ времени, разспрашивая и поучаясь у старца вѣрѣ Христовой. Три дня и три ночи пробылъ онъ въ пещерѣ его, и вышелъ изъ нея совсѣмъ другимъ, чѣмъ пришелъ.

— Отецъ святой, — сказалъ онъ на прощаніе, — благословишь ли ты мой мечъ на бой со зміемъ? На счастіе съ избранною мною невѣстой, пославшею меня съ тебѣ?

— Счастіе земное скоропреходяще и бренно! — отвѣтствовалъ отшельникъ. — Я благословлю васъ обоихъ, тебя и Вардо, на жизнь и смерть во Христѣ... Небесное блаженство дороже счастія на землѣ; его стремитесь стяжать!.. Иди на одолѣніе лукаваго змія; да изгонится врагъ людской съ мѣстъ сихъ твоими руками и твоими молитвами. Благословляю тебя, сынъ мой, на добрый подвигъ, во спасеніе души твоей, во имя Отца и Сына и Духа Святаго. Аминь!.. Запомни, юноша, эти священныя слова; они и знаменіе креста всесильнѣе всякаго талисмана противъ чаръ лукаваго, противъ силы вражіей, противъ недуговъ и всякаго зла.

Старецъ благословилъ булатную шашку Джаяна и отпустилъ его съ миромъ.

V.

Въ страшномъ горѣ и гнѣвѣ нашелъ онъ Сатаръ-Эминъ-бея. Печальныя дѣла совершились въ долинѣ за время его пребыванія въ пещерѣ отшельника. Джаянъ просрочилъ вечеръ, назначенный для битвы со зміями въ заколдованной башнѣ; Арбасъ, азнауръ, влюбленный безъ памяти въ Вардо, не преминулъ

объяснить, что онъ струсилъ боя и скрылся, чтобы въ немъ не участвовать.

— Зачѣмъ же ждать намъ его?.. За подлаго труса я дочь свою не отдамъ! — заявилъ Сатаръ. — Трубите кличъ! Сзывайте бойцовъ!.. Кто первый идетъ?.. Кто хочетъ одолѣть крылатаго дракона?.. Взять въ полонъ для меня лѣсныхъ красотокъ, волшебницъ-русалокъ, и доставить мнѣ зміиный камень-талисманъ?.. Кто это сдѣлаетъ, тому въ награду дочь моя, свѣтъ глазъ моихъ, красавица Вардо, за которою оставляю по смерти и всѣ владѣнія мои!

Такъ возвѣстилъ Эминъ-бей.

Затрубили трубы, забили литавры, и рядъ доблестныхъ юношей выстроился, готовый на вызовъ владѣтеля.

Вардо напрасно плакала и молила отца о пощадѣ; корысть и всѣ прежнія злыя чувства вновь проснулись въ сердцѣ ея родителя. Онъ обезумѣлъ отъ желанія овладѣть зміинымъ талисманомъ.

Когда ночь приблизилась, Вардо взошла на высокую башню, которой подножіе купалось въ ихъ свѣтломъ, многоводномъ озерѣ. Тамъ она высматривала своего милаго, не идетъ ли онъ?.. Не спускаетсяль изъ ущелья, поспѣшая на одолѣніе вражьей силы, на спасеніе ее отъ горькаго брака съ немилымъ?.. Но не было видно Джаяна... Она молилась и ломала руки.

И вдругъ на нее снизошла благодать свыше: она вспомнила среди моленій своихъ и слезъ, что нынѣ тотъ самый великій день крестной смерти Спасителя міра, на который указывалъ ей заранѣе старецъ-пустынникъ, увѣщевая особенно молиться Ему во всю ту

Страстную недѣлю. Всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами своими устремилась Вардо къ Цѣлителю всѣхъ золъ и во всѣхъ скорбяхъ Помощнику. И сразу почувствовала благодать, осѣнившее ее пониманіе, что земныя горести слезъ не стóятъ! Что человѣкъ лишь долженъ стремиться ко спасенію души своей отъ грѣха, ко блаженству жизни будущей...

И великіе миръ, тишина и спокойствіе вселились въ сердце ея.

А между тѣмъ, ночь наступила и темь ея усиливалась приближавшеюся грозой. Вѣтеръ порывами свисталъ по лѣсистымъ ущельямъ и гналъ черныя тучи въ долину, гдѣ готовилось беззаконное побоище, корысти и любостяжанія ради. Состязатели въ кольчугахъ и панцыряхъ, вооруженные мечами, копьями и желѣзными стрѣлами, выстроились въ порядкѣ, указанномъ жребіемъ. Арбасъ сумѣлъ устроить такъ, чтобъ ему выпало итти вторымъ, вслѣдъ за горячимъ неосмотрительнымъ юношей, который долженъ былъ по разсчетамъ его погибнуть и облегчить ему второй ударъ на одолѣніе врага... Но разсчетамъ его на право получить руку Вардо суждено было сбыться гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.

Въ ту минуту, какъ данъ былъ знакъ двигаться впередъ, едва вереница состязателей углубилась въ чащу лѣса, изъ-за которой возвышалась заколдованная скала, Арбасъ почувствовалъ, что на плечо ему съ дерева спрыгнула дикая кошка и зашептала человѣчьимъ голосомъ:

— Если хочешь быть цѣлъ, иди къ намъ; сверни и спрячься въ чащѣ! Пусть тѣ дурни идутъ на смерть, а тебя мы спасемъ, мы — дѣвы лѣса! Мы —

трисъ-кали, веселыя хохотуньи и плясуньи!.. Мы тебя полюбили! Навѣсти насъ, а мы не ревнуемъ людей къ смертнымъ дѣвушкамъ; мы подаримъ тебѣ и змѣиный камень и змѣиную шкуру!.. Женись себѣ на Вардо свѣтлокудрой, но и насъ, зеленокудрыхъ красавицъ, не забывай!

И вотъ азнауръ ловко задѣлъ оружіемъ за цѣпкій кустарникъ и пріостановившись, чтобы распутаться, отсталъ, громко проклиная свою неловкость, а самъ шмыгнулъ въ темную чащу, въ гости къ коварнымъ красавицамъ, лѣснымъ русалкамъ.

Сотоварищи его, ничего не замѣтивъ, рвались впередъ, а старый Сатаръ-Эминъ сидѣлъ на вышкѣ своего зáмка и наблюдалъ за всѣмъ, что происходило. Его безпокоило соображеніе, что если крылатый змѣй съ цвѣтныхъ острововъ на эту ночь не прилетѣлъ? За метавшимися по небу черными тучами и яркими молніями, то и дѣло ихъ бороздившими, онъ въ этотъ вечеръ не видалъ его полета. Однако, развалина невѣдомой башни сіяла потѣшными огнями сквозь всѣ окна и щели; а гулъ бѣсовскаго пированія и хохота и криковъ доносился оттуда громче, нежели когда-нибудь, смѣшиваясь съ воемъ и грохотомъ бури. Вотъ передовые витязи вышли изъ лѣсу; вотъ одинъ за другимъ вздымаются на скалу... Послѣдніе ея уступы — отвѣсныя стѣны!.. Не за что даже рукой уцѣпиться, не на чѣмъ ноги утвердить. Но въ этомъ горномъ краѣ люди, что козы дикія, ловки и устойчивы; гдѣ, кажется, нѣтъ возможности вскарабкаться дикой кошкѣ, имеретинъ и гуріецъ взойдутъ словно не на ногахъ, а на крыльяхъ. Двое передовыхъ ужъ на самой вершинѣ... Еще одно, богатырское усиліе,

и они, перевалившись грудью на отвѣсный уступъ, схватившись сильными руками за перегнувшееся въ бездну деревцо, оба сразу очутятся на скалѣ... Съ особеннымъ чувствомъ тревоги слѣдилъ за ними Сатаръ-бей, увѣренный, что одинъ изъ нихъ — Арбасъ. Онъ почему-то ему болѣе всѣхъ довѣрялъ.

Ночь была такъ черна, что ясно можно было видѣть движенія людей, только въ тѣ минуты, когда сверкала молнія. При сине-огненномъ ея свѣтѣ вотъ мелькнули и еще черные силуэты. Теперь Сатаръ-Эминъ различалъ ясно, что нѣсколько витязей достигли послѣдняго остраго уступа и всѣ какъ мухи облѣпили его, стараясь одолѣть эту послѣднюю преграду.

Но вдругъ пронесся страшный порывъ вѣтра и вслѣдъ за нимъ грянулъ громъ, тучи разверзлись снопомъ яркаго пламени, и при свѣтѣ его всѣ увидали, какъ дрогнула скала, будто желая сбросить съ себя отважныхъ, нарушившихъ ея одиночество... Крики погибающихъ, сорванныхъ со скалы вихремъ, летѣвшихъ въ пропасть, и крики толпы, за ними слѣдившей, слились со страшнымъ грохотомъ грозы...

Одна Вардо неподвижно стояла на колѣнахъ и продолжала въ полномъ забвеніи всего молиться.

Долго ли молилась она — она сама не знала. Для нея все это время прошло какъ мигъ единый, но того же нельзя было сказать объ отцѣ ея. Онъ провелъ нѣсколько безпокойныхъ часовъ, мучаясь не столько тѣмъ, что имъ загублены нѣсколько молодыхъ жизней, какъ тѣмъ, что если ни одинъ изъ бойцовъ не успѣлъ вскочить на скалу, то они сгублены *даромъ:* змѣя убить будетъ некому, никто не доставитъ ему талисмана!

Буря межъ тѣмъ унялась. Сатаръ-бей ждалъ извѣстій отъ посланныхъ на развѣдки...

Вдругъ трубные звуки, радостные клики. Къ нему бѣгутъ, кричатъ, ведутъ съ торжествомъ азнаура.

— Слава джигиту! Слава богатырю Арбасу!.. Онъ одолѣлъ и бурю и дракона! Онъ убилъ крылатаго змѣя!

Эти крики возвѣстили владѣтелю радостную для сердца его вѣсть а дочери его — горе и приговоръ. Молча поднялась она съ колѣнъ и, вся побѣлѣвъ бѣлѣе бѣлаго покрывала, стояла на краю башни, ожидая, что будетъ.

Ждать ей пришлось недолго. Обнимая побѣдителя, своего будущаго дорогого зятя, Сатаръ-Эминъ-бей уже громко звалъ ее сойти, раздѣлить торжество его, привѣтствовать своего будущаго супруга...

Но Вардо не трогалась съ мѣста. Она чувствовала, что сейчасъ свершится судьба ея, ея избавленіе... Какъ?.. Она сама того не знала, но ждала спокойная, величавая, готовая идти лишь на единый зовъ Того, Кто во все время молитвы ея осѣнялъ ее съ вершины Своего Креста, проливая свѣтъ утѣшенія и покоя въ ея истерзанное сердце.

Вотъ явственнѣе призывы... На узкой, витой лѣстницѣ шаги. Идутъ за нею... Вотъ взошли!.. Впереди всѣхъ ненавистный ей Арбасъ, ея злодѣй и душегубъ ея отца.

Какъ отъ гада, какъ отъ исчадія дьявола попятилась отъ него чистая дѣва. Вся дрожа, она, забывъ, гдѣ находится, вся переполненная однимъ желаніемъ уйти отъ него, спастись, простерла руку, какъ бы отгоняя его отъ себя, и пятилась... Пятилась въ ужасѣ прочь, дальше отъ прикосновенія этого страшнаго человѣка...

— Куда? Куда же?.. Осторожнѣй!.. Что ты дѣлаешь?.. отчаянно кричали ей сопровождавшіе побѣдителя Арбаса.

А самъ онъ съ крикомъ ужаса бросился, чтобъ удержать ее на краю бездны.

Но поздно!

Прорвавшись сквозь убѣгавшія грозныя тучи блеснули лучи свѣтлой звѣзды, и въ этомъ небесномъ сіяніи Вардо въ послѣдній разъ мелькнула, взметнувъ руками на краю башни и громко воскликнувъ: «Спаситель міра! Спаси душу мою!» исчезла за высокою стѣной.

Озеро тихо разступилось и сомкнулось надъ ней, пріявъ ее въ свое глубокое, спокойное лоно.

VI.

Кровью облилось сердце Джаяна, когда услышалъ онъ о томъ что безъ него случилось.

Вардо, его возлюбленная, кроткая красавица-невѣста, умерла!.. Погибла жертвой отцовской корысти, жертвой алчности, обмана, страстей людскихъ и пороковъ. Да полно! Ужъ не онъ ли самъ виновенъ въ гибели ея?.. Она его послала къ святому пустыннику, правда; правда, онъ былъ увѣренъ, что безъ него да еще въ такую грозную ночь, состязаніе богатырей не состоится, что его подождутъ; но все же, еслибъ онъ не увлекся поученіями отшельника, не позабылъ всего, слушая его проповѣдь о братской любви, о прощеніи врагамъ, о милосердіи и мирѣ душевномъ, если бы вернулся, не одолѣть бы змѣя Арбасу, не умереть бы Вардо.

Больше всего юношу мучило сознаніе, что она изъ-за него сгубила свою душу, что она самоубійца! Онъ не догадывался, что она упала въ озеро не намѣренно. День и вечеръ онъ прометался у берега, плача, тоскуя и призывая на себя гнѣвъ Божій за смерть неповинной Вардо. Тѣло дѣвушки не нашли... Молодому князю казалось, что здѣсь на мѣстѣ подъ башней, гдѣ она утонула, онъ тризну справляетъ надъ могилой ея.

Весенній разливъ озера былъ такъ великъ, что оно плескалось о самыя стѣны подъ окномъ бывшей опочивальни княжны, заливъ часть ея любимаго сада, гдѣ она сама ростила цвѣты и въ особенности чудныя розы своихъ соименницъ *). То было именно время ихъ зацвѣтанія въ ихъ жаркой странѣ; весь садъ благоухалъ розами, а сладкоголосые пѣвцы весны всѣ окрестности оглашали любовными признаніями къ нимъ **) и еще прибавляли къ сердечнымъ мукамъ Джаяна... Вспоминая любовь свою и ту чудную ночь, когда онъ съ ней простился въ послѣдній разъ, слушая пѣснь соловья, Джаянъ упалъ на колѣна и страстно, горячо, долго молился, проливая слезы.

Къ полночи онъ видно заснулъ.

Ему представилось, что онъ поднялся на воздухъ и летитъ высоко надъ землей!.. Летитъ и видитъ подъ собой сначала черные лѣса и горы; пустынныя ледяныя и снѣжныя вершины, а потомъ море. Широкое, безбрежное, гульливое море... Но вотъ и море осталось за нимъ, онъ видитъ берега, красивые, густо заселенные, ярко освѣщенные тысячами народа, иду-

*) Вардо, на мѣстномъ нарѣчіи — роза.

**) На всемъ Востокѣ существуетъ повѣріе о любви соловья и розы.

щаго по улицамъ съ горящими свѣчами въ рукахъ... Двери храмовъ широко отворены... Это не капища, не скромные жертвенники богамъ, къ которымъ привыкъ Джаянъ въ своемъ бѣдномъ, дикомъ отечествѣ; это другіе храмы, съ великолѣпными алтарями, съ иконами, сіяющими сквозь облако ѳиміама, съ высокими куполами, оглашенными священнымъ пѣніемъ...

Джаянъ вслушивается въ это пѣніе. Языкъ этихъ людей ему незнакомъ, но онъ понимаетъ, что они славятъ Истиннаго, Великаго Бога; онъ понимаетъ даже смыслъ ихъ молитвеннаго пѣнія. Они поютъ «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»! Они — христіане. Это именно тѣ страны, о которыхъ только что говорилъ ему отшельникъ Квирильской пещеры, куда всего ранѣе проникло слово Божіе изъ сосѣдней имъ Палестины. А торжествуютъ они эту великую Христову ночь потому, что она и есть свѣтлая ночь Воскресенія Господня, величайшій праздникъ на землѣ! Джаянъ, пролетая во снѣ надъ этими странами первобытнаго христіанства, вспоминалъ рѣчи отшельника, его разсказы о Рождествѣ, о жизни, о проповѣди, крестной смерти «Іисуса Сына Маріи» — и великомъ таинствѣ искупленія, о торжествѣ Его на Голгоѳѣ.

Что это? Едва воспоминаніе о распятіи Его между двоихъ разбойниковъ мелькнуло въ сознаніи Джаяна, онъ почувствовалъ, что его влечетъ куда-то дальше черезъ море, и увидалъ тотъ городъ, ту гору, гдѣ все это совершилось... Онъ почему-то зналъ, что это и есть Іерусалимъ, а та гора, гдѣ казалось ему еще высится надъ двумя крестами разбойниковъ великій Крестъ ихъ и всего человѣчества Искупителя и Бога, —

Голгоѳа! Онъ ихъ узналъ и мысленно распростерся въ прахѣ предъ святыней того, что увидѣлъ.

И вдругъ, надъ нимъ, на землѣ распростертымъ, послышался ему дорогой, незабвенный голосъ:

— Не плачь! Не горюй обо мнѣ, Джаянъ. Я не преступила воли Божіей!.. Онъ Самъ, милосердый, сжалился надо мной и взялъ меня съ грѣховной земли... Джаянъ! Что видишь духомъ, — увидай во истину очами земными: возьми посохъ твой и ступай въ дальнее странствіе, ступай поклониться Гробу Господню. А когда возвратишься на родину, возвѣсти ей пресвятое Имя Его!.. Возстань и иди на западъ свершать свой подвигъ во славу Христа!

Голосъ замолкъ...

Въ ту же минуту Джаянъ опомнился и поднялся съ земли, озираясь... Заря занималась на востокѣ. Ясное звѣздное небо горѣло надъ озеромъ, окрашеннымъ до половины алымъ свѣтомъ зари; а другая сторона его растилалась, вся голубая, и въ ней дрожало яркое отраженіе утренней звѣзды, исчезая именно тамъ, гдѣ исчезло тѣло свѣтлокудрой Вардо.

— Здѣсь закатился свѣтъ моей земной звѣзды! — воскликнулъ князь Джаянъ. — Пойду искать небесный свѣтъ истины и возвѣщу его міру!

И не оглядываясь, Джаянъ пошелъ на западъ, къ востоку Свѣта вѣры истинной. Ушелъ, и много-много лѣтъ не возвращался на родину.

VII.

Когда берега Ріона его снова увидѣли, много въ немъ воды утекло, много перемѣнъ совершилось. Прежде всего самъ князь ужъ былъ не юношей Джая-

номъ, а носилъ христіанское имя Іоаннъ и смотрѣлъ почтеннымъ величественнымъ старцемъ.

И онъ не узналъ знакомой съ дѣтства долины. Исчезла гора, исчезло свѣтлое озеро, тростникомъ и тиной поросла бездна, поглотившая жилище Сатаръ-Эминъ-бея... Лишь скала грозно возвышалась при входѣ въ ущелье, какъ напоминаніе прошедшаго, и въ ея разрушенной башнѣ попрежнему, говорили ему, зажигались огни, раздавались бѣсовскія пѣсни и крики.

Вотъ что произошло тутъ черезъ годъ по уходѣ князя Джаяна въ Іерусалимъ.

По смерти дочери Сатаръ-Эминъ окончательно превратился въ дикаго звѣря и хуже того: звѣри имѣютъ жалость къ своимъ отродьямъ, а онъ не жалѣлъ никого, ни своихъ родичей, ни даже дѣтей. Озлобленный оказавшимся вскорѣ обманомъ Арбаса, онъ изъ ночи въ ночь сталъ гонять подвластныхъ ему азнауровъ, дворянъ и крестьянъ, безъ разбора, на скалу биться съ овладѣвшею ею нечистью, въ надеждѣ, что кому-либо да удастся убить змѣя или полонить нѣсколько русалокъ, ему на продажу, или хоть награбить сокровища, которыя, по его мнѣнію, должны были усѣивать всю развалину... Но никто не исполнялъ его ожиданій. Люди гибли сотнями, лучшія молодыя силы пропадали жертвами чудовищъ и злыхъ духовъ, овладѣвшихъ неприступною башней...

Ее въ народѣ прозвали «Проклятою».

Охотно Сатаръ умертвилъ бы позорною смертью лукаваго совѣтчика своего Арбаса. Но азнауръ въ началѣ исчезъ, а потомъ хоть и проявился, но въ полномъ безуміи и вскорѣ погибъ. Несчастному не давали

покоя *трисъ-кали*. Онѣ его преслѣдовали по лѣсамъ и горамъ. Звали его голосомъ Вардо свѣтло-кудрой; заманивали ея обликомъ въ чащу своихъ заповѣдныхъ дубравъ и тамъ осмѣивали, ругались надъ нимъ, щекотали до полусмерти и прогоняли жестоко избитымъ.

Не находя покоя отъ нихъ, онъ убѣжалъ на низовья Ріона, но и тамъ онѣ его преслѣдовали злыми шутками и видѣніями. Иногда по ночамъ, не въ силахъ будучи бороться съ желаніемъ искать Вардо, онъ возвращался на то мѣсто, гдѣ потерялъ ее навѣки. Онъ искалъ возлюбленнаго образа на днѣ озера въ ясныя ночи; въ туманъ и непогоду старался его найти въ облакахъ паровъ, растилавшихся надъ его тихими водами, въ медленно сходившихся и расходившихся надъ нимъ пеленахъ тумана.

Разъ, прокравшись тайкомъ къ башнѣ Вардо, въ послѣднюю четверть луны, Арбасъ сѣлъ на землю въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ безвозвратно погибла она; обнялъ руками свои колѣна и неподвижнымъ, безумнымъ взоромъ смотрѣлъ на молодой, стройный тополь, росшій подъ ея окномъ. Ему казалось, что прежде его тамъ не бывало... Вода отошла теперь отъ стѣнъ башни, лѣтомъ озеро всегда мелѣло, но тополя онъ тамъ не замѣчалъ.

Бѣлый стволъ его, казалось, сгибался порою къ нему, вѣтви безпомощно простирались какъ руки, молящія помощи, а серебристая листва, развѣваясь, будто разметанные волосы, трепетала и перешептывалась съ вѣтромъ такъ тихо и жалобно, словно плакала, повѣряя ему свои горести... За спиной оцѣпенѣвшаго Арбаса четвертинка луны медленно подымалась изъ-за нагорнаго тумана; окрашивая все мутно-

краснымъ оттѣнкомъ, она понемногу выяснялась, тускло блистая, какъ полъ мѣднаго блюда, накаленнаго до-красна.

Смотритъ Арбасъ, смотритъ, не мигая, широко открывъ пораженный ужасомъ взоръ, на тополь и не вѣритъ глазамъ своимъ... Боже великій! Что жъ это такое?.. Предъ нимъ не дерево, а сама ожившая къ жизни, зарумянившаяся Вардо простираетъ ему объятія.

Бѣдный безумецъ, весь дрожа и задыхаясь отъ счастья, бросился къ ней — и натолкнулся грудью на холодное дерево.

Онъ отпрянулъ отъ тополя. Холодный потъ ужаса проступалъ на лбу его, отчаяніе искажало его помертвѣвшее лицо... Онъ не хотѣлъ болѣе смотрѣть, но какая-то неодолимая сила притягивала его взоръ... Вотъ онъ поднялъ глаза и видитъ снова обожаемый ликъ! Видитъ, что Вардо манитъ его, зоветъ въ свои объятія; бросается—и снова обнимаетъ стволъ древесный, а съ высоты его раздается злобный, громкій хохотъ и перекатное эхо его подхватываетъ и разноситъ по горамъ и ущельямъ...

«А—а!.. Такъ это опять она, — проклятая лѣсная кошка!—озлобленно вспомнилъ Арбасъ.—Такъ постой же, вѣдьма! Я съ тобою раздѣлаюсь!»

Онъ вынулъ кинжалъ изъ ноженъ и вонзилъ его въ самое сердце бѣлаго тополя...

Душу потрясающій женскій крикъ пронесся въ ночной тиши, горячею кровью брызнулъ тополь въ лицо Арбаса, и въ тотъ же мигъ окровавленный трупъ Вардо упалъ ему на руки, а лицо ея исказилось злораднымъ смѣхомъ... Онъ бросилъ ее на землю и по-

бѣжалъ... Но окровавленное видѣніе вскочило на ноги и бросилось за нимъ въ погоню, все время оглашая окрестность то воплями, то адскимъ хохотомъ.

Такъ бѣжали они по доламъ и горамъ, до края обрыва, подъ которымъ Ріонъ клокоталъ, весь закрытый туманомъ, какъ саваномъ.

Съ разбѣгу сорвался въ него азнауръ, и холодныя волны подхватили и понесли его, жестоко бросая о подводные камни, объ острые выступы скалъ, пока не превратили его въ кровавую массу и не выбросили на мель, на пищу вóронамъ и коршунамъ.

Такъ погибъ безумный Арбасъ.

Ровно черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ смерти его наступила годовщина смерти Вардо, и съ приближеніемъ ея Сатаръ-Эминъ-бей безумствовалъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

Вновь зацвѣла благоуханная, кроткая весна, а въ сердцѣ владѣтеля долины бушевали страшныя бури. Все ему напоминало погибшую дочь! Цвѣты и розы, пышно расцвѣтавшіе въ ея саду, вызывали въ памяти его розы и лиліи ея прелестнаго лица; соловьи, оглашавшіе окрестности, казалось ему, пѣли и рыдали ея голосомъ... Жестокія страданія своей наболѣвшей души онъ рвался передать другимъ, на всѣхъ выместить свое неутолимое горе. Въ безсильной злобѣ онъ все рвалъ и металъ, не разбирая жертвъ, и чѣмъ ихъ было больше, тѣмъ болѣе онъ озлоблялся. И наконецъ не стало предѣла и мѣры его безумнымъ жестокостямъ, не стало и границъ беззаконіямъ и разбоямъ окружавшихъ его азнауровъ, — не стало силъ у народа терпѣть.

Не разъ сосѣдніе владѣтели пытались положить

конецъ разбоямъ Эминъ-бея и его приближенныхъ; на него ополчались и шли вооруженною рукой. Но онъ запирался въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ, огражденномъ и крѣпкими стѣнами, и недоступною скалой, и глубокимъ озеромъ, и былъ недосягаемъ. Всѣ окрестные разбойники и грабители были ему кунаки и защитники, охотно укрывали его сторонниковъ и присоединялись къ ихъ грабежамъ.

Слухи о беззаконіяхъ этого разбойничьяго гнѣзда наконецъ побудили старца пустынника спуститься въ долину, попытать, не склонится ли къ лучшему Сатаръ-Эминъ помощью христіанской проповѣди; напоминаніемъ о томъ, что дочь его была христіанкой и что онъ самъ долженъ побороть себя и смириться, во имя Христа, если желаетъ ей блаженства, а себѣ прощенія въ жизни вѣчной.

Но при видѣ святого старца возгорѣлось сердце грѣшника къ пущей злобѣ.

— А! Это ты, обольститель, колдунъ, злыми чарами задержавшій Джаяна въ своей берлогѣ, когда ему нужно было итти на бой за мою дочь?.. Это ты— меня всего лишившій! Убившій дочь мою!—въ изступленіи закричалъ онъ на отшельника.—Схватить его! Связать! Утопить въ озерѣ... Нѣтъ! Онъ не достоинъ лежать въ одной могилѣ съ моею Вардо. Нѣтъ! Стащите его къ озеру и тамъ, привязавъ къ костру, живьемъ сожгите его!.. Пусть дымъ его костра восходитъ къ небу и погибнетъ онъ въ жертву грозному падишаху, властителю смерти и преисподней, въ память моей незабвенной дочери!..

Оруженосцы Сатаръ-Эминъ-бея бросились на святого старца, но онъ исчезъ... Исчезъ съ ихъ глазъ

среди бѣла дня... Изумленію и ярости Эмина не стало предѣловъ.

— Найти его! Схватить!.. Живымъ или мертвымъ доставить мнѣ, или всѣ вы умрете въ мученіяхъ и пыткахъ!—закричалъ онъ, какъ бѣшеный.

И вдругъ умолкъ.

Умолкли, окаменѣвъ на мѣстахъ своихъ, и всѣ сподвижники его беззаконій, пораженные неожиданнымъ зрѣлищемъ.

Великій свѣтъ засіялъ на всю долину съ высоты скалы нареченной въ народѣ «проклятою». На самой вершинѣ ея стоялъ святой отшельникъ и весь въ сіяньи, воздѣвъ руки къ небу, молился...

Въ ту же минуту и въ зенитѣ показалось черное облако. Грозною тучей опустилось оно на жилище Сатаръ-Эмина и закрыло собой всю гору и озеро. Громъ небесный и подземный ударили разомъ на это гнѣздо беззаконій. Грохотъ землетресенія, падавшихъ зданій и великіе вопли погибавшихъ слились въ одинъ страшный потрясающій гулъ... и все было кончено!... Разсѣялся мракъ, охватившій осужденный погибели вертепъ, и всѣ жители окрестныхъ горъ и долины увидѣли, что горы, на которой въ продолженіе вѣковъ возвышалось жилище Эминъ-Беевъ, и озера у подножія ея болѣе не существуетъ. Вмѣсто ихъ еще клокоталъ, испуская паръ и черный дымъ, хаосъ земли и воды, въ нѣдрахъ котораго исчезъ Сатаръ и все его окружавшее...

А Квирильскій отшельникъ попрежнему молился у всѣхъ на виду и великій свѣтъ его озарялъ всю долину.

VII

Вотъ что́ узналъ старецъ Іоаннъ, вернувшись черезъ сорокъ лѣтъ на родину.

— Ты самъ,—говорили ему вспомнившіе его жители долины — ты самъ увидишь и скверные огни, попрежнему загорѣвшіеся въ *Проклятой* башнѣ, какъ только нашъ Квирильскій старецъ ее оставилъ, чтобы возвратиться въ свою пещеру. И надъ *Озеромъ слезъ* самъ можешь видѣть въ темныя ночи и на разсвѣтѣ туманныхъ дней много тѣней, витающихъ въ безмолвномъ отчаяніи. Все это тѣни въ немъ погибшихъ жертвъ злобы и беззаконій послѣдняго нашего владѣтельнаго князя... Быть можетъ, ты услышишь и его отчаянные вопли; грѣшная душа его часто паритъ надъ бывшимъ пепелищемъ и пугаетъ прохожихъ и всадниковъ отчаянными рыданіями и стонами... Ужъ вѣрно слуги темнаго падишаха терзаютъ его не меньше, чѣмъ самъ Сатаръ-Эминъ насъ бѣдныхъ терзалъ при своей богомерзкой жизни.

Джаянъ — Іоаннъ застал̀ъ еще въ живыхъ Квирильскаго старца. Радостно принялъ онъ его. Въ умиленіи приложился ко кресту изъ кипариса, росшаго на Гробѣ Господнемъ, кресту нарочно для него выточенному Іоанномъ, и вскорѣ почилъ на рукахъ его, пожелавъ, чтобы крестъ этотъ былъ преданъ землѣ вмѣстѣ съ нимъ.

Іоаннъ исполнилъ завѣтъ его. Рѣшившись избавить свою страну отъ навожденій лукавыхъ, онъ избралъ своимъ мѣстомъ жительства самую «проклятую» башню, и туда же благоговѣйно перенесъ тѣло почившаго отшельника. Своими руками проложилъ бывшій князь

Джаянъ тропу въ скалѣ. Онъ выбилъ ее въ гранитѣ и поселившись возлѣ развалинъ старой башни, мало-по-малу разнесъ ее камень по камню, а на мѣстѣ ея выстроилъ часовню во имя Воскресенія Господня, окропивъ всю заколдованную мѣстность святою водой изъ Іордана.

Тутъ, возлѣ этой небольшой каменной часовни, новый пустынникъ поставилъ и себѣ келійку и прожилъ на скалѣ этой, скоро утратившей свое страшное названіе, долгій вѣкъ.

Хоть за время его житія на берегахъ моря христіанство распространилось почти во всей странѣ, однако суевѣріе еще мѣшало жителямъ вполнѣ отрѣшиться отъ идолослуженія и отъ боязни прогнѣвать свои старыя языческія божества. Но мало-по-малу, когда окрестный народъ убѣдился, что молитвами Іоанна прошли всѣ злыя чары, что всѣ, кто къ нему приходитъ съ вѣрой на покаяніе, просятъ молитвъ его во исцѣленіе души и тѣла, получаютъ благодать, облегченіе отъ недуговъ и выздоровленіе полное, — къ обители его начало стекаться множество народа. Окрестности гремѣли именемъ и чудотвореніями старца Іоанна. Тогда весь народъ, приходившій къ нему, началъ сносить на скалу камни, кирпичъ и глину; каждый, вмѣсто приношенія, считалъ себя обязаннымъ отработать извѣстный срокъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ на мѣстѣ часовни воздвигся тотъ самый храмъ во имя Воскресенія Христа, развалины котораго и нынѣ величественно высятся, всѣ повитыя плющемъ и дикимъ виноградомъ.

Проходили вѣка. Христіанство росло и утверждалось во всемъ краѣ. Храмы воздвигались всюду на

болѣе доступныхъ людямъ мѣстахъ; опустѣлую обитель старца Іоанна все рѣже навѣщали богомольцы, и наконецъ тропа осыпалась, выбилась, заглохла, и высочайшая скала стала неприступнѣе, чѣмъ когда-либо.

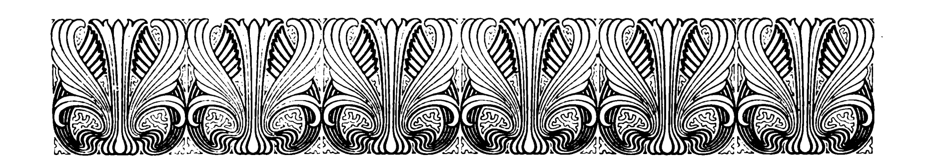
Но благодать не оставляетъ мѣста, гдѣ почивали двое сподвижниковъ первыхъ вѣковъ христіанства. Окрестный народъ и понынѣ твердо вѣритъ въ цѣлебную силу воды и земли отъ развалины Храма Воскресенія. Мало этого! Преданіе говоритъ, что, вмѣсто бѣсовскихъ игрищъ на скалѣ и адскихъ огней, въ развалинахъ церкви, въ ночь подъ Свѣтло-Христово Воскресеніе невидимыми руками зажигаются свѣчи и слышатся пасхальные напѣвы.

То двое почившихъ отшельниковъ справляютъ престольный праздникъ своего храма; поютъ великую утреню и славятъ Христа пасхальною обѣдней.

Качкаръ и Фатьма.

(Легенда Сѣвернаго Кавказа).

Много, много вѣковъ тому назадъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря жилъ-былъ очень богатый владѣтельный князь, по-тамошнему уздень. Много было у него земель, житницъ, стадъ и золота; но онъ былъ такъ жаденъ, что все это ему казалось мало, а для пріобрѣтенія новыхъ сокровищъ онъ не щадилъ ничего и никого не жалѣлъ. Однако, не смотря на собственную жестокость и безсердечіе, онъ бы, вѣроятно, ограничился притѣсненіями подвластныхъ ему бѣдняковъ и грабежомъ ауловъ сосѣднихъ князей и владѣльцевъ, если бъ у него не было совѣтчика въ лицѣ его лучшаго друга и помощника, наиба, начальника надъ его воровскими шайками. Его-то совѣтами и дошелъ уздень до страшнаго дѣла, о которомъ пойдетъ рѣчь въ этомъ правдивомъ разсказѣ. Происшествіе это и по сіе время волнуетъ души мусульманъ и вызываетъ удивленіе окрестныхъ жителей.

Корысть и жажда беззаконной наживы довели узденя и наиба до постыднаго торга. Они вошли въ сношеніе съ константинопольскими купцами и продавали имъ въ рабство молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ.

Они крали ихъ у сосѣдей во время своихъ набѣговъ на чужіе аулы, или хитростью завлекали въ домъ узденя, гдѣ онѣ были, конечно, совершенно беззащитны. Много червонцевъ, жемчугу и драгоцѣннаго оружія получили они отъ стамбульскихъ дворцовъ за этотъ живой товаръ.

У узденя былъ сынъ Качкаръ, прекрасный, великодушный юноша, искренно скорбѣвшій за преступленія родителя. Не смотря на всю его преступность, не смотря на то, что всѣ кровавыя дѣла двухъ старыхъ негодяевъ совершались на его глазахъ, Качкаръ не могъ разлюбить своего отца и старался, по законамъ пророка, чтить его волю. Наибъ, на совѣсти котораго лежали не только преступленія узденя, совершенныя по его неотступнымъ подбиваніямъ, но и множество личныхъ кровавыхъ дѣлъ, видѣлъ въ молодомъ человѣкѣ тайнаго судью своей грѣховности, и страшился суда его. Несмотря на презрѣніе къ беззащитному и безотвѣтному сыну своего владѣтеля, которое онъ старался высказывать при всякомъ удобномъ случаѣ, наибъ глубоко ненавидѣлъ и боялся Качкара, какъ будущаго своего главу и повелителя.

Неподалеку отъ жилища узденя находился маленькій аулъ, въ которомъ жилъ со своей семьей мулла Сеидъ, человѣкъ добродѣтельный, потомокъ великаго пророка и обладатель зеленой чалмы, которую имѣютъ исключительно потомки Магомета. Этотъ отличнѣйшій знакъ славнаго происхожденія даетъ многія преимущества и ограждаетъ тѣхъ, кто имъ владѣетъ, отъ произвола правителей. Въ молодости Сеидъ былъ другомъ узденя и много старался своимъ примѣромъ, набожностью и уваженіемъ къ добру и

законамъ обуздать жестокій и дикій нравъ пріятеля. Но съ появленіемъ наиба, онъ увидѣлъ, что всѣ его старанія напрасны, и съ грустью оставилъ узденя произволу его собственнаго необузданнаго характера. Впослѣдствіи онъ и совсѣмъ отказался отъ всякихъ съ нимъ сношеній, увидавъ, до какихъ онъ дошелъ беззаконій и страшныхъ дѣлъ. Но бѣда въ томъ, что во времена дружбы они сговорились поженить своихъ дѣтей, и Качкаръ съ Фатьмой, еще бѣгая, рѣзвясь маленькими дѣтьми, уже полюбили другъ друга. Съ дѣтства привыкнувъ считать себя обрученными, они уже не могли стать другъ для друга чужими, когда выросли и когда отцы ихъ разошлись, а вліяніе злого наиба все болѣе возстановляло узденя противъ праведнаго Сеида.

Какъ бы то ни было, не смотря на всѣ старанія наперсника, уздень все же любилъ своего сына и не рѣшался выразить сразу несогласіе на этотъ бракъ, зная, какъ глубоко любитъ Качкаръ свою Фатьму, свою суженую отъ колыбели. Наибъ, рѣшившись ни за что не допустить счастья ненавистныхъ ему молодыхъ людей, пустился на хитрость. Ужъ очень онъ боялся, что уздень какъ-нибудь въ хорошую минуту, когда ему самому случится ѣхать по своимъ дѣламъ, согласится на эту свадьбу. Злому старику не разъ случалось въ послѣднее время слышать жаркія, тихія мольбы бѣднаго юноши и замѣчать, что онѣ глубоко трогаютъ узденя.

Разъ, вернувшись поздно ночью, наибъ вошелъ прямо къ узденю и сталъ ему показывать разныя драгоцѣнности: сбрую всю въ золотѣ, чепракъ, шитый жемчугомъ и богатое оружіе. Онъ говорилъ, что къ

этому стамбульскіе купцы обѣщались прибавить безцѣннаго арабскаго жеребца и нѣсколько мѣрокъ отборнаго жемчуга. Сильно забилось сердце узденя. На многія преступленія пошелъ бы онъ, чтобы пріобрѣсти такія сокровища. Но, узнавъ, что цѣною ихъ должна быть прекрасная Фатьма, невѣста его единственнаго сына и дочь его прежняго друга, всѣми уважаемаго потомка великаго пророка, жадность его оказалась слабѣе его гордости, и крѣпко разгнѣвался старикъ на своего главнаго начальника за то, что тотъ смѣлъ предложить ему такую постыдную сдѣлку! Онъ было собрался сразу положить конецъ намѣреніямъ наиба, немедленно повѣнчавъ своего сына; но, на бѣду, Качкара не было дома, онъ охотился въ дальнихъ лѣсахъ. Когда же молодой человѣкъ вернулся, отецъ его уже не гнѣвался, а слушалъ все съ большимъ и съ большимъ удовольствіемъ тайныя и ловкія нашептыванія своего искусителя.

Хитрыя рѣчи и уговоры Наиба возымѣли свое дѣйствіе, разбудили корыстолюбіе старика и обратили гнѣвъ его на безмолвнаго, печальнаго Качкара. Узденю сталъ грезиться въ безропотной горести юноши укоръ его жестокосердію. А наибъ, подмѣтивъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло, тоже не дремалъ и всячески старался раздуть безпричинное недовольство своего господина на сына и муллу Сеида въ пламя неудержимаго гнѣва и жажду мести, которую ничто не остановитъ, пока она не насытится всласть.

Наибъ хорошо зналъ легковѣрный, мстительный и вспыльчивый нравъ узденя; недаромъ онъ также разсчитывалъ на его страсть къ стяжанію. Долго уздень не соглашался погубить Качкара и прекрасную, ни въ

чемъ неповинную дѣвушку. Но то немногое добро, что оставалось еще въ немъ, не могло долго противиться искушенію завладѣть сокровищами, къ которымъ стамбульскіе купцы прибавляли то поясъ, покрытый изумрудами и яхонтами, то кинжалъ, ручка и ножны котораго были усыпаны алмазами. Наконецъ, когда наибъ объявилъ, что покупщики дадутъ ко всему этому въ придачу еще и мѣшокъ съ червонцами, узденъ не выдержалъ и позволилъ злодѣю устраивать дѣло, какъ ему будетъ угодно.

Они порѣшили, что узденъ скажетъ Качкару о своемъ согласіи на его бракъ съ Фатьмою, будетъ стараться примириться съ Сеидомъ и станетъ готовить самую пышную свадьбу, а наибъ въ это время дастъ знать продавцамъ невольницъ, чтобы ихъ па-

русныя кочермы были готовы, и станетъ набирать шайку негодяевъ для похищенія невѣсты. Все шло хорошо. Качкаръ былъ внѣ себя отъ радости. Онъ давно ждалъ этого счастливаго дня. Бѣднякъ надѣялся даже, что съ помощью доброй, кроткой жены, онъ съумѣетъ восторжествовать надъ злымъ геніемъ своего отца, надъ безбожнымъ наибомъ. Сваты возвратились съ благопріятнымъ отвѣтомъ; Сеиду уже былъ посланъ калымъ, выкупъ за невѣсту, и сіяющій счастьемъ Качкаръ уже собирался ѣхать за своей Фатьмой, когда ему совершенно случайно пришлось извѣдать, какая глубина злобы и безсердечія таится подъ видимою ласковостью отца. Онъ услыхалъ совѣщаніе двухъ старыхъ преступниковъ о томъ, на какомъ мѣстѣ было бы удобнѣе шайкѣ, подкупленной наибомъ и купцами, напасть на свадебный поѣздъ и похитить невѣсту изъ среды веселыхъ поѣзжанъ, а жениха увязать въ бурку и, лишеннаго всякой возможности защищаться, вернуть въ домъ отца. Узденъ грозно приказывалъ наибу не трогать и пальцемъ Качкара. Наибъ смиренно обѣщалъ не преступить воли своего господина, но самъ рѣшилъ, что не пропуститъ этого случая для того, чтобы навсегда развязаться съ ненавистнымъ ему юношей. Онъ не могъ переносить безъ ужаса и злобы спокойнаго взгляда кроткихъ глазъ Качкара, и рѣшилъ, что ужъ никогда больше не подымутся они на него съ безмолвной и печальной укоризной; что они закроются навсегда въ томъ глухомъ ущельи, которое онъ выбралъ для нападенія на свадебный поѣздъ. Наибъ хорошо зналъ, что умри узденъ сегодня, — Качкаръ завтра же лишитъ его всякой власти.

«Пули, вѣдь, не разбираютъ! — рѣшилъ онъ мысленно. — Только бы раздѣлаться, а потомъ легко будетъ свалить смерть Качкара на несчастный случай!»

Услыхалъ бѣдный юноша совѣщаніе отца съ его искусителемъ, понялъ, что нѣтъ ему и Фатьмѣ спасенія, и не стало мѣры его отчаянію. Онъ всегда

зналъ о злодѣяніяхъ узденя; часто рискуя навлечь неумолимый гнѣвъ его, препятствовалъ его замысламъ и старался поправить его худыя дѣла; но такого коварнаго злодѣйства онъ не ждалъ! Бѣдный юноша выбѣжалъ въ поле, какъ безумный, упалъ на землю и рыдалъ, отчаянно призывая пророка въ свидѣтели, что ему ничего болѣе не осталось, какъ отказаться отъ такого родителя. Онъ рѣшился бѣжать, не медля ни минуты и предупредивъ муллу объ опасности, грозившей его дочери. Прибѣжавъ въ аулъ, онъ разбудилъ семью своей нареченной невѣсты, и разсказалъ все. Онъ сказалъ, что, ради спасенія своей Фатьмы, долженъ онъ нея отказаться и бѣжать на вѣки изъ владѣній преступнаго отца. Прелестная Фатьма въ ужасѣ выслушала его слова, обливаясь слезами, взглянула на престарѣлаго отца своего, но тутъ же твердо объявила, что не отпуститъ Качкара одного; отецъ благословилъ ихъ на бракъ, и она обязана раздѣлить изгнаніе и судьбу своего супруга. Съ тяжелымъ горемъ на сердцѣ мулла выслушалъ рѣчи Качкара и Фатьмы; но возражать имъ не рѣшился; онъ же самъ внушилъ этимъ дѣтямъ благородныя чувства, и долженъ былъ признать теперь рѣшеніе дочери справедливымъ и покориться ему. Онъ далъ имъ немного денегъ, сильнаго коня и, благословивъ еще разъ, отпустилъ на всѣ четыре стороны. Молодые люди скрылись въ непроходимыхъ лѣсахъ черноморскаго побережья, за рѣкою Кубанью.

Тамъ они поселились въ глубокой пещерѣ и, не смотря на трудъ и лишенія, были счастливы. Они были счастливы. Они были далеко отъ владѣній узденя, и Качкаръ могъ безбоязненно оставлять

Фатьму въ ихъ укромномъ убѣжищѣ. А ему часто приходилось отлучаться. Въ лѣсу было много дичи, да не легко было добывать ее. Хотя Качкаръ и захватилъ съ собою пороху, но избѣгалъ стрѣлять, чтобы не привлечь вниманія угольщиковъ или дровосѣковъ, работавшихъ въ лѣсу. Онъ боялся людей и хотѣлъ бы провесть всю жизнь одиноко со своей возлюбленной Фатьмой. Итакъ, пока онъ по цѣлымъ днямъ выслѣживалъ нору зайца, или терпѣливо разставлялъ въ лѣсу сѣти, чтобы какая-нибудь птица попалась въ нихъ, Фатьма оставалась въ домѣ-пещерѣ, чиня его платье, приготовляя обѣдъ, иногда собирая по близости лѣсныя ягоды, думая объ отцѣ и тихонько напѣвая пѣсни далекой родины. Впрочемъ, она была не одна: съ нею оставалась иногда любимая вѣрная собака ея супруга, раздѣлявшая ихъ изгнаніе, да маленькій заяцъ, котораго недавно принесъ ей Качкаръ еще слѣпымъ. Она заботливо выводила его и выкормила, и звѣрекъ такъ привязался къ ней, что не отходилъ отъ нея ни на шагъ, когда она собирала ягоды, или ходила за водой къ ближайшему роднику, и никогда не оставался одинъ въ лѣсу. Хотя молодымъ людямъ приходилось подчасъ и холодно и голодно, но они были довольны. Скоро они свыклись

съ этою жизнью, полюбили свою пещеру и лѣсъ, жили его простой, здоровой жизнью, какъ окружавшіе ихъ птицы и звѣри. Въ грозы, въ бурю и ненастье, когда старыя деревья гнулись чуть не до земли отъ буйныхъ порывовъ вѣтра и всякая вѣтка жалобно плакала и стонала, а звѣри, большой и малый, спѣшили укрыться отъ разгнѣванной природы, уходили и Качкаръ съ Фатьмою съ вѣрными своими друзьями въ свою пещеру и пережидали бурю. Зато какая радость, когда, бывало, вѣтеръ разгонитъ мрачныя полчища тучъ, лучезарно и ласково выглянетъ красное солнышко и все обольетъ веселымъ свѣтомъ, словно спѣша успокоить и порадовать своихъ любимцевъ, бѣдныхъ, напуганныхъ обитателей лѣса. Тогда Качкару и Фатьмѣ казалось, что они понимаютъ счастье всякой пичужки и бабочки! Они выходили изъ темной пещеры и вмѣстѣ съ ними спѣшили пробраться навстрѣчу теплымъ, солнечнымъ лучамъ куда-нибудь на открытую полянку, гдѣ бы старые эгоисты и темные, кудрявые орѣшники не забирали однимъ себѣ живительные лучи царя природы, яснаго солнышка.

«Сколько созданій Божіихъ гораздо меньше, беззащитнѣй и безсильнѣй насъ, а однако же никто изъ нихъ не боится жить! Они слѣпо вѣрятъ въ благость Создавшаго ихъ и безтрепетно смотрятъ въ глаза завтрашнему дню, ожидая отъ него и помощи въ бѣдахъ и всего необходимаго для жизни!»

Такъ думали Качкаръ и Фатьма, и неутомимо поддерживали въ сердцахъ своихъ бодрость и надежду на милость Создателя.

Но дни шли за днями, становилось холоднѣе, жизнь въ лѣсу дѣлалась труднѣе; деревья лишались

своихъ листьевъ и, вмѣстѣ съ ними, жилище молодыхъ супруговъ лишалось своей защиты отъ чуждыхъ, любопытныхъ взоровъ. Разъ молодой человѣкъ, увлеченный преслѣдованіемъ лисицъ, изъ мягкаго мѣха которыхъ онъ думалъ сдѣлать теплую шубку своей женѣ, очень удалился отъ пещеры и вдругъ очутился на опушкѣ лѣса. Онъ и не замѣтилъ, что тамъ на полянѣ расположилась цѣлая толпа веселыхъ, отдыхавшихъ охотниковъ; но они видѣли его и удивились неожиданному появленію изъ лѣсу незнакомаго, прекраснаго юноши. Нѣкоторые изъ нихъ, увлеченные любопытствомъ, выслѣдили его убѣжище... Много разъ впослѣдствіи они видѣли его и его жену, когда Качкаръ и Фатьма отдыхали въ теплый полдень у входа въ пещеру и дѣлились скудной пищей со своими друзьями, собакой и зайцемъ, или когда молодые супруги, вѣрные завѣтамъ благочестиваго муллы Сеида, выходили на опушку своего лѣса, озареннаго блесками солнечнаго восхода или окрашеннаго пурпуромъ вечерней зари, посеребреннаго бриллiантовымъ рожкомъ молодого мѣсяца, чтобы благоговѣйно склониться на утренній или вечерній намазъ.

Слава о чудесномъ охотникѣ и красавицѣ, живущихъ въ лѣсной пещерѣ, все болѣе распространялась. Провѣдалъ объ нихъ и наибъ, и радостно побѣжалъ разсказать эту новость своему господину. Уздень уже давно позабылъ всѣ свои благонамѣренія относительно сына, и въ сердцѣ его жила только злоба и безпредѣльная ненависть къ Качкару, какъ неожиданно помѣшавшему своимъ побѣгомъ его корыстолюбивымъ планамъ. Въ тотъ же день онъ велѣлъ вооружить

отрядъ и послалъ его на развѣдки подъ предводительствомъ наиба.

Въ одно утро Качкаръ, выйдя, по обыкновенію, на охоту, увидѣлъ сквозь чащу большую толпу вооруженныхъ всадниковъ и, къ ужасу своему, во главѣ ихъ узналъ своего заклятаго врага наиба. Онъ бросился назадъ въ пещеру, рѣшившись защитить любимую жену до послѣдней капли крови; но не успѣлъ скрыться отъ зоркихъ глазъ своихъ преслѣдователей. Они узнали его сразу и ринулись за нимъ въ погоню. Но Качкаръ лучше ихъ зналъ свой лѣсъ, а на лошадяхъ трудно было прорываться сквозь лѣсную чащу; къ тому же деревья словно сговорились оказать послѣднюю услугу прекрасному юношѣ, съ которымъ они такъ дружно сжились; они то и дѣло хлестали всадниковъ гибкими вѣтками, цѣплялись сучьями за ихъ оружіе и сбрасывали ихъ съ лошадей. Кони, путаясь въ побѣгахъ плюща и дикаго хмѣля, становились на дыбы, и наибъ съ трудомъ останавливалъ въ своемъ отрядѣ неудовольствіе и заявленія, что лучше бросить преслѣдованіе. А тѣмъ временемъ Качкаръ успѣлъ добѣжать до своей родной пещеры. Онъ велѣлъ женѣ спрятаться подъ цѣлую груду мѣховъ убитыхъ имъ звѣрей, а самъ сталъ торопливо заваливать входъ въ свое убѣжище. Еще нѣсколько камней, охапка валежнику — и молодые люди были бы спасены. Но поздно! Предъ Качкаромъ мелькнуло, изъ-за порѣдѣвшихъ вѣтвей, звѣрское, искаженное злобой лицо наиба, послышался его торжествующій голосъ, а за нимъ и вся ватага его показалась изъ чащи. Несчастные супруги поняли, что все для нихъ кончено. Тогда обнявшись, они вмѣстѣ упали на колѣни и горячо

призвали помощь Божiю, умоляя милосердаго Аллаха послать имъ обоимъ немедленную смерть... Вѣрная собака Качкара и зайченокъ Фатьмы робко прижались къ нимъ, и надъ всѣми четырьмя совершилось великое чудо: кровь ихъ застыла, сердца перестали биться. Они почувствовали, что костенѣютъ и окаменѣваютъ...

Когда наибъ со своими разбойниками бѣшено ворвались въ пещеру, они наткнулись на четверыхъ окаменѣлыхъ, и сами чуть не остолбенѣли отъ ужаса.

Безсмертныя души молодыхъ, богобоязненныхъ супруговъ воспарили къ небу, на лоно Аллаха, внявшаго ихъ горячей мольбѣ; а тѣла ихъ навѣки остались въ пещерѣ свидѣтельствовать мiру могущество Его и силу молитвы вѣрующихъ.

Прошли вѣка, исчезли многiя поколѣнiя, а чудесный охотникъ со своей молодой женой, вѣрной собакой и лѣснымъ вскормленнымъ зайцемъ, лежатъ все также на мѣстахъ своихъ въ Назрановской пещерѣ, на вразумленiе правовѣрныхъ и диво любопытныхъ путешественниковъ.

Если побываете на Кубани, вы сами можете ихъ видѣть, и слышать преданiе о Качкарѣ и Фатьмѣ отъ какого-нибудь чалмоноснаго Сеида, — быть можетъ, потомка отца окаменѣвшей красавицы, какъ слышали и видѣли ихъ мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

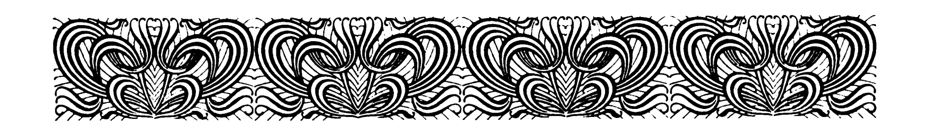
Это явленiе на Кавказѣ не единственное. Неподалеку отъ Телава, въ Кахетiи, въ пещерѣ, находящейся возлѣ Гарреджiйскаго монастыря святого Давыда, тоже

лежатъ нетлѣнныя тѣла охотника и его собаки. Окружные жители чтятъ этого охотника и переодѣваютъ съ большей церемоніей каждыя десять лѣтъ въ новую одежду. Но о немъ не сохранилось никакого преданія, а только лукъ его и каменныя, заостренныя стрѣлы, разсыпанныя вокругъ него въ пещерѣ, свидѣтельствуютъ, что это былъ охотникъ.

Колодезь трехъ грѣховъ.

(Осетинская легенда).

Сакля осетина Бурхана Микели-Швили стояла уединенно въ узкой цвѣтущей долинѣ, на берегахъ рѣки Уруха.

Бурханъ былъ бѣдный *кавдасардъ*, обобранный по смерти отца своего братьями *алдарами* *), сыновьями первой равноправной жены покойнаго. Онъ удалился со своей матерью и малолѣтней сестрой изъ родной семьи, гдѣ ихъ болѣе не желали терпѣть, выстроилъ саклю на пріобрѣтенномъ клочкѣ земли и сталъ работать неустанно.

Онъ былъ хорошій работникъ, хорошій сынъ и братъ и хорошій человѣкъ, никогда не забывавшій своихъ обязанностей, чтившій старшихъ, гостепріимно встрѣчавшій на порогѣ своего жилища каждаго гостя,

*) *Алдары* — господствующее сословіе въ Осетіи, дворяне. Вторымъ считается сословіе *фарсклаковъ* — «вольныхъ людей», нѣсколько подчиненныхъ первымъ, но имѣющихъ право владѣть, какъ и алдары, рабами (безправными *кусиками*, послѣднимъ сословіемъ, образовавшимся изъ плѣнныхъ или нищихъ проходимцевъ) и *квадасардами*, то-есть дѣтьми отъ неравныхъ браковъ. Первыя жены избираются всегда въ равномъ сословіи; вторыя же и третьи жены не считаются законными, берутся изъ низшихъ классовъ, и дѣти ихъ болѣе работники, чѣмъ братья и сестры, въ домѣ отца, по смерти котораго они однако освобождаются.

котораго всегда хорошо угощалъ и готовъ былъ защищать цѣной собственной жизни, сознавая въ томъ священный и непреложный долгъ каждаго человѣка, дорожащаго честью и спасеніемъ души своей.

Одна была завѣтная цѣль у Бурхана, это — разбогатѣть.

Почетнаго званія алдара бѣдный Бурханъ пріобрѣсть не могъ никакими заслугами — его даетъ лишь право рожденія; но онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсть право величаться предъ братьями и родичами тѣмъ, что самъ заработалъ свое богатство, а съ богатствомъ, разумѣется, и власть, и почетное положеніе, тѣмъ, что самъ себѣ, уму своему, находчивости, смѣлости и силѣ воли, а не дарамъ слѣпой судьбы, обязанъ своими преимуществами... Онъ былъ честолюбивъ, самонадѣянъ, смѣлъ и предпріимчивъ. Вскорѣ весь околотокъ сталъ уважать кавдасарда Бурхана, потому что достатки его видимо умножились въ ущербъ сосѣдямъ и въ особенности его братьямъ, кичившимся передъ нимъ. У нихъ то и дѣло пропадали лошади изъ табуновъ, баранта (бараны и овцы) изъ стадъ ихъ; бывали при этихъ смѣлыхъ грабежахъ и убійства, но такъ какъ ловкій Бурханъ не попадался и уличенъ никогда не былъ, то, понятно, никто его не могъ обвинять, а, напротивъ, уваженіе къ нему съ каждымъ новымъ подвигомъ возростало. «Не пойманъ — не воръ!» говоритъ пословица всеобщая, а у кавказскихъ дика-

рей ее иначе формулируютъ: «не пойманъ — не воръ, а молодецъ и герой!»

Всѣ знали, что Бурханъ наживается грабежемъ и молодецкими воровствами безъ слѣда для уликъ, а потому всѣ его уважали, какъ лучшаго въ околоткѣ *джигита* (наѣздника-витязя), и не было ни одной дѣвушки въ сосѣднихъ аулахъ, которая съ радостью не вышла бы за него замужъ. Но Бурханъ съ бракомъ не спѣшилъ... Зачѣмъ связываться законными узами, когда вольная волюшка несравненно заманчивѣе!.. Въ домѣ Бурхана хозяйками были: его мать и подроставшая Доссана, сестра его, уже начинавшая останавливать на себѣ взоры цѣнителей женской красоты.

Черноглазой Доссанѣ ужъ минуло пятнадцать лѣтъ, но братъ не торопилъ ее замужествомъ; онъ ждалъ такого жениха, который не поскупился бы и могъ за нее дорого заплатить. И она не спѣшила, не находя никого по сердцу, пока случай не привелъ ее встрѣтиться съ кабардинцемъ Гассаномъ. Гассанъ пріѣхалъ въ числѣ дружекъ на свадьбу сосѣдки, подруги Доссаны. Свадебные пиры разрѣшаютъ совмѣстное веселіе и танцы молодежи обоего пола, а потому Гассанъ и Доссана проплясали вмѣстѣ до самыхъ пѣтуховъ.

Этотъ вечеръ рѣшилъ участь ея: днемъ и ночью сталъ ей мерещиться красавецъ джигитъ; да и онъ, оказалось, о ней призадумался не на шутку. Недѣли черезъ двѣ сваты его появились у воротъ Бурханова жилища, но, впору предупрежденные о тяжкой болѣзни его матери, удалились, отлагая сватовство до болѣе удобнаго времени.

Умерла Бурханова мать. Сынъ справилъ похоронную церемонію съ неслыханнымъ въ ихъ званіи вели-

колѣпіемъ. Забывъ пробуждавшуюся въ немъ все сильнѣе алчность, онъ не пожалѣлъ почтить память матери приглашеніемъ лучшихъ плакальщицъ и лучшей причитальщицы, какія были въ ихъ околоткѣ, для прославленія украшавшихъ покойницу добродѣтелей. Справивъ похороны и поминки, Бурханъ сильно призадумался. Со смертью матери онъ терялъ дѣятельную хозяйку и работницу и, кромѣ того, опасался, что теперь любому джигиту легко будетъ похитить сестру его безъ всякаго калыма. Этотъ самый лихой кабардинецъ Гассанъ, заручившись согласіемъ Доссаны, могъ легко увезти ее во время его отсутствія, не подвергаясь никакой опасности. Въ Осетіи, какъ и вообще у всѣхъ горцевъ Кавказа, похищеніе дѣвушки дѣло молодецкое, приносящее честь похитителю, если его не поймаютъ. Поймаютъ — не прогнѣвайся! изобьютъ и даже убьютъ по праву; а удастся воровство — счастіе вора, — и похищенная невѣста становится его неотъемлемой собственностью.

Кому же было охранять сестру его теперь во время частыхъ его отсутствій? Не пойти ли ему на сдѣлку съ Абдуллой изъ Стамбула?.. Турокъ Абдулла былъ всѣмъ извѣстный контрабандистъ и вообще ловкій человѣкъ, у котораго было обширное знакомство со всѣми богачами по турецкимъ берегамъ Черноморья. Его хищный глазъ еще въ прошломъ году запримѣтилъ расцвѣтавшую въ саклѣ Бурхана красавицу, и не разъ ужъ онъ намекалъ ему, что тотъ владѣетъ кладомъ, который во всякое время можетъ обратить въ груду золота, если захочетъ отдать ее въ одинъ изъ гаремовъ... Соблазнительныя были предложенія стараго пирата, а Бурханъ зналъ, что Абдуллу и его

сынишку Сафара, ловко во всемъ помогавшаго отцу, видѣли кунаки опять поблизости недавно. Они рыскали по Кабардѣ и по сосѣднимъ auламъ Осетіи, разыскивая добычи. Бурханъ не разъ останавливался на мысли съ нимъ повидаться, но призадумывался предъ зазорнымъ дѣломъ продажи сестры, — родной и единой сестры своей въ рабство на чужбину!.. Сначала эта мысль пугала осетина; ему было жаль сестры. Но вскорѣ явились соображенія: на чужбину?.. Въ рабство?.. А развѣ не та же чужбина для нея и Кабарда, куда увезетъ ее Гассанъ? А развѣ не одинаковое рабство — удѣлъ каждой женщины — ее ждетъ въ домѣ мужа, осетина ли, кабардинца, какого бы то ни было горца, какъ и въ гаремахъ трабизондскихъ или стамбульскихъ?.. Еще, пожалуй, не болѣе ли завидная участь ожидаетъ красивую одалиску какого-нибудь паши, быть можетъ самого султана, чѣмъ чернорабочую жену бѣднаго горца?..

И вотъ, спустя шесть недѣль послѣ смерти матери, Бурханъ поручилъ знакомому абхазскому еврею, подъ видомъ мелкой купли и продажи шнырявшему въ горахъ ихъ по дѣламъ Абдуллы, передать послѣднему, чтобъ тотъ побывалъ самъ для переговоровъ «объ извѣстномъ ему дѣлѣ».

Каждый день поджидалъ онъ извѣстій, и чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ сильнѣе разгоралась корысть его, тѣмъ возвышалъ онъ мысленно цѣну, которую могъ бы добыть за Доссану.

Но удалецъ Гассанъ, словно предчувствуя бѣду не далъ разбойнику-турку опередить себя; зная корыстолюбіе осетина, онъ самъ явился къ нему въ гости не съ пустыми руками, а привезъ ему такой богатый

ирадъ (выкупъ невѣсты) въ звонкихъ турецкихъ піастрахъ, котораго тотъ и не ждалъ.

Загорѣлись глаза жаднаго Бурхана, и тотчасъ онъ ударилъ по рукамъ съ кабардинцемъ, приглашая его засылать сватовъ и дружекъ-товарищей завтра же.

Довольный проводилъ онъ щедраго жениха своей сестры за ворота сакли; самъ подвелъ ему его коня и, братски съ нимъ распрощавшись, долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся Гассану. Въ душѣ его боролись различныя чувства. Въ нихъ была и радость за сестру, и досада, что все покончено, что онъ долженъ разстаться съ надеждой получить за нее еще гораздо болѣе золота, чѣмъ могъ ему дать кабардинецъ... Солнце садилось въ огненно-аломъ сіяньи. Въ лучахъ его потухавшей зари Бурханъ еще разъ увидалъ черный силуэтъ своего будущаго брата, исчезавшій за горой, и только что было повернулся, чтобы возвратиться въ саклю и сказать Доссанѣ радостную вѣсть о томъ, что она просватана, какъ вдругъ гдѣ-то внизу, въ ущельѣ, раздался протяжный свистъ.

Бурханъ остановился прислушиваясь. За первымъ свистомъ прозвучалъ второй короче и третій еще отрывочнѣе. Ноги подкосились у осетина. Предъ его глазами блеснула молнія; онъ хотѣлъ идти, но съ минуту не могъ двинуться съ мѣста, будто къ ногамъ его привязали пудовики.

Призывной свистъ повторился второй и третій разъ.

Нѣтъ болѣе сомнѣнія: то Абдулла зоветъ его, а онъ просваталъ сестру! Ему ужъ не о чемъ говорить съ этимъ ловкимъ и хитрымъ морскимъ разбойникомъ. Ему уже не видѣть его золота...

Но, размышляя, Бурханъ все же понемножку дви-

гался къ ущелью, и, чѣмъ ближе спускался онъ къ рѣкѣ, глухо шумѣвшей внизу, тѣмъ сильнѣе шумѣла и его кровь; въ возбужденномъ мозгу его мелькали коварныя, соблазнительныя соображенія... Онъ взялъ калымъ Гассана за сестру — это правда; но развѣ можетъ онъ ручаться, что ловкіе головорѣзы не похитятъ ее помимо его вѣдома и желанія?.. Конечно, не можетъ!.. Кабардинецъ и знать не будетъ о его свиданіи съ Абдуллой, а ужъ о томъ, что турокъ заплатилъ ему за Доссану, тѣмъ болѣе никогда не узнаетъ... А въ сущности она, быть можетъ, даже навѣрное, гораздо счастливѣе будетъ, живя въ роскошномъ гаремѣ, чѣмъ исполняя черную работу въ саклѣ бѣднаго горца...

Въ ущельѣ его встрѣтилъ, оскаливъ бѣлые зубы, мальчишка Сафаръ и повелъ его на берегъ Уруха, гдѣ за выступомъ скалы отецъ его ожидалъ въ каикѣ. Черезъ минуту осетинъ сидѣлъ въ лодчонкѣ рядомъ съ хитрымъ туркомъ, который истощалъ весь запасъ своего краснорѣчія, чтобъ убѣдить его продать ему свою сестру. Слова не такъ дѣйствовали, какъ звонъ золотыхъ; когда Абдулла высыпалъ на циновку грудy золота, Бурханъ, до той поры молча общипывавшій полы своей ветхой черкески, вздрогнулъ и уставился на деньги... Ихъ тутъ было разъ въ десять больше,

чѣмъ далъ ему Гассанъ. Бурханъ, согласившись на продажу, сразу дѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ на сто верстъ въ окружности.

— Но ты ручаешься мнѣ, Абдулла, что не продашь Доссану въ рабство злымъ или бѣднымъ людямъ?—пробормоталъ онъ, растерянный.

Турокъ важно улыбнулся.

— Развѣ такимъ красавицамъ, какова нынѣ сестра твоя, приличны рабство или бѣдность?—сказалъ онъ. — Такія, какъ она, живутъ въ царскихъ гаремахъ!.. Попомни слово мое, что въ этомъ же году ты услышишь, что она первая одалиска султана, что она властвуетъ надъ повелителемъ правовѣрныхъ. Подумай: отказывая мнѣ, ты лишаешь себя богатства, а родную сестру завиднѣйшей доли, которой можетъ желать женщина... Но, разумѣется, если ты протянешь еще годъ, я не дамъ тебѣ и половины этого мѣшка золотыхъ; а черезъ два — не получишь и четверти. Да и ей, вѣроятно, ужъ не выпадетъ то счастіе, на которое она можетъ разсчитывать нынѣ. Женщина — что роза: хороша въ первый день расцвѣта.

И уговоръ былъ заключенъ. Въ полночь Бурханъ брался доставить сестру на самый берегъ Уруха.

— Вотъ и прекрасно! — согласился турокъ. — Мы тутъ съ тобой и помѣняемся; я возьму Доссану, а ты мой мѣшокъ золотыхъ. И тогда станешь ты первымъ наѣздникомъ Осетіи, владѣя сотнями коней и тысячами барановъ. У тебя будетъ винтовка съ насѣчкой, блестящей какъ золото; кинжалъ твой будетъ рубить сталь какъ нитку, а десятки красивыхъ горянокъ будутъ рады держать стремя твоего коня. Смотри же, не упусти своего счастія!

Въ полночь, въ самую глушь и темь, Доссану разбудилъ нѣжный призывъ, раздавшійся подъ окномъ ея.

Испуганная, она поднялась и спросила.

— Кто тамъ?.. Кто зоветъ меня?..

— Это я, Гассанъ! Твой будущій супругъ!—отвѣчалъ умышленно заглушенный голосъ.

— Гассанъ?.. Зачѣмъ ты здѣсь?.. Братъ мой уѣхалъ съ вечера. Я одна. Я не могу впустить тебя...

— И не впускай, а выйди ко мнѣ, моя ясная звѣздочка. Я знаю, что брата твоего нѣтъ, да еслибъ и былъ онъ дома — я не боялся бы его, вѣдь я женихъ твой! Вѣдь сегодня утромъ я за тебя посватался!

Черезъ минуту Доссана, вся дрожа отъ счастія, вышла изъ дверей сакли. Мужскія объятія охватили ее крѣпко, и прежде, чѣмъ дѣвушка опомнилась, она, укутанная буркой, уже скакала за спиной всадника, въ которомъ волненіе ея и темнота ночи не позволяли ей признать своего брата. Едва они достигли условнаго мѣста, нѣсколько человѣкъ бросились на нихъ изъ кустовъ, повалили Бурхана на землю ударомъ въ голову, а Доссану схватили и, какъ была она, въ буркѣ, такъ, перевязавъ ее крѣпче, свалили въ каикъ и исчезли безслѣдно, ничего не давъ осетину за проданную имъ сестру.

— Ограбили!.. Украли сестру, погубили меня! — стоналъ обманутый осетинъ, пробираясь на разсвѣтѣ домой, въ свою опустѣлую саклю.

Съ той поры заглохли въ немъ всѣ чувства человѣческія, кромѣ одной корысти. Бурханъ пустился въ злой разбой, а Гассанъ, лишившись невѣсты, пошелъ въ абреки и оставилъ родныя мѣста навсегда.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Стояла черная, не-

настная осенняя ночь. Осетинъ Бурханъ сидѣлъ въ своей непривѣтной саклѣ и при свѣтѣ догоравшаго очага считалъ вырученныя деньги за продажу послѣдней добычи. Тутъ же, возлѣ камина, была приподнята плита въ каменномъ полу и подъ нею чернѣлась потайная яма, куда грабитель пряталъ свои деньги, продолжая жить бѣднякомъ.

Вдругъ, въ ворота его постучались.

— Кто тамъ?—закричалъ онъ, быстро пряча свои сокровища.

— Это я, странникъ, ищущій пристанища отъ ненастья,—отвѣтилъ молодой слабый голосъ.—Пусти меня, добрый человѣкъ, переночевать въ твоей саклѣ!

— Не могу! — сурово возразилъ осетинъ, ужъ не впервые нарушая священный долгъ гостепріимства. — Сакля моя тѣсна, и не хочу я принимать безвѣстныхъ ночныхъ бродягъ.

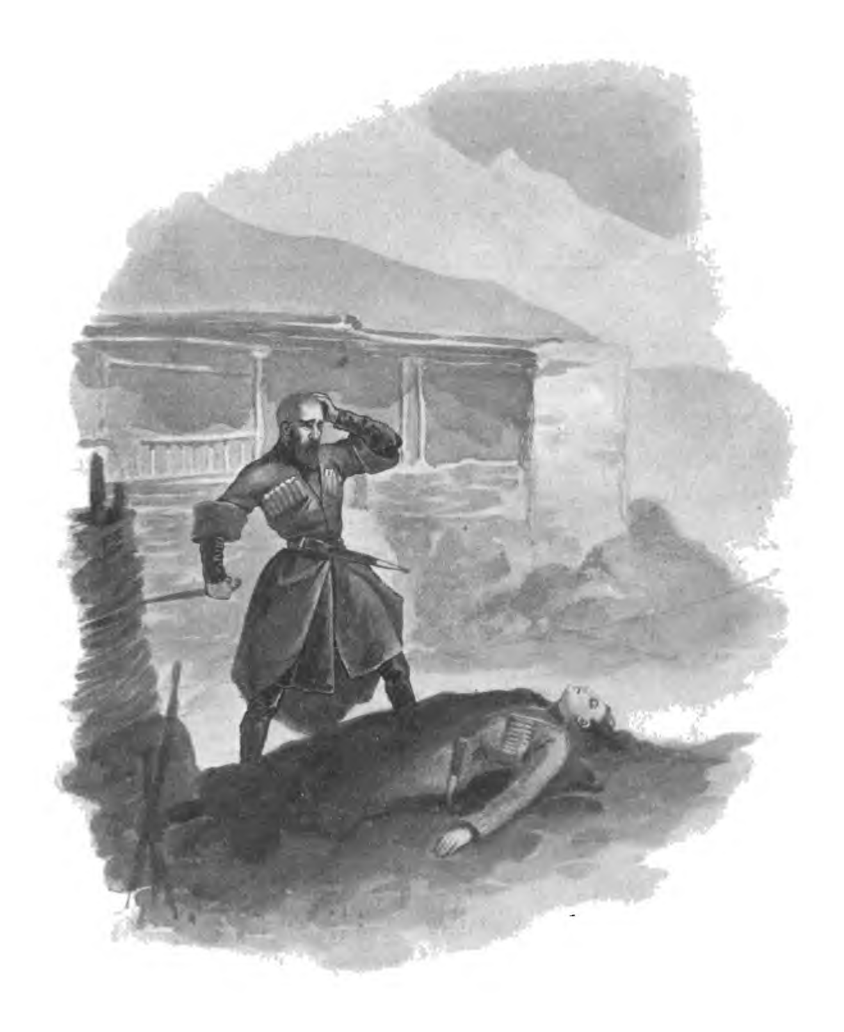
«Эге! Да какой славный конь у этого джигита? И какое вооруженіе!.. Судьба мнѣ посылаетъ неожиданно хорошую добычу!»—въ то же время думалъ онъ, высматривая въ щель доспѣхи неизвѣстнаго путника и снимая тихонько ружье со стѣны.

— Молю тебя во имя твоихъ родителей, во имя спасенія души твоей, впусти меня!.. Я молодъ и боюсь ночной тьмы! — умолялъ всадникъ.

— О! Такъ ты еще и трусъ!—насмѣшливо возразилъ ему разбойникъ, осторожно прицѣливаясь въ окно.

Выстрѣлъ грянулъ и бѣдный путникъ со стономъ повалился на землю... Въ мигъ Бурханъ очутился возлѣ него и, не обращая на умирающаго никакого вниманія, зная, что до свѣта еще успѣетъ сбросить трупъ его въ рѣку, схватился за поводья коня. Лишь осмотрѣвъ

его и поставивъ въ стойло, убійца вернулся къ своей жертвѣ. Но, пригнувшись, чтобъ поднять ее, онъ съ ужасомъ отпрянулъ прочь, не зная — вѣрить ли гла-

замъ своимъ: передъ нимъ мелькнуло въ свѣтѣ блеснувшей молніи родное лицо Доссаны...

И она узнала его.

— О, Бурханъ! О, несчастный братъ мой! — прошептала умирающая, — я хотѣла порадовать тебя неожиданнымъ возвращеніемъ... Мнѣ удалось убѣжать... Что ты сдѣлалъ надъ собой, несчастный?.. Земля не снесетъ трехъ страшныхъ грѣховъ, совершенныхъ тобою.

И точно. Послышался подземный гулъ, земля поколебалась, разверзла пасть свою и поглотила убитую, убійцу и все то мѣсто, гдѣ жилъ преступникъ... На мѣстѣ бурхановой сакли появился смрадный колодезь, изъ котораго черезъ нѣсколько дней вынули всплывшій трупъ его.

Вода не принимала тройного злодѣя: предателя сестры своей, изгнавшаго отъ своего порога странника, просившаго гостепріимства, и убійцу женщины, искавшей его помощи.

Его схоронили, но и земля не хотѣла принять его: въ ту же ночь дикіе звѣри — шакалы и гіены — разрыли могилу его и растерзали его трупъ.

Какъ тѣло Бурхана не находило покоя, такъ не нашла успокоенія и грѣшная душа его: она бродила и бродитъ и понынѣ въ горахъ Осетіи. Многіе горцы видали тѣнь преступнаго бродяги, а нѣкоторые даже проводили въ его сообществѣ цѣлые часы. Духъ Бурхана любитъ встрѣчать въ ненастныя ночи запоздалыхъ путниковъ, любитъ обольщать ихъ напрасными надеждами на близкій кровъ и отдыхъ. Довѣрившихся ему онъ водитъ по скаламъ и лѣснымъ дебрямъ и, наконецъ, измученныхъ, доводитъ до своего прежняго жилища, предлагая имъ гостепріимство и ночлегъ въ своемъ колодезѣ.

— Теперь, — говорятъ осетины, — онъ давно никому не показывался. Быть можетъ отбылъ свой срокъ

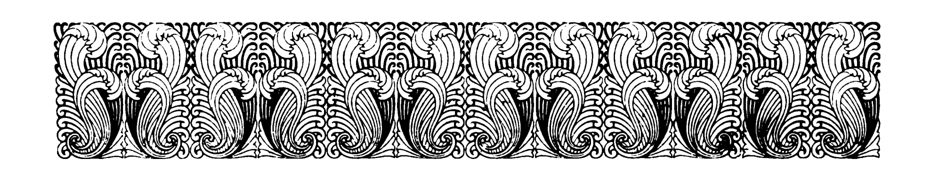
и св. Георгій выпросилъ ему прощеніе въ награду за то, что въ давнія времена, когда торговля несчастными горянками еще процвѣтала въ нашихъ мѣстахъ, «*бродячій осетинъ*» часто освобождалъ бѣдныхъ плѣнницъ. Онъ запугивалъ гнусныхъ похитителей нашихъ сестеръ и невѣстъ — турокъ, сотоварищей по ремеслу загубившаго его Абдуллы, до полусмерти. Онъ заводилъ ихъ въ пропасти, бросалъ ихъ въ рѣки и громко хохоталъ надъ ихъ мученіями, когда ему удавалось ихъ погубить... О! Отцы и дѣды наши хорошо помнятъ такія продѣлки Бурхана, тройного преступника. Они не разъ сами въ бурныя темныя ночи слыхивали его безпощадный хохотъ... Они сами остерегались его и насъ предостерегали не запаздывать никогда по близости отъ проклятаго колодезя трехъ грѣховъ.

Этотъ разсказъ и многія ему подобныя легенды о продѣлкахъ грѣшныхъ духовъ, а порой и отошедшихъ праведниковъ на землѣ, можно всегда услышать, побывавъ въ Осетіи, отъ ея суевѣрныхъ жителей.

Кунчуковъ спускъ.

(Легенда Западнаго Кавказа).

Мсти! Но местью не наслаждайся!» — такъ говоритъ мудрецъ.

Невдалекѣ отъ Азова и Павловскаго поста, вверхъ по Кубани, есть крутой мысъ, омываемый ея быстрыми водами. Жители называютъ его Кунчуковъ спускъ и разсказываютъ о немъ романическое преданіе.

Въ тѣ славныя битвами и великими подвигами времена, когда черкесскіе джигиты-богатыри носились по горамъ береговъ Кубани и прибережью моря, подобно огненнымъ метеорамъ, оставляя за собою на землѣ такіе же кровавые слѣды, какъ тѣ оставляютъ въ поднебесьи; когда черкешенки славились на весь міръ своей безподобной красотою, и презираемъ бывалъ тотъ стамбульскій гаремъ, гдѣ не красовались кавказскія пэри; въ тѣ далекія, чудныя времена, красавица Гюль, дочь старика Шерлетуко, блистала среди подругъ, какъ полная луна между скромными звѣздами, а удалой Кунчукъ сверкалъ между наѣздниками, какъ молнія среди блѣдныхъ зарницъ.

Сама судьба, казалось, ихъ сотворила одного для другого; они жили по сосѣдству и не могли не полюбить другъ друга. Какъ было Кунчуку не заго-

рѣться страстью къ стройной, бѣлолицей, чернобровой красавицѣ сосѣдкѣ, когда при каждомъ возвращеніи его съ бранныхъ подвиговъ она ожидала его огнемъ своихъ черныхъ глазъ, очаровывала лаской улыбки, расцвѣтая въ встрѣчу ему, словно майская роза, ея тезка!.. Какъ было и Гюли не полюбить удальца, о которомъ молва людская гласила, что, если бы не было у него ни коня, ни челнока, онъ переплылъ бы Кубань и Азовское море на хвостѣ самого шайтана!.. Извѣстно, что безстрашіе, молодецкое умѣніе напасть, украсть, ограбить и концы въ воду спрятать, — для всякой уважающей себя горянки гораздо важнѣе красоты! Но Кунчукъ былъ, кромѣ того, и красавецъ. По росту онъ не могъ войти ни въ одну саклю, не согнувшись въ три погибели; въ плечахъ онъ былъ— косая сажень! А между тѣмъ, поясъ, перетягивавшій его станъ, не всякой дѣвушкѣ пришелся бы впору. Онъ такъ былъ тонокъ въ таліи, что, когда, бывало, отдыхалъ на боку, домашняя кошка свободно проходила подъ ребрами его у бедеръ... Красивѣе этого молодца трудно было, какъ всякій теперь пойметъ, найти на бѣломъ свѣтѣ!

И такъ, Кунчукъ заслалъ сватовъ, дѣло сладилось, и прекрасная Гюль, разъ обѣщанная отцомъ жениху, стала, по законамъ племени Адиге, неотъемлемой собственностью его. Свадьба была, однако, отложена, потому что Кунчукъ долженъ еще былъ совершить нѣсколько набѣговъ и удачныхъ грабежей, для пополненія калыма *) и ради увеличенія будущаго благосостоянія ихъ семейной жизни. Причина была уважи-

*) Калымъ—выкупъ за невѣсту родителю ея.

тельная; сама невѣста, пользуясь свободой, предоставленной обычаями дѣвушкамъ-черкешенкамъ, провожала жениха въ путь, съ пожеланіями «уѣхавъ на одномъ конѣ, возвратиться съ табуномъ лошадей; не взявъ ни коровы, ни буйвола — пригнать стада; а награбленнаго добра не уложить на десяти арбахъ»...

Кунчукъ уѣхалъ, полный радостныхъ надеждъ, и цѣлый мѣсяцъ хозяйничалъ въ чужихъ аулахъ, не брезгуя ни чѣмъ, что плохо лежало. Но, великій Тлепсъ, покровитель воиновъ и войны, что ожидало его по возвращеніи!.. Онъ стремился домой, мечтая о скоромъ союзѣ съ своей возлюбленной, о счастливомъ существованіи, предстоявшемъ ему, благодаря своему удальству и любви его несравненной Гюль, а вмѣсто

счастія и невѣсты нашелъ тяжкое горе въ опустѣвшей скалѣ нареченнаго тестя!..

— Какъ?.. притворно изумился Шерлетуко, не ты ли самъ укралъ мою дочь?.. Не ты ли, коварный, прислалъ за ней ногаевъ ради того, чтобъ избѣжать выкупа?.. Они, повѣренные и друзья твои, вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ увезли Гюль, а ты теперь у меня ее требуешь!

Услыхавъ эти страшныя слова, несчастный Кунчукъ побагровѣлъ, потомъ сталъ блѣднѣй стѣны, на которую оперся. Онъ понялъ, что его невѣста украдена и, вѣроятно, продана далеко, въ Турцію или Малую Азію, въ гаремъ какого-нибудь богатаго паши. Одного не зналъ онъ: не зналъ, что это случилось съ согласія Шерлетуко, и что ему прекрасно извѣстно мѣстонахожденіе его дочери.

Она была не такъ далеко.

Въ отсутствіе Кунчука, прекрасная черкешенка приглянулась азовскому пашѣ, заѣхавшему въ гости къ отцу ея. Старый, толстый турокъ безъ церемоніи спросилъ Шерлетуко, что стоитъ его дочь?.. Въ тѣ времена такія покупки были дѣломъ обыкновеннымъ; отецъ нимало не оскорбился, но только отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, ужъ не имѣетъ болѣе надъ нею правъ, она невѣста Кунчука...

Паша не отвѣчалъ ни слова, но не оставилъ своего намѣренія овладѣть плѣнившей его красавицей. Онъ былъ хитрая старая лиса и зналъ хорошо, что тамъ, гдѣ невозможенъ явный торгъ, можно добиться успѣха подкупомъ... Онъ дождался темныхъ ночей и каждую изъ нихъ, едва земля покрывалась покровами «*чернѣе черной совѣсти кадія*», цѣлые караваны тай-

наго калыма, неслышно доставляемые мягконогими верблюдами, доставлялись изъ Азова и въ глухую полночь переходили въ сундуки и подвалы скряги отца. Это была плата паши за дочь его!.. Но, все-таки, старикъ боялся справедливаго гнѣва обманутаго жениха и не рѣшался предать ее. Тогда паша сказалъ ему:

— Уѣзжай изъ своего дома и не мѣшай мнѣ! Я все сдѣлаю, а ты можешь говорить всѣмъ, что ничего не знаешь, куда и съ кѣмъ ушла твоя Гюль.

— Но она не пойдетъ съ тобою добромъ,—возразилъ Шерлетуко.—Она пламенно любитъ Кунчука и скорѣе умретъ, чѣмъ ему измѣнитъ!

— Я и разсчитываю на любовь ея!—коварно отвѣчалъ турокъ.—Гюль будетъ убѣждена, что обманываетъ тебя, убѣгая съ любимымъ женихомъ изъ дома родительскаго.

Безсердечный отецъ такъ и сдѣлалъ. Онъ отлучился на нѣсколько дней, а въ то время къ Гюль явился подкупленный пашою ногаецъ, который когда-то джигитовалъ вмѣстѣ съ женихомъ ея, и сказалъ ей:

— Кунчукъ прислалъ меня за тобою. Онъ тоскуетъ и томится въ разлукѣ!.. Нажива идетъ плохо! Аллахъ знаетъ, когда соберетъ онъ достаточно, чтобъ выплатить жестокому отцу твоему требуемый калымъ. Сжалься надъ нимъ! Выходи за терновую ограду сакли, когда стемнѣетъ у меня добрый конь, — онъ къ разсвѣту домчитъ насъ до Кубани, а тамъ тебя встрѣтитъ женихъ твой.

Довѣрчивая Гюль повѣрила обманщику. Черезъ нѣсколько часовъ она уже мчалась по степи, счастливая, увѣренная, что стремится въ объятія жениха; а

когда разсвѣло, она увидала, вмѣсто цвѣтущихъ плавней Кубани, берега Азовскаго моря и возвышавшуюся передъ ней турецкую крѣпость; уже было поздно! Десять человѣкъ окружили ее, она была окутана чадрой, связана и безъ чувствъ доставлена во дворецъ паши...

Къ счастью, она сохранила за поясомъ никогда не покидавшій ее кинжалъ... Трусливый турокъ долго боялся къ ней приблизиться, такъ ловко она играла имъ, грозя ему и себѣ смертью. А тутъ, кстати, явились ей помощницами двѣ старшія жены его. Онѣ боялись, что красавица черкешанка отобьетъ у нихъ окончательно милости паши и верховную власть въ гаремѣ и, очень обрадовавшись ея сопротивленію, взялись охотно охранять ее и помогать. Ревнивыя турчанки поочередно сторожили ея сонъ и прятали кинжалъ ея отъ поисковъ евнуховъ, подсылаемыхъ пашою въ то время, когда она отдыхала.

Злоба на свою непреклонную красавицу раздражила пашу и заставила его сдѣлать глупость: онъ прогналъ отъ себя, съ бранью и безчестіемъ, ногайца, помогавшаго увезть Гюль. Тотъ было надѣялся, напротивъ, попасть въ великій почетъ въ Азовѣ; а вмѣсто того начальникъ города накричалъ на него, назвавъ его при всемъ народѣ продажнымъ измѣнникомъ и собакой... «Хорошо же,—подумалъ ногай,—такъ-то турки вознаграждаютъ за услуги?.. Погоди!.. Измѣнилъ я Кунчуку изъ корысти,—теперь же даромъ измѣню тебѣ и услужу ему изъ мести!..»

Затаивъ злобу, предатель остался въ стражѣ паши, но, черезъ знакомыхъ наѣздниковъ, перемолвился словомъ съ Кунчукомъ. Тотъ только что вернулся, рвалъ

и металъ все, въ отчаяніи, не зная, гдѣ кинжалу и пулѣ его найти дерзкаго похителя его невѣсты. Онъ ожилъ, получивъ сообщеніе измѣнника...

Черныя тучи висѣли надъ Азовомъ, порою вырывались изъ нихъ молнія, небо вспыхивало на секунду и снова гасло, и все погружалось во тьму. Городъ тихо засыпалъ подъ мѣрный шумъ дождя и глухихъ, непрестанныхъ раскатовъ грома. Огни гасли одинъ за другимъ; не видно и не слышно было движенія, развѣ часовые перекликались въ крѣпости, да по городскимъ стѣнамъ двигались ихъ черныя тѣни. При мгновенныхъ вспышкахъ молніи, на одной изъ передовыхъ башенъ отчетливо рисовалась тѣнь стражника на часахъ... Онъ пригнулся и зорко всматривался за валъ, въ поле, гдѣ заунывный полуночный вѣтеръ гулялъ по высокой травѣ и бурьяну. Тамъ, въ рытвинахъ и за кустарникомъ, что-то будто шевелилось, поблескивало, словно змѣиной чешуей... То блистали *панцырники,* товарищи Кунчука, удальцы, желавшіе поживиться турецкими червонцами въ затѣянномъ ими погромѣ Азова. Измѣнникъ стражъ на вышкѣ крѣпости призналъ ихъ. Въ мигъ спустилъ онъ въ ровъ веревочную лѣстницу, и, вотъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, извиваясь, неслышно и быстро, словно ящерицы, проползли черкесы къ стѣнѣ и притаились за нею, въ глубокой тишинѣ. Ногаецъ-стражникъ обошелъ всѣхъ и каждому указалъ на дворецъ и гаремъ паши, гдѣ изнывала невѣста Кунчука.

— Слушайте, товарищи,—сказалъ Кунчукъ,—мнѣ нужно полсотни человѣкъ, кто хочетъ за мной во дворецъ?.. Остальные пусть ищутъ по городу, чего хотятъ, и берутъ, что найдутъ! Лишь бы не забыли

со всѣхъ концовъ поджечь проклятое турецкое гнѣздо!..

И въ десять минутъ стража была изрублена въ крѣпости, и во дворцѣ паши двери гарема открыты настежь, и Гюль въ объятіяхъ любимаго жениха.

— Не бойся, милый, принять жену свою!—сказала она ему, — этотъ кинжалъ тебѣ порукой, что она чиста и непорочна!.. Иначе онъ былъ бы въ крови, и ты не нашелъ бы меня въ живыхъ.

Передавъ невѣсту свою въ надежныя руки товарищей, Кунчукъ приказалъ ногаю проводить его въ покои паши. Онъ горѣлъ жаждой мести, и, увидавъ своего врага, закричалъ, какъ изступленный, бросаясь на него.

— А! Жирный песъ!.. Похититель чужихъ невѣстъ! Благодари Бога, что ярость моя мѣшаетъ мнѣ воздержаться отъ счастія омочить сразу кинжалъ въ крови твоей!.. Ты былъ бы достоинъ медленной пытки!

— Погоди! Мы съ тобой успѣемъ сразиться. А прежде мнѣ надо разсчитаться съ этимъ негодяемъ!— отвѣтилъ турокъ, указывая пистолетомъ на ногайца.— Вотъ ему за меня и за тебя!

Грянулъ выстрѣлъ, и несчастный измѣнникъ упалъ, сраженный на смерть. Въ ту же секунду другой пистолетъ, направленный въ Кунчука, блеснулъ въ рукѣ паши, но онъ не успѣлъ выстрѣлить; Кунчукъ разсѣкъ ему черепъ до самыхъ плечъ и ринулся вонъ изъ гарема, изъ крѣпости въ чистое поле, гдѣ ждали его преданные товарищи съ красавицей невѣстой.

— Скорѣе, желанный мой!—торопила Гюль.—Бога ради, скорѣе ѣдемъ изъ этихъ ужасныхъ мѣстъ, отъ страшнаго, ненавистнаго мнѣ Азова!.. Когда мы бу-

демъ въ родныхъ горахъ, я свободнѣй вздохну! Я буду знать, что мы внѣ опасности.

— Будь и нынѣ спокойна, цвѣтъ моего сердца!..

Взгляни на Азовъ, котораго страшишься; онъ ненавистенъ, но болѣе не страшенъ!.. Смотри какъ онъ пылаетъ!.. О! Я хотѣлъ бы за каждую, пролитую въ немъ тобою слезу потопить его въ морѣ слезъ! За

каждый вздохъ твой — спалить его въ ураганѣ пламени, въ огненныхъ вихряхъ моей мести!

Такъ говорилъ Кунчукъ, стоя на курганѣ, съ наслажденіемъ насыщая зрѣніе свое видомъ пылавшаго города.

Между тѣмъ, къ нимъ, то и дѣло, присоединялись партіи отважныхъ удальцовъ, съ прекрасными плѣнницами изъ турецкихъ гаремовъ, съ несмѣтною добычей, найденной въ разграбленныхъ жилищахъ. Убѣдившись, что всѣ въ сборѣ, товарищи начали собираться дальше въ путь, совѣтуя воспользоваться остаткомъ ночи, чтобъ разсѣяться по недоступнымъ горамъ, куда турецкіе всадники не посмѣли бы слѣдовать за ними. Но Кунчукъ смѣялся надъ ними. — Какіе всадники! Они всѣ убиты или сгорѣли!.. Какая погоня? Турки въ десять лѣтъ не забудутъ набѣга на Азовъ и долго не посмѣютъ шелохнуться. — Онъ не могъ оторваться отъ обаятельнаго для души его зрѣлища! Не могъ отвести глазъ отъ пламенныхъ языковъ, отъ клубовъ чернаго дыма и огненнаго дождя, стоявшихъ надъ Азовомъ. Напрасно опытные воины совѣтовали ему не медлить; скорѣе добраться до Кубанскихъ дебрей и тѣнистыхъ притоковъ, гдѣ можно отдохнуть въ безопасности. Кунчуку любо было праздновать побѣду именно здѣсь, въ виду дѣла мести своей, въ виду обреченнаго гибели города.

— Пусть тѣ, кто трусятъ турецкихъ ятагановъ, убѣгаютъ какъ зайцы! — вскричалъ онъ. — Я и мои вѣрные товарищи отдохнемъ и отпируемъ побѣду здѣсь. Я не сойду съ этого кургана, пока послѣдняя башня Азова не рухнетъ пепломъ и прахомъ!

И началось пированіе. Понеслись веселые клики,

заздравныя рѣчи и пѣсни. Стреноженные кони мирно паслись по лугу; большая часть ихъ хозяевъ также мирно спали, раскинувшись вокругъ костровъ; посреди стоянки возвышались два шатра, сплетенные изъ зелени,—для Кунчука и его нареченной невѣсты. Оба не спали всю ночь: онъ—ликуя сладость мести; она то содрогалась невольнымъ предчувствіемъ бѣды, то радовалась своему освобожденью, любуясь разсвѣтомъ чуднаго дня, возносясь мыслію къ Творцу всего міра и покровительницѣ всѣхъ дѣвъ, святой Маріемъ, матери великаго Бога...*) На зарѣ усталость одолѣла и Кунчука; онъ заснулъ въ ту минуту, когда степь, море и далекія, родныя горы ихъ уже озарились разсвѣтомъ... Все нѣжилось въ предутренней зарѣ. Азовское море переливалось всѣми цвѣтами востока, гдѣ плыли и таяли золотисто-алыя облака. Вотъ, его воды вспыхнули ярче, засверкали изумрудомъ, бирюзой и смарагдомъ, и показался изъ-за нихъ огненный шаръ. По всей глади морской разостлался столбъ, весь изъ лучей и пурпуровыхъ блестокъ... Свѣтозарное свѣтило подымалось медленно изъ водъ, въ нихъ оставляя свой кровавый плащъ все заливая блескомъ... Въ славѣ его потухло зарево ночного пожара. Оно освѣтило погорѣлое пепелище, сотни труповъ неповинныхъ жертвъ, кровь которыхъ вопіяла къ тѣмъ самымъ небесамъ, къ которымъ возносились и мольбы Гюли, и, въ то же время, ослѣпило глаза уснувшаго удальца. Кунчукъ вскочилъ и схватился за оружіе. Была пора!

*) Черкесы называли Богородицу «Маріемъ, матерью великаго Бога» и чтили ее многими праздниками и постами. Христіанство исповѣдывалось на восточныхъ берегахъ Чернаго моря со времени Юстиніана; магометанство начало проникать туда лишь въ XVI стол.

Всходившее солнце омрачилось пылью, поднятой конницей, мчавшейся на нихъ.

— Товарищи—джигиты! Проснитесь!.. Къ оружію!—закричалъ онъ.—За нами погоня! Янычары!.. Скорѣе на коней.

Онъ схватилъ станъ своей невѣсты, дрожавшей отъ ужаса, вскочилъ на своего скакуна и помчался къ берегамъ Кубани. Кто могъ, послѣдовалъ за нимъ; но большинство, захваченное врасплохъ, не находя коней, распущенныхъ по волѣ, разсыпалось по степи въ одиночку и было перебито турецкими всадниками. Плѣнницы и добыча — все было отбито, потому что переправа черезъ Кубань оказалась отрѣзанной заранѣе, и бѣглецамъ некуда было скрыться отъ погони враговъ.

Кунчукъ и Гюль, съ полсотней наѣздниковъ, доскакали до балки въ началѣ мыса, стѣною обрывавшагося въ рѣку. Всѣ спуски и дороги были имъ отрѣзаны. Ничего не оставалось имъ дѣлать, какъ, переколовъ лошадей своихъ, изъ труповъ ихъ сдѣлать завалъ и засѣсть за нимъ, отстрѣливаясь до послѣдней пули и послѣдней капли крови.

Когда Кунчукъ занесъ шашку надъ своимъ статнымъ конемъ, Гюль взмолилась къ нему:

— Оставь!—сказала она,—не убивай его! Онъ сослужитъ еще мнѣ службу... Если намъ невозможно будетъ спастись, онъ довезетъ меня до Кубани, и волны рѣки спасутъ меня отъ позора!

— Ты не сдашься врагамъ, обожаемая Гюль?.. Они пощадятъ твою красоту. Она тебя доведетъ, статься можетъ, до султана, въ Стамбулъ... Ты можешь сдѣлаться главной султаншей и повели-

тельницей правовѣрныхъ... — отчаянно пробормоталъ Кунчукъ.

Черные глаза Гюль метнули искры.

— Не оскорбляй меня!—сказала она. Ты не сумѣлъ сохранить меня отъ погибели! Любви и счастію нашему не бывать; ты предпочелъ имъ опьянившіе тебя восторги удовлетвореннаго мщенія. Но я всю ночь молила святую матерь Иссы... Она, чистая, оградитъ мою чистоту!

— О! Я несчастный! — вскрикнулъ Кунчукъ. — Я не достоинъ тебя!.. Повелѣвай мною! Я слушаюсь тебя, какъ рабъ!

— Стрѣляй,—сказала Гюль.—А я буду заряжать тебѣ ружье и пистолетъ. Такъ она и сдѣлала. Черкесы отстрѣливались отъ наступавшихъ турокъ отчаянно; но число ихъ замѣтно уменьшалось, враговъ было слишкомъ много!..

Товарищи Кунчука падали одинъ за другимъ, а онъ, не смотря на страстное желаніе быть убитымъ, даже не былъ раненъ. Пули, словно въ насмѣшку, щадили его, заставляли быть свидѣтелемъ гибели имъ загубленной, страстно любимой невѣсты... Каждая пуля его мѣтко сражала передового турка; но заряды у него истощились, а толпы враговъ все увеличивались. Когда палъ послѣдній товарищъ Кунчука, а Гюль подала ему пистолетъ, заряженный послѣдней пулей, она вскричала:

— Теперь прощай, Кунчукъ! Ты отнялъ меня у турокъ, чтобъ принесть въ даръ духу водъ, зеленобородому дѣду!

Она хотѣла вскочить на коня, но женихъ не далъ ей времени; онъ уложилъ послѣднимъ выстрѣломъ

турка, схватившаго было за поводъ его рьянаго скакуна, и вмѣстѣ съ ней вскочилъ на хребетъ его.

Они понеслись. Она правила конемъ, направляя его на крайній выступъ мыса; онъ — одной рукой обнялъ ее, другою бѣшено отбивался саблей отъ враговъ...

Добрый конь прорвался съ ними сквозь непріятельскіе ряды и домчалъ до края утеса. Тутъ онъ пріостановился при видѣ зіявшей пропасти и, весь дрожа, пятился было назадъ... Оттуда бѣжали опомнившіеся турки, съ крикомъ побѣды и торжества. Еще минута и гибель обоимъ всадникамъ! Ему только смерть, ей позоръ!.. Съ силой дернула Гюль поводъ испуганнаго коня...

Впередъ! Впередъ!...

И лошадь ринулась съ утеса въ глухо шумѣвшія воды Кубани... Разступились бурныя волны и закрылись навѣки надъ женихомъ и невѣстою.

Такое брачное ложе самъ себѣ уготовилъ наѣздникъ Кунчукъ своей ненасытной мстительностью *).

*) Факты заимствованы изъ разсказа Султанъ Шахъ-Гирея «Кавказъ» 1846 года и изъ «Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ» Дубровина.

Атвонукъ и Канбулатъ

Черкесская легенда

Вожди хегайкскаго племени, братья Атвонукъ и Канбулатъ были очень дружны, но разнились какъ солнце и луна. Меньшой князь Канбу-

латъ сіялъ красотою, какъ свѣтило небесное; старшій— Атвонукъ былъ равенъ ему доблестью, но далеко уступалъ въ красотѣ, ростѣ и ловкости. Сознавая свое безобразіе, старшій князь ревновалъ свою кра-

савицу жену; она же была дѣйствительно вѣтренна и зла и, разсердившись на равнодушіе къ ней Канбулата, задумала погубить его.

И ей удалось это, она оклеветала въ глазахъ своего мужа его младшаго брата, не пожалѣвъ и себя.

«И братъ и жена измѣнили мнѣ вмѣстѣ!—вскричалъ онъ. — Гдѣ сокроюсь я отъ жажды братоубійственной мести?.. Чѣмъ утолю праведный гнѣвъ мой?..»

Атвонукъ ушелъ въ Крымъ, не желая возвращаться на родину; но крымскій ханъ, принявъ его съ почетомъ, далъ ему войско и послалъ нарочно черезъ проливъ, къ устьямъ Кубани, разсчитывая, что князь хегайкскій будетъ драться съ удвоенной жаждой побѣды, когда увидитъ прежнія свои владѣнія, гдѣ княжилъ невозбранно его братъ и оскорбитель. Такъ и случилось. Месть воспылала въ душѣ Атвонука!.. Татарская рать предала огню и мечу владѣнія Канбулата, а самъ онъ едва успѣлъ скрыться къ сосѣднему племени жанѣевцевъ, съ которыми самъ былъ во враждѣ и еще недавно убилъ, въ кровавой схваткѣ, сына ихъ старшаго князя.

«Ничего!—размышлялъ онъ,—прикоснусь ко груди княгини-матери, и она должна будетъ усыновить меня; а жанѣевскій князь будетъ поневолѣ обязанъ защитить своего гостя».

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Жанѣевскаго князя не было дома, когда взмыленный вороной конь остановился у ограды, и неизвѣстный странникъ вошелъ въ *кунацкую*, комнату для гостей. Княгиня поспѣшила приказать какъ можно жарче растопить каминъ и заколоть лучшаго барана въ честь посѣтителя, а сама, взявъ кувшинъ съ во-

дою, тазъ и полотенце, направилась въ кунацкую, чтобъ, по обычаю, омыть ему ноги. Но едва показалась на порогѣ, какъ Канбулатъ вскочилъ съ тахты, на которой спокойно лежалъ, и, склонивъ почтительно голову къ груди ея, произнесъ:

— Будь отнынѣ воспріемною матерью моей.

— Да будетъ по завѣтамъ праотцевъ нашихъ! — отвѣчала княгиня.—Но кто ты, удалой витязь?

— Я Канбулатъ хегайкскій.

Княгиня отступила въ ужасѣ, услыхавъ имя убійцы единственнаго своего сына, но тутъ же опомнилась; она не имѣла права отказаться отъ совершившагося усыновленія, она должна была отнынѣ беречь и защищать его.

Призвавъ старшинъ своего народа, она объявила имъ, чтобъ они, какъ только вернется мужъ ея, собирались на пиръ; а когда князь развеселится, заставили бы его дать слово, что онъ исполнитъ ея кровную просьбу.

— Помните, друзья мои,—сказала она,—что, если вамъ не удастся склонить князя къ этому слову, — вы погубите мою совѣсть и отымите вѣчное блаженство души моей въ загробномъ союзѣ съ супругомъ.

Старшины ушли, и такъ какъ въ черкесскихъ племенахъ женщины пользуются гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ у другихъ горцевъ, то они постарались устроить по ея желанію. Развеселившійся князь согласился, но съ тѣмъ, чтобъ жена его пришла сама въ кунацкую и при всѣхъ пировавшихъ гостяхъ объявила свое желаніе. Это не было въ обычаѣ; черкешенки хотя пользуются свободой, въ особенности въ дѣвичествѣ, но на пиршествахъ не появляются. Тѣмъ не менѣе княгиня не колебалась. Приказавъ скрывавшемуся у нея хегайкскому князю слѣдовать за нею, она вошла къ пирующимъ и сказала:

— Я прошу тебя оказать гостепріимство моему названному сыну.

Узнавъ Канбулата, старикъ невольно ужаснулся, но тотчасъ овладѣлъ собою и скрылъ свое смущеніе.

— Срамъ и стыдъ былъ бы мнѣ и всему моему роду, — сказалъ онъ, — еслибъ я не сумѣлъ подавить горя и мстилъ человѣку, ищущему въ домѣ моемъ крова и помощи. Но онъ долженъ мнѣ уплатить за кровь моего сына.

— Охотно далъ бы я богатую плату, высокочтимый князь, — отвѣтилъ Канбулатъ, — но нѣтъ у меня нынѣ ничего, кромѣ коня и оружія!.. Жестокій братъ всего лишилъ меня.

— Садись теперь по правую мою руку и раздѣли мою трапезу! — возразилъ хозяинъ. — Завтра мы поговоримъ о дѣлѣ.

На другой день жанѣевскій князь приказалъ отобрать у своего бывшаго врага коня и оружіе. Канбулатъ отдалъ все, оставивъ одну шашку; но неумолимый отецъ убитаго имъ юноши прислалъ и за нею.

— Ради чести сына я обязанъ отобрать у его убійцы все, до послѣдней нитки! — сказалъ онъ. — Тогда только духъ моего сына успокоится и воспаритъ въ дженетъ (рай).

Канбулатъ безпрекословно отдалъ и шашку и чуху съ патронами и ноговицы.

— Что сказалъ онъ при этомъ? — спросилъ старикъ.

— Онъ молчалъ, — отвѣчали посланные, — только въ глазахъ его стояли слезы горести и стыда...

— Вижу, что онъ достоинъ уваженія и помощи, — воскликнулъ князь. — Онъ не подумалъ воспользоваться правами гостя и оставить неудовлетвореннымъ отцовское горе. Отнесите ему все обратно и скажите, что я прошу его мое оружіе, моихъ коней и весь мой домъ считать своими, а на меня смотрѣть какъ на союзника и друга.

И въ тотъ же день жанѣевскіе горцы ополчились за бывшаго врага и пошли на хегайкскихъ, принявшихъ Атвонука. Мало того, старый князь самъ отвелъ Канбулата на верховье рѣкъ Пшеша и Псекупса, на собраніе старшинъ воинственнаго общества бзедуховъ и расположилъ ихъ въ его пользу.

— Вотъ,—сказалъ онъ имъ,—отважный джигитъ и честный врагъ! Я хотѣлъ испытать на немъ мудрую поговорку, которой руководились въ познаніи людей наши предки: «Храбраго трудно полонить, но въ плѣну онъ покоренъ судьбѣ, а труса легко взять въ плѣнъ, зато внѣ опасности онъ становится упрямъ, заносчивъ и требователенъ...» Я убѣдился, что смѣло могу поручить его великодушію вашего племени.

Канбулатъ вступилъ въ собраніе и сказалъ:

— Бзедухи! не мои достоинства, а ваши доблести—порука мнѣ въ великодушіи вашемъ. На Бога, жанѣевцевъ и васъ моя надежда.

И оба племени оправдали надежды изгнанника: они въ теченіе семилѣтней войны, поднятой за его интересы, почти совершенно уничтожили хегайкцевъ. Да и воиновъ жанѣевскаго племени осталось такъ мало, что они вскорѣ исчезли, слившись съ сосѣдями.

Наконецъ, черезъ семь лѣтъ только Атвонукъ понялъ свое заблужденіе и примирился съ братомъ, убѣдившись въ коварствѣ жены своей. Она, продолжая преслѣдовать Канбулата то своей любовью, то местью, придумала тронуть его нѣжной заботой о немъ: она своими руками сшила ему богатое платье и съ надежнымъ человѣкомъ послала его бѣдному изгнаннику. Но жена Канбулата, бывшая въ плѣну у брата его, не дремала. Вначалѣ Атвонукъ вздумалъ на нее излить

свою месть и горе. Но умная и честная женщина сумѣла постоять за себя и мужа своего.

— Не туда обращаешь гнѣвъ свой, повелитель нашъ, куда слѣдуетъ! — сказала она ему. — Не тамъ ищешь корень зла, откуда оно выросло!.. Мужъ и я равно страдаемъ безвинно, не желая открывать семейнаго позора; но ты самъ смотри въ оба. Ищи змѣю — и найдешь ее!

И, обратясь къ снохѣ, спросила:

— Гдѣ же тонкое сукно, которое ты такъ усердно ткала? Я не вижу его на мужѣ твоемъ, повелителѣ нашемъ?

Жена Атвонука смѣшалась, и онъ задумался и сталъ слѣдить за ней внимательно.

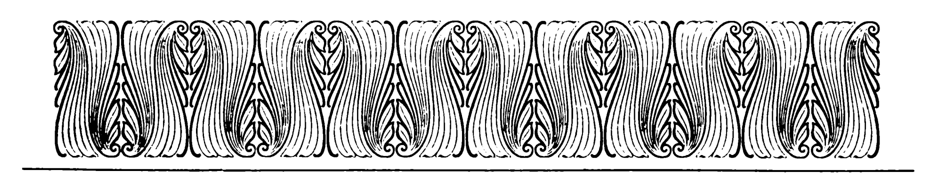
Вскорѣ онъ напалъ на ея посланнаго и, тайно присоединивъ къ подарку жены своей ея просьбу явиться на любовное съ нею свиданіе, самъ отправился въ указанные часъ и мѣсто.

Если придетъ братъ, — я изрублю его, — рѣшилъ онъ. — Если же нѣтъ — на колѣняхъ умолю его о прощеніи.

Вмѣсто Канбулата явился несчастный посланецъ безъ языка и ушей, обрубленныхъ разгнѣваннымъ княземъ; онъ везъ обратно посланные подарки... Тогда-то Атвонукъ уразумѣлъ, въ чемъ дѣло, и ужаснулся злу, содѣянному имъ изъ-за одной недостойной женщины!.. Братья примирились, но долго еще не могли прекратиться кровопролитія между тремя племенами, которыхъ страсти возбуждались всесильными законами кровомщенія.

Шутки Дѣда-Гуда.

Надъ объятою сномъ землею стояла полная луна. Какъ блестящая жемчужина среди алмазныхъ искръ-звѣздъ, сіяла она, заставляя блѣднѣть ихъ, превращая темную глубь неба въ сіяющій куполъ.

Съ высотъ поднебесья прозрачно - серебристый свѣтъ разливался на горныя вершины Кавказа. Снѣговыя цѣпи, льдистые пики, голые утесы, обледенѣлые, еле испещренные блѣднымъ мхомъ; ниже — черныя вереницы горъ, поросшихъ хвойными лѣсами, и ихъ менѣе суровые, лиственнымъ лѣсомъ покрытые, отроги, сбѣгавшіе въ цвѣтущія долины, — все тонуло въ ея безстрастномъ, холодномъ свѣтѣ. Лишь темныя ущелья да глубокія разсѣлины между скалъ чернѣли, скрывая во тьмѣ бурные потоки, въ пѣнѣ и брызгахъ стремившіеся изъ-подъ снѣжныхъ обваловъ въ долины. Тамъ, среди зелени рощъ и цвѣтущихъ луговъ, эти гнѣвно-бурливыя исчадья вѣчныхъ льдовъ унимаются; не чувствуя болѣе каменныхъ преградъ, они привольно разливаются въ отлогихъ берегахъ и, отражая въ себѣ ихъ улыбающуюся красу, сами привѣтно блистаютъ въ отвѣтъ на ласки лазоревыхъ небесъ, все тише и

тише катясь, замедляя свою гибель въ ожидающихъ ихъ морскихъ глубинахъ.

Но это тамъ, далеко внизу. Съ заоблочной вершины Гуда, сосѣда многоснѣжнаго Казбека, къ востоку и западу, переливаясь синевой и зеленью, и сталью, видны Каспійское и Черное моря; прямо на сѣверъ склоны горъ, понижаясь, уходятъ въ туманныя степи; а на югѣ цвѣтущія долины Арагвы и Куры сливаются съ виноградниками дальняго Закавказья, гдѣ блещутъ Ноевы вершины, бѣлыя шапки Арарата.

Чудно-прекрасны эти горы, но недоступны для людей, ни для чего на землѣ живущаго! Ни одинъ смертный не можетъ подняться безнаказанно къ предѣламъ вѣчныхъ льдовъ, не чувствуя своего ничтожества. Невольно восторгъ замѣняется благоговѣйнымъ недоумѣніемъ и страхомъ предъ безмолвно-грозною силой природы. Уже достигнувъ крайнихъ вершинъ безплодныхъ, угрюмыхъ утесовъ, которыхъ ребра лижутъ облака, то скрывая, то раскрывая ихъ гранитные зубья, блѣдный, слабосильный человѣкъ чувствуетъ себя подавленнымъ величіемъ этой чуждой ему сферы. Перешагнувъ черезъ нихъ къ полосѣ нетающаго снѣга, видя у ногъ своихъ, какъ тучи переплываютъ съ вершины на вершину, какъ разрываются онѣ, цѣпляясь за острыя скалы, спускаются ниже, покрывая долины туманомъ, проливая потоки дождя, или разсыпая вихри снѣга по лѣсистымъ горамъ и ущельямъ, человѣкъ, какъ ни восторженно бьется сердце въ груди его, чувствуетъ, что оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, сжимается невольнымъ страхомъ. Жизни, постоянной *человѣческой* жизни здѣсь уже быть не можетъ... Тѣмъ менѣе можетъ она проявляться еще

выше, въ той грани, гдѣ невозбранно царитъ морозъ, спирая дыханіе, сковывая движенія, леденя въ жилахъ кровь. Туда не дерзаютъ даже подыматься звѣри!... Орелъ взлетаетъ лишь на вершины послѣднихъ гранитныхъ ступеней... Тамъ нѣтъ ни движенія, ни звука, кромѣ порывовъ вѣтра, свиста вихрей, вздымающихъ снѣжную пыль и грозныя метели, кромѣ воя бури, раскатовъ грозы, да шума низвергающихся въ пропасти облаковъ.

Такія заоблачныя выси населены лишь безплотными вѣчными духами.

Люди не видятъ ихъ. Намъ рѣдко бываетъ къ нимъ доступъ, но они всегда могутъ опускаться до людей и часто ими интересуются.

Въ ту прозрачную, лѣтнюю ночь, великій духъ окрестныхъ горъ, сѣдобородый Гудъ, съ высоты своего гранитнаго престола не спускалъ задумчиво-гнѣвныхъ очей съ бѣднаго аула, пріютившагося тамъ внизу, на одномъ изъ живописныхъ склоновъ его подножія. Онъ вспоминалъ былое.

Давно ль то было? Менѣе полутора десятка лѣтъ— по человѣческому счету; по немъ вотъ только что вчера... Скучно стало ему безстрастно царить въ одиночествѣ, смотрѣть изъ поднебесья на вершины своихъ пустынныхъ горъ, прислушиваться къ однообразному вою вѣтра въ льдистыхъ разсѣлинахъ, къ шуму въ нихъ зарождающихся водопадовъ... Задумалъ онъ спуститься ниже, поближе къ тѣмъ мелкимъ, безсильнымъ, вѣчно страждущимъ созданіямъ, что горюютъ въ тяжкихъ трудахъ весь свой краткосрочный вѣкъ, копашась тамъ, внизу, словно муравьи въ своихъ мусорныхъ кучахъ.

Спустился онъ, имъ невидимъ и неслышимъ, въ ущелье, къ самымъ жилищамъ людскимъ; самъ не зная, зачѣмъ томимый желаньемъ соприкосновенія съ людьми, какой-нибудь дѣятельности, какого-нибудь чувства, онъ великій горный духъ, искалъ ихъ близости.

Еще была ранняя весна. На высотахъ ближайшихъ къ Гуду еще солнце согрѣвало плохо; близость снѣговъ дѣлала воздухъ холоднымъ, а вѣтеръ — рѣзкимъ, леденящимъ. Въ бѣдныхъ сакляхъ осетинъ было холодно и непріютно; только въ одной видно было движеніе, — тамъ собралось множество народу въ ожиданіи большого событія, — у хозяйки сакли долженъ былъ родиться ребенокъ и мужъ ея готовилъ пиръ на случай рожденія сына. И вотъ, наконецъ, появился на свѣтъ ожидаемый ребенокъ; крикъ его возвѣстилъ о его рожденіи, но въ ту же минуту досада и печаль смѣнили радостное возбужденіе гостей. Смущенный и плачевный видъ появившейся на порогѣ старухи возвѣстилъ гостямъ и хозяину о его посрамленіи.

— Дѣвчонка, дрянная, ни къ чему негодная, никому ненужная дѣвчонка!—гнѣвно вскричалъ огорченный Абухаръ. — Мало мнѣ и безъ нея заботъ и бѣдноты?.. На что мнѣ она!... Простите, честные гости, что даромъ васъ обезпокоилъ.

И всѣ собравшіеся на пиръ печально разошлись по домамъ, не солоно хлѣбавши... Стоило ли тратить послѣдняго барана на шашлыки изъ-за рожденія презрѣнной дѣвчонки?... Раздосадованные гости едва отщипнули по куску отъ пироговъ, по обычаю принесенныхъ женщинами, и не прощаясь съ несчастнымъ хозяиномъ покинули его саклю... Подарки, пригото-

вленные вѣстнику о желанномъ рожденіи сына, ушли обратно въ сундукъ, до слѣдующаго прибавленія къ семьѣ, и хотя Абухаръ втайнѣ вздохнулъ свободнѣй, потому что не приходилось ему лѣзть въ неоплатный долгъ на угощеніе всей деревни, но тѣмъ не менѣе тяжело должна была отозваться на бѣдной женѣ его такая неудача. Она горько плакала и сокрушалась надъ такою обидой судьбы.

«О, несмысленные безумцы! — думалъ великій старецъ горъ, видя горе этой бѣдной женщины. — Чего гнѣвите вы Создателя всего живого, видимаго и невидимаго?... Безумные люди! Женщина не есть ли лучшее украшеніе семьи?... Лучшая неутомимая помощница въ ней и работница на васъ же, лежебоковъ?... Вы воображаете, что женщина только раба, только игрушка ваша? Самонадѣянные гордецы! Какова была бы ваша жизнь безъ заботъ и трудолюбія вашихъ женщинъ?... Безъ ухода матери въ младенчествѣ вашемъ, безъ заботъ ея въ жизни семейной, безъ неустанной работы всей жизни на васъ же, ея владыкъ и утѣснителей?»

Ласковымъ мановеніемъ руки своей надъ бѣдною саклей осетина Гудъ навѣялъ спокойствіе на мать, благодѣтельный сонъ на всѣхъ ея встревоженныхъ жителей.

«Да принесетъ рожденіе этого дитяти изобиліе и счастіе въ домъ родительскій!» — сказалъ онъ и отлетѣлъ обратно въ свои заоблачныя выси.

На утро старый путникъ постучался въ дверь Абухара.

— Войди! — откликнулся онъ ему. — Кто бъ ни былъ ты, просящій гостепріимства, несмотря на бѣд-

ность мою и печаль, добро пожаловать! Будь гостемъ нашимъ! Вотъ мѣсто у очага.

Старикъ вошелъ, раздѣлилъ трапезу Абухара и разспросилъ его о причинѣ его печали.

— Напрасно ты горюешь о рожденіи дочери! — сказалъ онъ, узнавъ объ источникѣ ея. — Хорошая хозяйка въ домѣ отца и мужа нужна не менѣе, нежели добрый джигитъ и воинъ въ средѣ народа. Дочь твоя будетъ такая красавица, что за нее тебѣ дадутъ большой калымъ. Она принесетъ счастіе въ твой домъ... Для начала не хочешь ли взять меня въ крестные ей отцы?

Путникъ пошелъ вслѣдъ за Абухаромъ къ колыбели, которую качала несчастная мать. Назвалъ онъ ее Алдара, что значитъ «дочь высшаго сословія» или госпожа, и прибавилъ:

— Вмѣсто трехъ пуль, даримыхъ крестнымъ крестнику, я крестницѣ моей бросаю въ колыбель три камня... Да будутъ они ей приданымъ.

Сказавъ это, путникъ бросилъ въ люльку алмазъ, изумрудъ и красный рубинъ, а самъ исчезъ. Такой величины и достоинства были тѣ драгоцѣнные камни, что Абухаръ свезъ ихъ въ Стамбулъ на продажу и сдѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ не только въ аулѣ, но и во всей Осетіи.

Алдара стала рости такою здоровою и красивою, что всѣ любовались ею; чѣмъ старше она становилась, тѣмъ громче шла молва о красотѣ ея и объ удивительномъ счастіи. Эта дѣвочка такъ была во всемъ удачлива, что на кого ни взглянетъ, тому счастіе приноситъ, куда ни ступитъ, подъ ногами ея цвѣты разцвѣтаютъ. Счастливый взглядъ Алдары въ пословицу

вошелъ, — отъ него больные выздоравливали; а ужъ работы женскія и всякое дѣло такъ и спорилось подъ легкою рукой красавицы осетинки.

Любящій взглядъ горнаго духа всюду слѣдилъ за нею, оберегая ее отъ опасностей, разсыпая на ея пути цвѣты, и радости, и удачи; а она даже и понятія не имѣла, кому всѣмъ обязана, хотя съ малыхъ лѣтъ была пріучена матерью во всѣхъ затрудненіяхъ обращаться къ своему невѣдомому покровителю.

Первые женихи Осетіи и окрестныхъ горъ, азнауры, князья и ханы, то и дѣло сватались за красавицу, готовые внести отцу ея богатѣйшій *ирадъ* или калымъ (выкупъ за невѣсту) золотомъ ли, оружіемъ или скотомъ. Семи-восьми лѣтъ ужѣ Алдара могла бы быть просватана, но нынѣ ей ужъ шелъ пятнадцатый годъ, а она все еще не остановила своего выбора; никто изъ сватавшихся за нее ей не нравился, а родители, догадываясь, что ей обязаны не только богатствомъ своимъ, но и дальнѣйшими во всемъ успѣхами, не спѣшили разстаться съ ней и ея не неволили.

Былъ у нихъ сосѣдъ, старый и бѣдный дровосѣкъ Бурханъ. Съ его сыномъ, пригожимъ Шалвой, Алдара когда-то въ дѣтствѣ игрывала, помогала ему пасти его нѣсколько барановъ, слушала сказки, которыя мальчикъ умѣлъ отлично разсказывать. Но потомъ Шалву взялъ къ себѣ въ услуженіе зажиточный родственникъ въ дальніе аулы и четыре года они не видались.

Но вотъ, за нѣсколько дней молодой осетинъ снова вернулся на родину; возмужалый, стройный, красивый юноша смотрѣлъ смѣло и рѣшительно, какъ человѣкъ,

знающій себѣ цѣну; и Алдара взглянула на него теперь совсѣмъ другими глазами, нежели прежде... Черныя очи Шалвы обожгли ее и впервые заставили ея сердце забиться.

Вотъ почему старый Гудъ смотрѣлъ въ ту лунную, свѣтлую ночь такъ заботливо и сердито внизъ на ущелье, гдѣ жилъ Абухаръ со своею женой и дочерью.

«Глупые люди! — думалъ онъ. — Въ состояніи ли они разобрать, что̀ побудило Шалву возвратиться сюда. Въ желаніи своемъ наконецъ сосватать дочь, мать Алдары готова ей поблажать во всемъ, и никто изъ нихъ не сумѣетъ отличить настоящихъ чувствъ человѣка, понять — любовь или корысть и разсчетъ привели этого молодца къ ихъ дочери?.. Надо мнѣ самому слѣдить... Надо узнать... Не на то же я полюбилъ и берегъ эту дѣвочку, чтобы сдѣлать ее несчастною!»

И вотъ старый Гудъ сталъ всюду невидимо преслѣдовать Бурханова сына, съ цѣлью узнать, точно ли любитъ онъ его любимицу, преданъ ли онъ ей безкорыстно или же льстится на ея богатство. Онъ скоро убѣдился въ послѣднемъ. Шалва былъ юноша себѣ на умѣ; онъ и не подумалъ бы жениться на Алдарѣ, еслибъ она была бѣдна, но, зная достатокъ ея родителей, прикидывался страстно влюбленнымъ и замышлялъ, какъ бы половче увезти ее, похитить изъ родительскаго дома, ради того, чтобы не платить за нее ирада. Ему это было нетрудно; мать Алдары, зная, что ему нечѣмъ заплатить выкупа, сама была готова способствовать похищенію.

Угрюмый горный дѣдъ изъ ночи въ ночь слѣдилъ теперь за тѣмъ, что̀ дѣялось во дворѣ Абухара, чтобы

не ускользнула отъ него красавица со своимъ возлюбленнымъ; у него готовъ былъ замыселъ, — мрачный искусъ, которымъ онъ рѣшился спасти Алдару, открыть

ей глаза на корыстные виды и равнодушіе къ ней избраннаго ею жениха, хотя бы цѣной его гибели.

Недолго прождалъ Гудъ. Вскорѣ въ тѣнистой сторонѣ Абухарова двора онъ примѣтилъ движеніе...

Туда прокрался человѣкъ. Онъ велъ подъ уздцы коня и притаился подъ стѣной кунацкой.

Гудъ усмѣхнулся въ сѣдую бороду.

«Ага! — подумалъ онъ. — Тебѣ видно не страшно попасться на глаза родителямъ своей милой, что не боишься такой свѣтлой ночи?.. Не жадны они! За калымомъ не гонятся, думая, что устраиваютъ счастіе дочери... Такъ погоди жъ, я тебѣ услужу настоящею воровскою ночью, такою же черною, какъ твоя корыстная душа!»

Горный духъ махнулъ рукой, и со всѣхъ вершинъ, ему подвластныхъ, поползли, потянулись въ высь туманы... Когда раздались три условные стона филина подъ окномъ Алдары и вышла она, вся трепещущая отъ ожиданія, страха и счастія, на призывъ своего возлюбленнаго, легкое облачко застлало блестящій ликъ луны; а едва они выбрались изъ ущелья, все небо затянулось туманомъ, ночь потемнѣла и мелкій дождь заморосилъ, словно изъ сита, разносимый порывами холоднаго вѣтра. Скоро ни зги не стало видно. Конь съ двумя всадниками пробирался на удачу,—ни дороги, ни окрестностей не видать было, а лѣсная тропинка становилась все круче, и уже, и скользче; мокрая земля уходила изъ-подъ ногъ притомившагося коня, грозя каждую минуту оборваться въ пропасть. Алдара, измокшая и продрогшая, боязливо обнимала жениха своего, недоумѣвая, зачѣмъ они ѣдутъ по такимъ ужаснымъ мѣстамъ.

Не зналъ этого и самъ Шалва; онъ только озирался, не понимая, какъ могъ заблудиться и что̀ дѣлать теперь.

Вдругъ предъ ними пещера въ скалѣ.

Молодые люди обрадовались ей, какъ родному дому. Шалва разложилъ огонь, чтобы согрѣть и обсушить дрожавшую невѣсту; онъ досталъ чурекъ и сыръ, запасливо прихваченные имъ въ переметную сумку; коня привязали у входа и рѣшили дождаться утра. Но каково было удивленіе ихъ, когда проснувшись съ первымъ лучомъ зари молодые осетины увидѣли, что вся пещера, въ которой они провели всю ночь, усѣяна серебряными и золотыми монетами!.. Усердно принялись они ихъ подбирать и класть въ свои сумки; но чѣмъ больше они собирали, тѣмъ денегъ оказывалось все больше и больше; а вмѣстѣ съ тѣмъ, появляясь на землѣ, во всѣхъ разсѣлинахъ и щеляхъ, золотые туманы и серебряные абазы словно испарялись изъ ихъ хурджинъ: сколько ихъ ни сносили въ оба мѣшка, ихъ все было немного, только на донышкѣ сумокъ.

Алдара притомилась первая. Она стала уговаривать жениха бросить неблагодарную работу.

— Брось! — говорила она. — На что́ тебѣ это заколдованное золото? Развѣ не видишь ты, что оно не дается намъ?.. Да и ненадо его, я довольно богата и безъ него!.. Мы только время теряемъ, мой милый! Поѣдемъ, поѣдемъ скорѣе!.. Видишь, утро было ясное, а теперь вновь надвигаются тучи. Ѣдемъ же, чтобы не застигла насъ погоня!

Но сколько она ни просила его, корысть Шалвы разгоралась все сильнѣе и онъ не слушалъ ея. Къ полудню онъ измучился отъ усиленной работы, а все продолжалъ ползать, набирать пригоршнями золото и серебро, таскалъ ихъ въ переметныя сумки, не вразумляясь ихъ ненаполнимостью. Потъ лилъ съ него

ручьями, руки дрожали, глаза горѣли жадностью... Алдара въ отчаяніи плакала и не знала, что ей дѣлать, какъ умолить жениха своего, казалось совершенно забывшаго и цѣль ихъ путешествія и ее самое. На всѣ мольбы ея онъ отвѣчалъ:

— Когда наполнятся хурджины, тогда и поѣдемъ! Я не дуракъ, чтобъ упустить такое счастіе!

Наконецъ дѣвушка со слезами взмолилась къ помощи высшей силы, всегда ей невидимо покровительствовавшей.

— О, добрый, сильный духъ, мой благодѣтель! Ты, который съ дѣтства усыпалъ мой путь цвѣтами успѣха и радости! Ты, который всегда уравнивалъ предо мною трудные пути и крутые подъемы! Помоги мнѣ и нынѣ: пусть наполнятся скорѣе хурджины жениха моего этимъ постылымъ золотомъ, которое заставило его обезумѣть!

Она подняла нѣсколько монетъ, валявшихся возлѣ нея, и гнѣвно бросила ихъ въ сумку.

И вдругъ свершилось чудо: золото, презрительно брошенное осетинкой, сразу наполнило оба мѣшка.

— Вотъ это дѣло!—радостно вскричалъ Шалва.— Ну, теперь только навьючить имъ коня — и прощай, Алдара! Богъ съ тобой! Иди себѣ домой, найди другого жениха,—на что мнѣ тебя, когда я могу отнынѣ имѣть цѣлый гаремъ первыхъ красавицъ въ свѣтѣ?

— Какъ?... Такъ вотъ какова любовь твоя! — въ негодованіи вскричала дѣвушка. — Такъ, значитъ, ты любишь въ мірѣ только золото, а меня и не любилъ никогда?!

«А вдругъ, безъ нея золото мое опять уменьшится въ хурджинахъ?»—подумалъ Шалва, сообразивъ, что поторопился и проговорился.

— О, нѣтъ, свѣтъ души моей!—вскричалъ онъ,— я пошутилъ. Могу ли я жить безъ своей черноокой Алдары?... Пойдемъ, сокровище мое! Бѣжимъ скорѣе!... Ужъ теперь-то, разбогатѣвъ, мы будемъ совершенно счастливы!

И онъ повлекъ свои переметные мѣшки, только и думая о томъ, чтобы ими навьючить коня и довезти въ цѣлости.

Вдругъ раздался страшный грохотъ и гулъ, и свѣтъ Божій померкъ въ пещерѣ... Громадная лавина снѣга сползла съ высотъ дѣда-Гуда и завалила въ нее входъ.

— Мы упустили время спасенія! Отнынѣ мы погибли!—вскричала Алдара, падая на колѣни.—О, несчастный Шалва! Твоя корысть обрекла насъ страшной смерти,—мы заживо погребены!

Во мракѣ, холодѣ и голодѣ несчастные провели три страшные дня. Надежды на спасеніе, на оттаяніе лавины или на помощь людскую было все меньше, а голодъ терзалъ ихъ сильнѣе и сильнѣе. Но, несмотря на всѣ муки, Алдара думала больше о Шалвѣ, утѣшала его, ему сберегла послѣдніе крохи чурека и сыра; а Шалва только и думалъ о своемъ золотѣ. Въ темнотѣ онъ жадно ощупывалъ его, утѣшаясь лишь тѣмъ, что оно съ нимъ, возлѣ него, что если придетъ освобожденіе, то онъ будетъ богатъ.

Бѣдная, печальная Алдара убѣждалась все больше въ томъ, что онъ ее не любитъ, что онъ — самолюбивый корыстолюбецъ, и призывала отчаянно смерть... Но смерть не приходила и даже,—странное дѣло!— она ничего не ѣла, но силъ не теряла и даже не особенно страдала отъ голода... Нравственныя страданія ея были гораздо мучительнѣе.

Зато Шалва страдалъ и бѣсновался все сильнѣе. Забывая, что самъ виноватъ въ томъ, что они не успѣли выбраться впору изъ пещеры, онъ осыпалъ упреками и бранью свою невѣсту; проклиналъ часъ, когда ее узналъ, и увѣрялъ, что она причиной всѣхъ его несчастій... На четвертый день онъ окончательно потерялъ голову и, какъ безумный, бросался изъ стороны въ сторону, по временамъ останавливаясь и устремляя свои впалые, кровью налитые глаза на Алдару... Онъ начиналъ въ ней видѣть не свою невѣсту, не человѣка, а *мясо*, которымъ можно было утолить голодъ.

Алдара не замѣчала его кровожадныхъ намѣреній. Свѣтъ, появившійся въ пещерѣ, занималъ ее... Она подошла къ выходу, загражденному обваломъ, и вдругъ радостно вскрикнула:

— Шалва! Шалва! Смотри, я вижу небо!... Снѣгъ таетъ!... Мы спасены!

— Мы спасены? — повторилъ за нею мрачно осетинъ и подумалъ: — «спасенъ тотъ изъ насъ, кто съ голоду не умретъ, пока придетъ помощь... Кому-нибудь изъ насъ надо погибнуть».

Алдара между тѣмъ призывала его на помощь; она сама, руками и ногами, старалась увеличить отверстіе, образовавшееся между снѣгомъ и бокомъ пещеры. Слабыя руки съ трудомъ ей повиновались; въ пылу работы она и не замѣтила, что поранила себѣ палецъ обо что то острое, что алая кровь течетъ внизъ по рукѣ ея.

Зато Шалва, издали глядѣвшій на нее взглядомъ голоднаго волка, высматривающаго лакомую добычу, увидавъ горячую кровь, не совладѣлъ съ собою: какъ

дикій звѣрь бросился онъ на свою невѣсту, сжалъ ее бѣшено въ предательскихъ объятіяхъ и впился зубами въ ея руку.

Крикъ ужаса и омерзѣнія вырвался изъ груди несчастной!... Еще минута и ею избранный, возлюбленный женихъ своими руками задушилъ бы ее себѣ на пищу... Но Алдара, мысленно взмолившись о помощи своему невѣдомому покровителю, оттолкнула отъ себя малодушнаго разбойника и въ ту же секунду почувствовавъ въ рукѣ своей ломоть хлѣба, бросила имъ въ лицо его.

— Вотъ тебѣ хлѣбъ, вмѣсто моей крови, презрѣнный негодяй! — вскричала она.

Яркій свѣтъ залилъ пещеру.

То каменный обвалъ сорвался съ подножія Гуда и, ломая и сокрушая собою все на пути, увлекъ въ пропасть и снѣговую лавину, закрывшую изъ нея выходъ.

Какъ безумная бросилась бѣдная дѣвушка бѣжать изъ страшной пещеры, сама не зная куда.

Когда Алдара очнулась на цвѣтущемъ лугу, неподалеку отъ своего дома, ей показалось, что она видѣла страшный сонъ. Ни мать, ни отецъ и виду не показали, что замѣтили ея отсутствіе.

Они ее встрѣтили только словами:

— Ну, слава Богу, что ты пришла, дочка! Мы боялись, не ушла бы ты далеко въ горы. Погляди, какая тамъ бушуетъ буря! Какъ расходился старый Гудъ... Ишь какъ онъ хохочетъ!... Вѣрно ужъ завелъ какого-нибудь путника на погибель, старый грѣховодникъ!

И точно. Въ горахъ долго еще бушевалъ вѣтеръ и валилъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ, несмотря на

жаркое лѣтнее время. Всѣмъ горцамъ вѣдомо, что когда вершина дѣда Гуда затянута мглой, а въ Чортову долину съ него летятъ и снѣгъ и каменные завалы, это значитъ, что старый дѣдъ сердится или надъ кѣмъ-нибудь злобно хохочетъ.

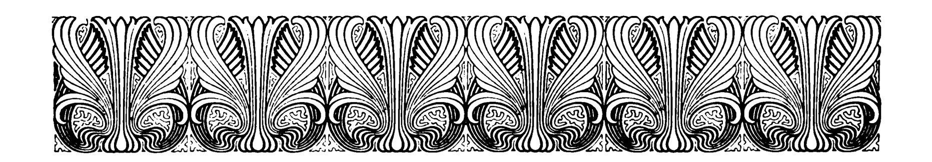
А въ тотъ день, показавшійся узникамъ пещеры нѣсколькими безконечными днями, старику было чѣмъ потѣшиться: онъ спасъ свою любимицу Алдару отъ брака съ дурнымъ человѣкомъ и покаралъ бездушнаго корыстолюбца. Нѣсколько времени старый Бурханъ напрасно разыскивалъ своего сына. Наконецъ мальчики-пастушонки нашли его тѣло неподалеку отъ пещеры и прибѣжали сказать о томъ въ аулѣ. Никто не могъ понять, почему умеръ Шалва... Его нашли пригнетеннымъ къ землѣ подъ тяжестью его же переметныхъ мѣшковъ, до верху наполненныхъ щебнемъ и булыжникомъ... Очевидно было, что умеръ онъ отъ истощенія и голода, не желая съ ними разстаться. Люди рѣшили, что бѣдняга вѣрно помѣшался.

Одна красавица Алдара могла бы разъяснить это темное дѣло, но она молчала, боясь вспомнить о своемъ побѣгѣ и тщательно скрывъ даже отъ матери, скоро, впрочемъ, поджившую, рану на рукѣ.

Вотъ какъ умѣетъ старецъ Гудъ, могучій горный духъ, смѣяться надъ недостойными и охранять своихъ любимцевъ отъ житейскихъ бѣдъ!

Мертвыя озера.

Дика и сурова природа Осетіи. Жители бѣдныхъ ауловъ, разбросанныхъ по крайнимъ высотамъ Кавказскаго хребта, въ окрестностяхъ вѣчно ледяного Казбека, почти не знаютъ вешнихъ, красныхъ дней. Солнце почти круглый годъ лишь свѣтитъ, не грѣя, рано скрываясь въ багровыхъ туманахъ, предвѣстникахъ морозовъ. Даже ячмень не всегда вызрѣваетъ по склонамъ безплодныхъ горъ. Лѣса, суровые хвойные лѣса оживляютъ ихъ только къ югу, да и только изрѣдка, словно темными обрывками и пятнами покрывая низменные склоны горъ. Наверху же, гдѣ по ущельямъ гнѣздятся осетинскія деревни, горы представляютъ почти сплошь одни скалы изъ кремня, гранита и другихъ породъ. Рѣдко увидишь на нихъ траву; большею же частью онѣ покрыты если не снѣгомъ, такъ инеемъ, а вершины ихъ тонутъ въ туманахъ, сливаясь съ вѣчными снѣгами. Лѣто здѣсь такъ коротко, что хлѣбные злаки не вызрѣваютъ. Зная это, осетины и не заботятся о землѣ, а всѣ надежды возлагаютъ на стада, съ которыми ихъ молодежь проводитъ всю жизнь подъ сводомъ неба на родныхъ скалахъ, въ то время, какъ старшіе стараются

лишь заготовить кормъ скоту на зиму. Небольшіе покосы для скота — главная полевая работа осетинъ, вообще безпечныхъ, довольныхъ самой скудной пищей и грязными лохмотьями. Тѣ же овцы и козы имъ доставляютъ и одежду; жены и сестры ихъ, настолько же трудолюбивыя, насколько ихъ мужья и братья праздны, не только исполняютъ всѣ хозяйственныя работы, но ткутъ хорошія сукна, дѣлаютъ бурки и войлоки на домашній обиходъ и продажу. Стада же и кормятъ Осетію. Не диво поэтому, что пребывающіе въ язычествѣ осетины возводятъ ихъ въ божества; у нихъ есть праздникъ «барана», которому они приносятъ жертвы; а нѣкоторые даже поклоняются козлинымъ кожамъ, почему-то смѣшивая ихъ съ изображеніями пророка Ильи*).

Едва ли не самое суровое и вмѣстѣ величественное мѣстечко осетинскихъ горъ находится неподалеку отъ станцій Млетъ и Гудаура (военно-грузинской дороги), влѣво, если стать лицомъ къ сѣверу. Но оно недоступно большую часть года никому, а въ теченіе лѣта туда можно добраться лишь верхомъ или пѣшкомъ. Пройдя внизу хвойные лѣса, вы взбираетесь все выше и выше по отрогамъ каменистыхъ горъ. Васъ окружаютъ здѣсь недосягаемыя вершины и цѣпи, сквозь которыя по временамъ еще выше поблескиваютъ вѣчные льды и снѣга. Въ лощинахъ и впадинахъ мѣстность оживляется, не оазисами зелени, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Кавказа, гдѣ часто плодородные уголки ютятся на южныхъ теплыхъ склонахъ,—нѣтъ, ихъ нѣсколько оживляютъ маленькія, спокойныя, бли-

*) «Исторія войны и владычество русскихъ на Кавказѣ». И. Дубровина. Томъ I, стран. 293.

стающія озера. Словно зеркала, вставленныя въ гранитныя рамки, лежатъ эти водныя пятна, отливая лазурью и сталью, отражая лишь скалы да камни.

Самое большое изъ озеръ называется Келъ; остальныя, кажется, безыменныя. Замѣчательно, что всѣ эти хрустальные резервуары чистѣйшей воды не только не оживлены признаками жизни извнѣ, но и внутри совершенно мертвы. Туземцы увѣряютъ, что никогда въ нихъ не водилось и не водится ни одной рыбешки, ни даже лягушки или паука. Между тѣмъ вода въ нихъ очень хороша на вкусъ и удивительно прозрачна и свѣтла.

Вообще это безплодныя, уединенныя, печальныя мѣста, какъ будто на нихъ тяготѣетъ проклятіе. Кругомъ высоты, гораздо болѣе значительныя, и обитаемы, и даже по мѣстамъ плодородны; а въ окрестностяхъ Кела даже нѣтъ звѣрей, кромѣ горныхъ медвѣдей, мелкихъ сравнительно, но лютыхъ и кровожадныхъ, не въ примѣръ своимъ родичамъ, вегетаріанцамъ по преимуществу.

Не доѣзжая до Кела, въ виду этой каменистой плоскости, усыпанной гранитными осколками, влѣво вздымается островерхая горка, съ однимъ озеромъ у подножія и съ церковкой на вершинѣ. Этотъ маленькій полуразрушенный, но очевидно христіанскій храмъ въ такомъ пустынномъ мѣстѣ невольно останавливаетъ взглядъ путника, тѣмъ болѣе, что осетины весьма плохіе христіане, а больше мусульмане и язычники.

Еще удивительнѣе, что осетины сосѣднихъ ауловъ упорно утверждаютъ, что въ этой церкви никто никогда не бывалъ; не потому, чтобъ это было невоз-

можно,—взобраться на такой, сравнительно небольшой пригорокъ кавказскому горцу не можетъ быть трудно,—но потому, что этого никогда никто не пробовалъ; отъ отца къ сыну переходитъ убѣжденіе, что туда нельзя итти,—вотъ и не ходятъ. «Зачѣмъ нарушать завѣты старцевъ, да еще и безъ нужды?» — говорятъ они. По поводу этого храма окрестные жители разсказываютъ интересное преданіе.

— Когда-то,—разсказываютъ они, — когда родоначальникъ нашъ Иръ *) только что пришелъ сюда и поселилъ свое племя въ этихъ горахъ; когда вѣра въ Миріэмъ (Марію) и сына Ея Иссу (Іисуса Христа) только что была занесена съ запада въ Грузію, Иmeретію и другія сосѣднія страны, откуда и мы переняли ученіе христіанъ, эта дикая мѣстность была не такъ высока, защищена съ сѣвера высокими горами, а потому плодородна и богата. Хорошій аулъ, даже цѣлый городъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ большое озеро (Келъ); а кругомъ его, гдѣ маленькія озера, были разбросаны многолюдные хутора... Это все измѣнилось и дѣды наши едва сохраняютъ память преданія о томъ, что въ давніе вѣка здѣсь совершалось.

. . . .

Въ тѣ незапамятные годы, когда каменистая плоскость, среди которой разлилось нынѣ озеро Келъ, цвѣла прекрасными пастбищами, богатыми посѣвами и чуть ли не фруктовыми лѣсами, какъ ея счастливая сосѣдка плодородная, Богомъ любимая Имеретія,—въ ней господствовалъ сильный князь Майромъ Тагаронъ. Онъ принадлежалъ къ потомству славнаго

*) Осетины сами себя называютъ, неизвѣстно почему, иронами. Но кто былъ этотъ Иръ, — не знаютъ сами.

Тагаура*), которое искони властвовало надъ иронами. Стадамъ его не было счету; а жилъ онъ въ высокомъ галуанѣ**) съ башнями и крѣпкими стѣнами, среди преданной ему стражи и подвластныхъ дворянъ и рабовъ.

Всѣ аулы въ окрестностяхъ были населены его подданными и сами цари Имеретинскіе и Карталинскіе его знавали, потому что онъ ѣзжалъ со своей свитой въ самый Тифлисъ.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Майромъ вывезъ себѣ оттуда жену Анну изъ княжеской, хорошей семьи. Князь Майромъ былъ и самъ крещеный, что доказываетъ его христіанское имя ***). Анна была красавица, кроткая и богобоязненная женщина, творившая много добра и очень старавшаяся распространять и утверждать Христову вѣру. Она ѣздила въ окрестные аулы и гдѣ могла уничтожала, не силой, а добромъ и умнымъ словомъ, идольскія поклоненія и всякое зло. Въ то же время она ревностно старалась строить хри-

*) Осетинское племя тугаурцевъ существуетъ и нынѣ. Они считаютъ себя происшедшими отъ царей, очень гордятся этимъ и вообще отличаются кичливостью, за которую другіе осетины ихъ ненавидятъ.

**) Галуанами въ Осетіи и нынѣ зовутъ всякій каменный домъ въ дватри этажа.

***) Майромъ—осетинское мужское имя въ честь Богородицы, глубокочтимой народомъ.

стіанскія церкви. Зайдя однажды въ пещеру, лежавшую на берегу озера, гдѣ раньше жилъ одинъ святой отшельникъ, она нашла въ ней икону св. Ильи Пророка. Тотчасъ же въ сердце ея зародилось желаніе выстроить на вершинѣ горы, надъ пещерой, церковь во имя св. Ильи Пророка. Когда желаніе ея было исполнено, она стала часто ѣздить въ эту церковь на богомолье. Князь часто сопровождалъ ее.

Все шло хорошо, пока князь любилъ свою жену, но бѣда была въ томъ, что у Анны не было дѣтей, а наслѣдникъ былъ необходимъ Тагаурону еще болѣе, чѣмъ всякому другому осетину, хотя безплодіе—каждому безчестіе... А христіанинъ не можетъ быть мужемъ двухъ женъ!.. Какъ-же тутъ быть?

Въ это время въ горы дошло другое, новое ученіе, которое принимали многіе, утверждавшіе, что никогда не было пророка и учителя выше Магомета изъ Мекки. Это въ особенности усердно утверждали люди богатые, которымъ было возможно и желательно брать нѣсколько женъ и набирать гаремы одалисокъ. Какъ ни молила мужа Анна, какъ ни мучилась его отступничествомъ еще болѣе, чѣмъ своимъ несчастіемъ, князь перешелъ въ мусульманство, увѣряя, что Богъ — одинъ, хоть называй Его какими хочешь именами, а вслѣдъ затѣмъ взялъ сначала вторую жену, красавицу Зерватекъ *), а когда у той не оказалось дѣтей, то и третью. Зерватекъ была осетинка, а Шаги,—такъ звали третью жену,—была настоящая татарка, да къ тому же преревнивая и презлющая.

*) Зерватекъ по-осетински — ласточка.

Новая молодая княгиня совсѣмъ прибрала къ рукамъ пожилого мужа, въ особенности чрезъ годъ, когда родила ему, наконецъ, сына, желаннаго наслѣдника рода его и богатства.

Не стало житья бѣднымъ домашнимъ, не дружившимъ съ новой госпожей и, разумѣется, первымъ женамъ князя, въ особенности Аннѣ, приходилось очень плохо. Но она все терпѣла, совсѣмъ удалившись отъ супруга. Она теперь вела жизнь отшельническую, заботясь только о спасеніи души своей. Въ непрестанныхъ заботахъ о распространеніи христіанскихъ понятій и добродѣтелей, княгиня Анна дѣйствовала столько же примѣромъ, какъ и словами. Она приблизила къ себѣ свою соперницу, Зерватекъ, стараясь утѣшить ее, внушая смиреніе и покорность волѣ Божіей. Осетинка полюбила ее преданно, приняла христіанскую вѣру и обѣ женщины вмѣстѣ заботились о воспитаніи маленькой Нины,—родной племянницы Зерватекъ, круглой сиротки, взятой тою на воспитаніе, послѣ смерти ея единственнаго брата. Это была тихая дѣвочка, много радовавшая обѣихъ женщинъ своей понятливостью и послушаніемъ; она росла истинной христіанкой, вдали отъ людей, въ тихой, уединенной башнѣ галуана, гдѣ жили покинутыя княземъ жены. Нина почему-то почти никогда не видавъ князя, какъ издали, ужасно боялась его. При одной мысли о встрѣчѣ съ нимъ, при одномъ звукѣ его голоса, дѣвочка блѣднѣла и дрожала, словно предчувствуя погибель.

Шли годы. Княгиня Анна старѣлась, а пріемная дочь ея,—она такъ называла Нину,—росла и хорошѣла съ каждымъ днемъ. Ей минуло тринадцать лѣтъ, когда ея тетка Зерватекъ скончалась. Услы-

шавъ о смерти красавицы, когда-то такъ сильно имъ любимой, князь Майрамъ захотѣлъ взглянуть на усопшую и пошелъ въ башню, гдѣ не бывалъ уже нѣсколько лѣтъ. Оставивъ своихъ приближенныхъ внизу, онъ тихо поднялся наверхъ и тамъ остановился, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ. Покойница лежала въ гробу, осѣненная крестомъ, который держала въ рукахъ, а надъ нею, держа зажженныя восковыя свѣчи, молились двѣ женщины, старушка въ монашескомъ одѣяніи — княгиня Анна, и молодая дѣвушка такой красоты, что она показалась князю ангеломъ или гуріей Магометова рая, сошедшей на землю.

Онъ не сказалъ ни слова, молча поклонился умершей и княгинѣ и ушелъ самъ не свой, не зная, живую ли дѣвушку онъ видѣлъ, или предстало ему неземное видѣніе?.. Онъ совсѣмъ позабылъ о маленькой сироткѣ, которую разрѣшилъ второй женѣ своей пріютить, и очень изумился, что красавица, его поразившая, именно и была она.

Новая, худшая бѣда стряслась надъ богобоязненной Анной и ея пріемной дочерью: во снѣ и на яву князь Майрамъ сталъ видѣть Нину! Онъ навѣщалъ ихъ то и дѣло; посылалъ подарки дѣвочкѣ, не знавшей, какъ ей спрятаться отъ ласкъ его, и, наконецъ,

всѣмъ стало очевидно, что старый князь безъ ума влюбился въ молоденькую племянницу своей покойной жены.

Шаги, его третья жена, татарка, успѣвшая сильно подурнѣть, расплыться и состариться, какъ рано старѣются и толстѣютъ всѣ восточныя женщины, живущія въ холѣ и праздности, узнавъ объ этой новой страсти мужа, разсвирѣпѣла. Не то, чтобы она не привыкла къ невѣрностямъ мужа; какъ мусульманка, она была снисходительна къ сердечнымъ слабостямъ мужчинъ и даже сама потворствовала имъ въ князѣ, поощряя его переполнять свой гаремъ на зло княжнѣ Аннѣ и зная, что ей всего легче этимъ удержать его въ новой его, магометовой вѣрѣ, не стѣсняющей свободы нравовъ правовѣрныхъ. Но теперь она боялась, что эта новая любовь черезчуръ сильна, что Нина лишитъ ее самое ея высокаго положенія и вліянія.

За эти годы Шаги привыкла господствовать. Она была властолюбива, своенравна и тщеславна и, считая себя первой султаншей въ гаремѣ мужа, совсѣмъ не желала уступать своего первенства и своей власти, да еще какой-то христіанской дѣвчонкѣ! Старшихъ женъ князя она презирала и, благодаря слабости его къ ней и добровольному удаленію княгини Анны, считала ихъ ни во что; она только первое время старалась перечить ихъ вѣрованіямъ и отдалить отъ нихъ князя, располагая его покровительствовать исламу. Да исламъ и такъ быстро укоренялся въ краѣ: князьямъ и состоятельнымъ людямъ онъ былъ сподручнѣй христіанства, тѣмъ болѣе, что они не затруднялись обходить его единственное стѣснительное постановленіе насчетъ непитія вина и преспокойно пили его, руководствуясь изреченіемъ, что-де «невинно вино, — укоризненно

пьянство!» Шаги настояла на постройкѣ мечети, но нисколько не противилась исполненію всѣхъ языческихъ празднествъ и обрядовъ въ народѣ; напротивъ, она сама принимала въ нихъ участіе, и князь Майрамъ каждый годъ присутствовалъ при жертвоприношеніяхъ богу Уастьерджи, покровителю всякихъ доблестей — храбрости, охоты, наѣздничества и богатствъ, пріобрѣтенныхъ оружіемъ... Одно христіанство было въ загонѣ и презрѣніи во владѣніяхъ Майрама Тагаурона; жрецы же и муллы одинаково преуспѣвали.

Въ первое время измѣны князя Анна дѣлала все, что могла, чтобъ удержать его въ границахъ; но на всѣ старанія ея онъ насмѣшливо отвѣчалъ, что предоставляетъ ей отмаливать его душу, а самъ стѣснять себя никакими обрядами не желаетъ...

— Ты мнѣ у Христа заступница, — говорилъ онъ Аннѣ, — Зерватекъ же помолится за меня нашимъ *дзуарамъ* *), а Шаги оправдаетъ меня предъ Магометомъ. Чего же мнѣ бояться?.. А когда я умру, вѣдь, вы всѣ три со мною будете и на томъ свѣтѣ мнѣ прислуживать въ райскихъ садахъ, гдѣ я буду наслаждаться всякими радостями.

— Ну, нѣтъ, Майрамъ! — разъ ему возразила княгиня. — Пусть ужъ Шаги съ тобою будетъ въ Магометовомъ раю; а намъ съ тобой вмѣстѣ въ жизни вѣчной не быть; невѣрнымъ съ христіанами не мѣсто!

— Ну, что же! Не бѣда... Обойдемся безъ васъ и здѣсь, и тамъ! — возразила ей тогда Шаги съ дерзкимъ смѣхомъ.

---

*) *Дзуаръ* — ангелъ-покровитель всего хорошаго и добраго. Многіе осетины видятъ въ нихъ души своихъ предковъ или, вообще, умер[illegible]ъ людей, при жизни достигшихъ возможной нравственной чистоты и добродѣтели.

Итакъ христіанскіе праздники давно уже проходили, незамѣчаемые никѣмъ, кромѣ княгини Анны и небольшого числа преданныхъ ей лицъ, между которыми мужчинъ почти не бывало. Такъ какъ священника у нихъ теперь не было, то для исполненія требъ вызывали его изъ сосѣднихъ мѣстъ, гдѣ Христово ученіе привилось лучше, изъ Рачи и изъ Душета; но не всегда находились свободные іереи... Тогда приходилось довольствоваться произнесеніемъ просто молитвъ какимъ-нибудь старцемъ-христіаниномъ.

Такъ случилось и въ годъ смерти Зерватекъ. Прослышала Анна, что въ Тагаурскихъ горахъ, въ аулѣ Какадуръ, гдѣ, какъ всѣмъ осетинамъ вѣдомо, и нынѣ есть гора, посвященная Тбавъ-Вациллу, проявился Дзуаръ-Лагъ (святой человѣкъ), распорядитель Тбавъ-Вацилла *) и прорицатель, устами котораго святые часто изрекали народу свою волю и предсказанія будущаго...

Не имѣя священника, посвященнаго по уставу православія, Анна послала просить этого подвижника притти чествовать Св. Илью, въ день его памяти, въ выстроенной ею церкви на горѣ.

Дзуаръ-Лагъ былъ дѣйствительно старецъ благочестивый, хотя придерживался, по незнанію, обрядовъ полуязыческихъ; онъ не разъ вѣрно предрекалъ будущее обращавшимся къ нему за совѣтами, но въ этотъ разъ ограничился бы произнесеніемъ молитвъ, если бы князь Майрамъ, движимый желаніемъ увидѣть

*) *Тбавъ-Вацилла*—пророкъ Илья. По понятіямъ осетинъ, онъ возсѣдаетъ на огненной колесницѣ, запряженной огненными конями, и управляетъ молніей и громомъ. Его молятъ объ устраненіи грозъ, а также о дождѣ. Онъ—покровитель урожаевъ.

лишній разъ Нину, не явился неожиданно къ церкви, гдѣ молились христіане.

Онъ подъѣхалъ къ озеру въ то время, какъ Дзуаръ-Лагъ, въ бѣломъ одѣяніи, стоя на горѣ у церкви, подъ пещерой отшельника, возносилъ чашу съ пивомъ, произнося послѣднюю молитву. Князь со своей свитой остановился внизу, не желая приближаться къ священнодѣйствію, а только издали взглянуть на молившихся женщинъ, между которыми онъ сразу отличилъ, подъ бѣлымъ покрываломъ, стройную красавицу Нину... О, какъ охотно онъ замѣнилъ бы этотъ бѣлый покровъ ярко алымъ згвалтомъ (плащемъ), отличительнымъ одѣяніемъ невѣсты, ожидающей скорой свадьбы!.. Князь Майрамъ самъ не зналъ, что его удерживало отъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Вотъ Дзуаръ-Лагъ, помолившись объ урожаяхъ и благоденствіи всей страны, произнесъ послѣднее благодареніе.

— Богъ-боговъ и Тбавъ-Вацилла, великій пророкъ Его, благодаримъ васъ, что удостоили насъ видѣть вновь этотъ день, что пощадили урожаи наши, что дали размноженіе стадамъ нашимъ, что даровали князьямъ нашимъ миръ въ домѣ; а внѣ дома—побѣду и храбрость! Святой Ва-

цилла, и впредь помилуй насъ! Укроти нашу злобу, наши излишества и грозовыя стрѣлы твои, посылаемыя на землю въ наказаніе, — отклони! Дай намъ здоровіе и благоденствіе, дабы могли мы и вновь дождаться, и праздновать день твоей славной памяти, молитвами Святой Матери Маріи и Сына Ея Іисуса Христа, въ Коего вѣруемъ и Коему поклоняемся!

И весь народъ, молившійся на горѣ, палъ на колѣни и поклонился до земли, въ одинъ голосъ воскликнувъ: «Оменъ Хуцау» (Аминь Боже!).

Лишь свита княжеская внизу и онъ самъ, какъ стояли конные, такъ и оставались, съ коней не слѣзая и лбовъ не крестя. Горестно смотрѣла на то княгиня Анна; Нина же, какъ увидала князя, такъ отъ страха уже и молиться не могла, а прижалась къ старой княгинѣ и плакала.

А злой духъ не дремалъ; онъ овладѣлъ уже сердцемъ Майрама Тагаурона и теперь подвигалъ его на гнѣвъ и всяческія злобныя дѣянія.

— Плоха та вѣра, которая не на упованіе и радость подвизаетъ вѣрующихъ, а на скорбь и слезы! — громко воскликнулъ онъ, смѣясь.

— Вѣра въ Бога добра и истины вызываетъ слезы не скорби, а умиленія... Такія слезы лишь очищаютъ отъ скверны души вѣрующихъ! — твердо отвѣтствовала ему княгиня.

— Очистительныя слезы покаянія приличествуютъ отжившимъ свое время старухамъ! — грубо возразилъ ей мужъ. — А молодымъ красоткамъ приличнѣй веселье и радость, въ ожиданіи брачнаго пира. Ихъ ожидаетъ счастіе, и плакать имъ не изъ чего.

— Никто не вѣдаетъ будущаго; оно сокрыто

отъ людей! — вдругъ раздался грозный голосъ Дзуаръ-Лага.

Все лицо старца исказилось, онъ гнѣвно нахмурилъ сѣдыя брови и безстрашно вопросилъ князя:

— Кто ты, дерзновенный, чтобы смущать молящихся? Ты — исполненный грѣха и нечистыхъ страстей? Ты — не боящійся оскорблять Бога непочтительнымъ отношеніемъ къ молитвамъ нашимъ и призыву благословенія Его на народъ?..

— Кто я, ты сейчасъ узнаешь! — едва сдерживая бѣшенство, возразилъ Майрамъ. — А вотъ ты самъ повѣдай мнѣ, кто ты, чтобы такъ разговаривать съ княземъ Тагауроно́мъ?.. Ты думаешь, что одинъ знаешь, что будетъ завтра?.. Ну-ка, предскажи свою участь!.. Скажи, что съ тобой сейчасъ будетъ?

— Своей участи я предрекать не стану, — твердо отвѣтилъ старикъ. — Какъ бы ни потерпѣлъ я, что бы со мной ни случилось за имя Христово и правду его, — я готовъ страдать, и да будетъ надо мной воля Божья!.. Но горе тѣмъ людямъ, которые нечестивой жизнью отдаютъ себя на волю діавола!.. Тебѣ и соглядатаямъ твоимъ скажу: покайтесь, ибо близокъ часъ вашъ!.. Молите Господа и Святыхъ его, да простятъ они вамъ согрѣшенія ваши!..

— А когда такъ, такъ молись же ты самъ, старый песъ, осмѣлившійся рычать на господина своего!.. Схватить этого безумца! Его мѣсто не на землѣ надъ озеромъ, а въ озерѣ! — бѣшено закричалъ князь.

И прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ опомниться, воины княжескіе схватили Дзуаръ-Лага и съ обрыва бросили его внизъ въ озеро... Съ плескомъ разступились свѣтлыя воды и тихо сошлись надъ головой

утопленнаго, скрывъ его тѣло въ спокойной, молчаливой могилѣ.

Князь Майрамъ поскакалъ домой. Мрачная злоба на себя и на всѣхъ кипѣла въ душѣ его. Онъ не видалъ, что потомъ происходило на горѣ, — какъ бѣдная княгиня лишилась чувствъ, упавъ на руки Нины и приближенныхъ ей женщинъ, какъ весь народъ палъ на колѣни въ страхѣ, горести и умиленіи, увидавъ, что творилось надъ озеромъ: надъ нимъ веселой стаей носились ласточки, и вдругъ одна изъ нихъ стремглавъ слетѣла внизъ, къ самой водѣ, задѣла ее крыломъ надъ самымъ мѣстомъ, гдѣ исчезло тѣло Дзуаръ-Лага, а оттуда взвилась не одна: откуда ни возьмись, бѣлый голубь съ нею вмѣстѣ поднялся въ высь, и оба исчезли за облаками.

— Смотрите! Смотрите! — говорили въ народѣ. — Ласточки, Божьи вѣщуньи, знаютъ свое дѣло! Онѣ возвѣстили Богу, что скончался праведникъ, и вотъ одна изъ нихъ слетѣла за душой его... Зерватекъ взяла душу Дзуаръ-Лага! Вотъ она бѣлымъ голубемъ взвилась за пташкой Божіей на небо!

Мрачный вернулся Майрамъ домой и впервые грубо прогналъ Шаги со своихъ глазъ. Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, овладѣть Ниной, хотя бы для этого пришлось, по ея желанію, разогнать свой гаремъ вмѣстѣ съ Шаги. Въ тотъ же вечеръ онъ послалъ извѣстить ее, что она удостоилась его княжескаго выбора, чтобъ она знала и готовилась быть женой его...

Ужасъ объялъ сердца обѣихъ женщинъ, когда онѣ услышали это; но теперь молоденькая дѣвушка оказалась рѣшительнѣе своей пріемной матери. Она отвѣтила посланнымъ князя, что она проситъ его

самого сказать ей объ этомъ на утро,—что она будетъ ждать его завтра. А какъ только вышелъ ненавистный ей посолъ изъ башни, она спокойно сказала безутѣшно рыдавшей княгинѣ Аннѣ.

— Не бойся, мать моя; такое преступленіе не свершится! Благослови меня на смерть! Я сейчасъ ухожу — бѣгу, куда глаза глядятъ!.. Погибну всякой лютой гибелью, но надругаться надъ собою и надъ тобою этому изувѣру не позволю.

— Дитя мое! Дитя мое бѣдное! — простонала Анна, — самоубійство — великій грѣхъ!

— Я и не прибѣгу къ нему! — успокоила ее Нина.— Я просто пойду въ нашу церковь, запрусь тамъ и буду молить Бога и святыхъ Его взять меня къ себѣ... Я увѣрена, что моя мольба будетъ услышана!.. Пусть пресвятая Матерь Божія за меня вступится! Пусть пророкъ Илья вонзитъ въ грудь мою свою огненную стрѣлу! Пусть Зерватекъ слетитъ за душой моей, какъ давеча прилетѣла за душой святого старца... Я не знаю, что и какъ будетъ, — но знаю, что буду спасена отъ злодѣя нашего!

— Я не пущу тебя одну!.. Уѣдемъ изъ этого дома погибели вмѣстѣ и вмѣстѣ будемъ молить Бога и ждать честной смерти.

На утро князю доложили, что ни княгини, ни Нины нѣтъ въ башнѣ, что онѣ исчезли, невѣдомо куда...

Невозможно представить себѣ его бѣшенства! Тотчасъ были разосланы люди на поиски, съ приказаніемъ найти Нину и представить ее — живой или мертвой; княгиню же приказано оставить безъ вниманія, — пускай живетъ или умираетъ, гдѣ и какъ

хочетъ... Но какъ ни старались развѣдчики, — найти слѣдовъ скрывшихся не могли. Не разъ выѣзжалъ и самъ князь со своими воинами; все громилъ и губилъ въ окрестностяхъ, требуя выдачи ему дѣвушки отъ своихъ и чужихъ, отъ всѣхъ сосѣднихъ князей, которые ее и въ глаза не видали; со всѣми разсорился, враговъ нажилъ множество, — но все понапрасну.

Наконецъ, убѣдившись, что Нина погибла вмѣстѣ съ княгиней Анной, Майрамъ заперся въ своемъ аулѣ, и, что тутъ поднялось за безобразіе, не только въ домѣ его, но и во всѣхъ его владѣніяхъ, нельзя и разсказать!.. Развратъ, пьянство, грабежъ и насиліе водворились такъ прочно въ аулѣ и всѣхъ хуторахъ, ему принадлежащихъ, что назвать владѣнія князя Майрама Тагаурона значило назвать разбойничій притонъ, гдѣ никто не зналъ ни Бога, ни совѣсти, ни жалости. Всѣ честные люди разбѣжались, спѣша скрыть семьи, — женъ и дочерей своихъ, отъ порока и гибели. Оставались съ княземъ лишь ему подобные душегубы, на все готовые, дѣлившіе преступленія и позоръ его.

И вдругъ до князя дошелъ слухъ, что Нина жива, что Нину видѣли нѣсколько разъ прохожіе надъ озеромъ, возлѣ пещеры пустынника и на горѣ, въ церкви, къ которой въ эти три-четыре года заросли даже всѣ тропы, потому что не осталось ни одного христіанина на многія версты кругомъ. Какъ это могло быть? Какъ могла молодая дѣвушка прожить годы въ такой близости, никому невѣдомо и невидимо? Кто питалъ ее съ ея пріемной матерью? Никто того не зналъ и понять не могъ; но слухи стали повторяться и подтверждаться; обѣ женщины жили въ какомъ-то тай-

никѣ, вѣроятно, въ скрытой другой пещерѣ, возлѣ церкви св. пророка Ильи. Тамъ ихъ навѣрное можно найти.

Возгорѣлся князь прежнимъ пыломъ и вотъ собраны люди, охотничьи собаки, цѣлая облава, чтобъ выслѣдить и вытравить двухъ бѣдныхъ женщинъ изъ ихъ убѣжища.

Гора окружена. Самъ князь со своими воинами вошелъ въ пещеру; тщательно осмотрѣлъ всѣ стѣны, всѣ скважины,— нѣтъ ли гдѣ тайника?.. Всѣ трещины, всѣ камни вокругъ горы были осмотрѣны,— нигдѣ, ничего и никого не замѣчено...

— Сказки! — рѣшилъ гнѣвно князь.— Кто распустилъ эти лживые слухи?.. Кто посмѣлъ смутить мой покой пустой выдумкой?.. Затравлю собаками негодяевъ!.. На съѣденіе ихъ псамъ, какъ дикое звѣрье, всѣхъ отдамъ!

Вдругъ онъ запнулся на словѣ. Не человѣческій крикъ, а дикое хрипѣніе вырвалось изъ стѣсненной злобной груди его; прямо передъ нимъ на горѣ, у входа въ церковь стояли княгиня Анна и Нина. Лица ихъ сіяли спокойствіемъ и неземной радостью; глаза, поднятые къ небу были полны слезъ онѣ молились, не обращая на него никакого вниманія.

— Вотъ онѣ!.. Вотъ бѣглянка!.. Хватайте ихъ! — закричали въ тотъ же мигъ стоявшіе возлѣ него вѣрные помощники.

Но ихъ крики вдругъ превратились въ ревъ. Воины хотѣли было броситься на гору исполнять приказаніе князя, но, взглянувъ на него и его ближайшихъ слугъ и друзей, въ ужасѣ отшатнулись и бросились бѣжать; не князь Майрамъ съ товарищами, а дикіе

медвѣди толклись передъ ними и свирѣпо рычали, готовые растерзать ихъ и другъ друга.

Въ то же мгновеніе раздался страшный трескъ, гулъ, крики и стоны. Черныя тучи нависли надъ всею землею, молніи забороздили ихъ огненными стрѣлами, падая на окрестности, вонзаясь въ озеро и зажигая самый воздухъ зловѣщимъ свѣтомъ. Вода бушевала, выступая изъ береговъ; земля колебалась, и отчаянные вопли доносились отвсюду, но ничего нельзя было видѣть за частымъ ливнемъ, закрывшимъ все непроницаемой завѣсой.

Всѣ бросились спасаться, но спасся мало кто, только тѣ лишь немногіе, кто въ искреннемъ раскаяніи, съ мольбою палъ на колѣна въ виду церкви, сіявшей свѣтомъ необычайной славы. Остальные, бѣжавшіе въ аулъ, погибли въ немъ или на пути жертвами страшнаго землетрясенія. Въ ту ночь съ лица земли исчезли бывшія владѣнія князя Тагаурона; ихъ поглотила бездна... На утро все въ нихъ превратилось въ каменную пустыню, какая и понынѣ лежитъ въ тѣхъ мѣстахъ, а тамъ, гдѣ былъ многолюдный аулъ и другія жилья, заблистали холодныя, безжизненныя озера.

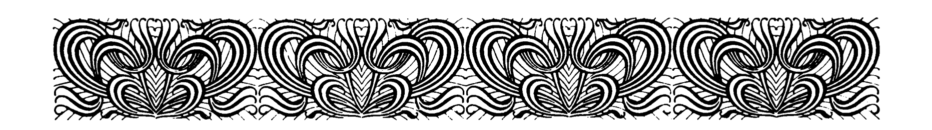
Вотъ съ тѣхъ-то поръ все такъ и измѣнилось между большимъ озеромъ, покрывшимъ аулъ, и церковью, выстроенной благочестивой княгиней Анной. Только одна эта церковь и осталась цѣлой; всѣ остальныя постройки и жилья человѣческія были безслѣдно поглощены почвой, сразу поднявшейся, будто чья-либо гигантская рука подбросила ее вверхъ. Жить на этой безплодной землѣ, на этихъ суровыхъ, мертвенныхъ высотахъ вѣрно никому не въ моготу,—вотъ и

покинуло ихъ населеніе. А о маленькой церковкѣ сложилось преданіе, что душа княгини Анны и Нины въ ней обитаютъ, иногда показываясь на обрывѣ надъ озеромъ и потому не надо людямъ ходить туда, смущать покоя праведницъ.

Одни злые медвѣди, расплодившіеся тамъ послѣ превращенія князя Майрама и его сподвижниковъ, лишь населяютъ каменную, безотрадную пустыню съ ея мрачными озерами, чистыми, но безплодными, какъ горькія слезы поздняго раскаянія и безутѣшной печали.

Горный духъ.

Изъ всѣхъ благословенныхъ природою, величественныхъ и цвѣтущихъ странъ Закавказья, Абхазія—едва ли не самая живописная. Главный хребетъ великановъ Кавказа, постепенно удаляясь отъ береговъ Чернаго моря, даетъ мѣсто плодороднымъ доламъ и равнинамъ, пересѣкаемымъ лѣсистыми ихъ отрогами, оживляемымъ свѣтлыми, звенящими ключами, которые дробятся въ брилліантовую пыль, низвергаясь водопадами въ цвѣтущія ущелья.

Отъ приморскаго укрѣпленія Гагры до рѣки Ингура разсыпались тысячъ сто горцевъ, именуемыхъ собирательнымъ именемъ абхазцевъ, хотя ихъ много племенъ и совершенно отдѣльныхъ обществъ, которыя, до окончательнаго покоренія Россіей Абхазіи, часто вели кровопролитныя войны, да и теперь то и дѣло враждуютъ.

Живописны, хотя по большей части первобытны до нищеты, жилища этихъ красивыхъ, статныхъ и храбрыхъ горянъ. То группами, то въ одиночку разбросаны кровли ихъ плетневыхъ, чисто выштукатуренныхъ сакель, съ торчащими, словно голубятни, островерхими амбарами для кукурузы. А разбросаны

онѣ по зеленымъ лужайкамъ, по долинамъ, густо покрытымъ разнообразной растительностью, крупными и яркими горными цвѣтами и узорными папоротниками, вѣчно блестящими отъ обильной влаги. По землѣ ковры яркіе стелятся, а по стѣнамъ вплоть до крышъ и по могучимъ стволамъ величавыхъ деревъ, буковъ, дубовъ, грецкихъ орѣшниковъ, взбѣгаютъ всякія вьющіяся растенія: лоза, хмѣль, плющъ, ползучія розы, жасминъ, ночныя и денныя красы. Все это сплетается, перепутывается, перебрасывается съ дерева на дерево. Такія же цвѣтущія изгороди раздѣляютъ поля и жилища абхазцевъ, осѣненныя густыми, голубыми тѣнями мощныхъ деревьевъ.

По горизонту, выше всѣхъ горъ, тянутся лѣсистыя, мрачныя отъ покрывающихъ ихъ хвоевъ, такъ называемыя, Черныя горы, тамъ и сямъ пересѣкаемыя грядами острыхъ скалъ или же снѣговыми хребтами. Тамъ, въ узкихъ разсѣлинахъ, надъ недосягаемыми безднами, лѣпятся одинокія сакли цебельдинцевъ—самаго дикаго абхазскаго племени, по недостатку земли переваливщаго на сѣверные склоны Кавказа, въ сосѣдство кабардинскихъ земель. Тамъ и климатъ суровѣе и нужда сказывается сильнѣе, по недостатку даровыхъ плодовъ, богато обезпечивающихъ населеніе южныхъ склоновъ, а особенно долинъ. Зато сѣверные абхазцы давали и самыхъ закаленныхъ воиновъ и оставили въ сказаніяхъ своего храбраго народа наиболѣе выдающіеся типы богатырей. Таковъ былъ, напримѣръ, славный джигитъ Шираръ, не побоявшійся сразиться съ самимъ духомъ горъ.

Шираръ былъ, какъ и большинство абхазцевъ, не то христіанинъ, не то мусульманинъ, не то язычникъ,

а потому и разнообразные подвиги его отличаются удивительной смѣсью пріемовъ и цѣлей. Не разъ онъ обнажалъ шашку въ защиту христіанства, и пуля его мѣтко сражала его враговъ; но это ему нимало не мѣшало боготворить множество другихъ силъ и вмѣстѣ съ родичами-язычниками воздавать почести и возсылать мольбы различнымъ скаламъ, дубамъ и т. п. неодушевленнымъ предметамъ, которыхъ народное суевѣріе надѣляло святой или магической силой.

Извѣстно, что если есть что въ природѣ, способное внушить абхазцу страхъ, то это происки различныхъ духовъ, служителей шайтана... Всѣ, безъ исключенія, горцы боятся козней нечистаго, умѣряя ихъ приношеніями ему жертвъ и моленій. «Богу можно и не молиться; Онъ благъ и милостивъ, и зла не сдѣлаетъ своему творенію»,— говорятъ они, — «но дьявола необходимо умилостивлять...»

У дьявола, по мнѣнію абхазцевъ, есть на землѣ престолъ и жрецы; это — кузнецы и ихъ наковальни. Всевозможные грѣхи, оскорбляющіе лишь Божью правду, прощались абхазскому народу и проходили безнаказанными; одно лишь нарушеніе «присяги у наковальни» никогда даромъ не проходило — именно потому, что шайтанъ не допускалъ неуваженія къ ней

и не прощалъ своимъ обидчикамъ... Кузнецы, его служители, которыхъ гнѣва всякій благоразумный абхазецъ долженъ бояться гораздо болѣе, чѣмъ неудовольствія священниковъ или татарскихъ муллъ, ревниво слѣдятъ за воздаяніемъ ему должнаго, и горе вольнодумцу, забывшему срокъ приношенія жертвы!.. Шираръ никогда не забывалъ этихъ дней, и мѣстный кузнецъ всегда былъ доволенъ козлятами и баранами, которыхъ онъ приводилъ на жертву къ его наковальнѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Шираръ не забывалъ и другихъ языческихъ обрядовъ, исполняемыхъ во славу не шайтана, а болѣе благосклонныхъ божествъ, каковы, напримѣръ, Афа и Шибле, боги грозы и дождя, Мизитхъ — богъ лѣсовъ и охоты, и другіе. Онъ охотно присоединялся къ пляскѣ парней и дѣвушекъ въ честь Манычъ-Чекана — весенняго празднества «перваго цвѣтка», и къ множеству подобныхъ церемоній.

Помня пословицу «ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ», благоразумный абадзинецъ воздавалъ должное одновременно и магометовымъ и христіанскимъ празднествамъ. Чествованія Св. Георгія Иллорійскаго *) въ его глазахъ были самыми священными днями въ году. Онъ усумнился бы скорѣе въ мѣткости своей пули, чѣмъ въ погибельномъ дѣйствіи удара своего меча съ крестообразной рукояткой, для возобновленія чудотворной силы которой онъ не забывалъ въ праздники брать его съ собою въ церковь.

По правдѣ, мусульманскіе обряды и торжества менѣе другихъ внушали уваженія Ширару. Въ коранѣ

*) *Иллоры* — большее селеніе съ древнимъ православнымъ храмомъ, главный центръ христіанской Абхазіи.

онъ скорѣе видѣлъ средство узнать, кто укралъ что-либо, нежели научиться, какъ стяжать спасеніе. Такое убѣжденіе Ширара однажды дорого обошлось мѣстному муллѣ, который, какъ и всѣ его собратья, больше исправлялъ судейскія и полицейскія должности, чѣмъ обязанности духовнаго пастыря мусульманскаго населенія. Онъ усердно занимался разборомъ тяжбъ, пользуясь грубымъ суевѣріемъ народа, чтобы запугивать его. Такъ, онъ увѣрялъ населеніе, что всѣ сколько-нибудь замѣчательные факты записаны и предсказаны въ коранѣ, и что вслѣдствіе этого имя вора никогда отъ него не скроется, если воровство не вздорное, а представляетъ значительный убытокъ потерпѣвшему. И не разъ ему точно удавалось возвращать такимъ путемъ украденные предметы.

Разъ къ нему явился богатый мусульманинъ, съ конюшни котораго свели лучшаго, очень дорогого коня. Онъ пригналъ штукъ десять барановъ и обѣщалъ муллѣ еще столько же, если тотъ поможетъ ему разыскать вора и вернуть коня. Мулла собралъ сходку, пробормоталъ скороговоркой двѣ-три главы изъ корана и преважно заявилъ:

— Вотъ что глаголетъ пророкъ: «Человѣкъ, укравшій коня,—не простой крестьянинъ, а извѣстный джигитъ». Джигиту — честь украсть успѣшно, но стыдъ и срамъ попасться и быть уличеннымъ въ кражѣ... А посему, жалѣя славу его, я его пощажу,—не выдамъ его имени, которое мнѣ теперь стало извѣстно такъ же, какъ имя родного отца моего... Я дамъ ему возможность спасти свою честь, возвративъ коня въ стойло его хозяина. Но если черезъ три дня конь не найдется, я долженъ буду назвать вора предъ всѣмъ народомъ...

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ знаетъ, что я укралъ коня? — дивился Ширарь, весьма смущенный предстоящимъ изобличеніемъ его имени на посрамленіе предъ всѣмъ народомъ. — Да, какъ ни думай, а придется отдать дорогого коня...

И вотъ, ловкій Ширарь призадумался не на шутку, какъ бы такъ устроить дѣло, чтобы хоть въ матеріальномъ отношеніи не потерпѣть убытку?...

— Постой же ты, Магометовъ прислужникъ, научу я тебя самого, какъ джигитамъ въ ихъ дѣлахъ досаждать!...

На третій день владѣлецъ пропавшаго коня прибѣжалъ къ муллѣ въ восторгѣ, не зная, какъ благодарить его за прозорливость; лошадь оказалась на утро въ его конюшнѣ.

— Я приказалъ пастуху пригнать тебѣ во дворъ еще десять лучшихъ овецъ изъ моего стада, — заявилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — безъ особой радости переспросилъ мулла. — Такъ ужъ за одно прикажи мнѣ и двухъ коней изъ своего табуна доставить, потому что тебѣ воръ возвратилъ твою лошадь, а у меня въ ту же ночь укралъ двухъ, да еще и подаренныхъ тобою барановъ тоже угналъ!

— Аллахъ, Аллахъ! Да почему же ты знаешь, что это тотъ же воръ? — спросилъ богачъ.

— А потому, что на разсвѣтѣ мой сынишка вышелъ во дворъ, а ему изъ-за изгороди кто-то и крикнулъ: «Скажи отцу, Абдулла, что Магометъ ему приказалъ за одного — двухъ коней мнѣ отдать, а за лишніе труды—и барановъ въ придачу!» Вотъ почему я и знаю.

— Аллахъ, Аллахъ!—ужасался богачъ.—Такъ объ чемъ же ты думаешь? Скорѣе бери коранъ и найди въ немъ имя вора!.. Удостовѣрься и всенародно обличи его!..

— Не могу и того сдѣлать, потому что и коранъ съ конемъ и съ баранами вмѣстѣ украденъ,—печально возразилъ мулла.

— Правду ли онъ сказалъ насчетъ корана,—преданіе умалчиваетъ. Вѣроятнѣе, что онъ это присочинилъ, чтобы не посрамить Магометова и своего всезнайства. Тѣмъ не менѣе ловкій Шираръ сохранилъ уворованное и не былъ обличенъ въ мошенничествѣ.

Много разныхъ подвиговъ молодечества числилось за Шираромъ, но главный подвигъ его состоялъ въ заступничествѣ за кунака, за своего друга пріятеля Гихъ-Урсана. Чтобы его спасти, Шираръ помѣрился силами съ самимъ мѣстнымъ горнымъ духомъ и побѣдилъ его злобу и хитрость.

Духи горъ, по мнѣнію абхазцевъ, часто изнѣжены сибаритской жизнью въ роскоши и бездѣйствіи, но тѣмъ не менѣе страшны, и нестолько силой своей, какъ своими чарами; они обыкновенно обезсиливаютъ своихъ противниковъ, усыпляя ихъ или очаровывая небывалыми женскими прелестями.

Въ этихъ чарахъ имъ часто помогаютъ уродливыя дзызлы—водяныя чертовки, да красноволосыя алпабы—маленькія русалки или дріады, съ виду безобидныя, но очень коварныя и злыя, въ особенности же озлобленныя противъ красивыхъ джигитовъ, которые презираютъ ихъ, если онѣ имъ не отведутъ глазъ, прикинувшись неземными красавицами—пери.

Съ однимъ изъ такихъ-то духовъ и вступилъ въ борьбу Шираръ, а случилось это такъ.

Урсанъ влюбился безъ ума въ красивую сосѣдку Рити, дочь старшины. Онъ долженъ былъ на ней жениться, когда пришлось итти въ набѣгъ.

Рити сказала Гихъ-Урсану:

— Выйду за тебя замужъ, если мой братъ возвратится благополучно. Но если суждено ему пасть,— привози домой его голову, чтобы съ честію похоронить ее...*) Иначе не бывать мнѣ женой твоей!..

Братъ Рити былъ убитъ въ жестокой свалкѣ, въ которой и оба пріятеля, Урсанъ и Шираръ, едва не погибли. Напрасно искали они тѣло погибшаго товарища; голову его навѣрное отдѣлили отъ туловища враги въ видѣ трофея, а тѣло ночью разнесли на куски волки и шакалы.

— Пойдемъ на скалу Энджикъ-Су,—сказалъ, наконецъ, пріятелю Шираръ. — Снесемъ наши кинжалы въ жертву духу горъ; онъ поможетъ тебѣ найти голову нашего павшаго друга.

Товарищи направились къ жертвеннику горнаго духа. Это была скала (и понынѣ служащая складомъ пожертвованій) между рѣками Бзыбью и Энджикъ-Су. Сама природа создала ее подобной жертвеннику, съ углубленіемъ на ея верхней площадкѣ, и не въ примѣръ окрестнымъ высотамъ никогда не покрывающеюся снѣгомъ. Горцы прорубили къ ней ступени, и рѣдкій изъ нихъ осмѣливается проходить мимо, не взойдя на нее и не оставивъ дара ея могучему властелину. За неимѣніемъ лучшаго, бѣднякъ опускаетъ въ котелъ, самой природой устроенный на ея вершинѣ, хоть пулю, хоть пуговицу или ветошку; богатые же

*) Отдать врагамъ голову родственника или кунака, убитаго въ бою, считается горцами великимъ стыдомъ.

часто отдаютъ дорогое оружіе. Кинжалы и пистолеты наполняютъ котловину, ржавѣютъ въ ней и приходятъ въ негодность, но ничья дерзновенная рука не осмѣливается ихъ коснуться.

Едва кинжалы пріятелей были опущены въ яму, всѣ горныя вершины потряслись отъ чьего-то могучаго хохота, а едва спустились они къ подножію скалы, и Урсанъ затянулъ заунывную пѣснь, — призваніе на содѣйствіе и помощь смертнымъ горнаго духа,—предъ ними появился невѣдомый горецъ, блѣдный, со сверкающими глазами и сатанинской улыбкой на тонкихъ, красивыхъ губахъ. Онъ распахнулъ свою черную бурку, бросилъ Гихъ-Урсану окровавленную голову Ритинаго брата и скрылся со словами:

— Черезъ три года будь готовъ заплатить мнѣ за эту голову и за свое счастіе тѣмъ, что тебѣ самому будетъ всего дороже!

Товарищи возвратились въ свой аулъ. Урсанъ былъ очень смущенъ и печаленъ, но, женившись на своей милой и упиваясь земнымъ счастіемъ, скоро забылъ свой страхъ, отгоняя его всей своей волей и надѣясь на милость Божью.

Три года пролетѣли, какъ три дня.

Сыну Гихъ-Урсана и Рити шелъ третій годъ. Это былъ прелестнѣйшій мальчикъ, утѣха родителей и своихъ аталыковъ *), проживавшихъ неподалеку, въ той же рощѣ, гдѣ была и сакля Гихъ-Урсана. Урсанъ и Рити часто навѣщали своего маленькаго Шади и щедро одаривали его воспитательницу.

*) Аталыки—воспитатели. Почти всѣ горскіе народы обязательно отдаютъ дѣтей на воспитаніе въ чужіе дома.

Разъ ночью Урсанъ былъ разбуженъ выстрѣломъ, раздавшимся подъ окномъ его сакли.

Быстро вскочилъ онъ съ войлока, схватилъ винтовку и выбѣжалъ во дворъ. Никого, однако, не увидалъ онъ тамъ, и только голосъ невидимаго гостя явственно произнесъ:

— Прошло три года, Урсанъ. Время!.. Завтра ты отдашь мнѣ свой долгъ...

Весь въ холодномъ поту вернулся джигитъ къ встревоженной женѣ и не спалъ всю ночь.

— Ничего, душа души моей! — успокоивалъ онъ Рити.—Какой-то шутникъ хотѣлъ напугать насъ.

Мысль его невольно перенеслась къ маленькому Шади. Что самаго дорогого было у него на землѣ кромѣ жены и ребенка?..

Солнце стояло еще невысоко надъ ихъ цвѣтущей долиной, когда Урсанъ побѣжалъ навѣстить аталыковъ своего сына. Еще издали увидалъ онъ маленькаго Шади на порогѣ сакли: онъ забавлялся съ дѣтьми своей кормилицы, смѣясь и протягивая ручки къ яркому небу, гдѣ величественно парилъ горный орелъ. Все ниже и ниже спускался къ землѣ царь пернатыхъ; все меньшіе и меньшіе круги описывалъ онъ въ блестящемъ воздухѣ. И вотъ, наконецъ, стрѣлой устремился онъ къ ребенку, вцѣпился въ него своими острыми когтями, взмахнулъ могучими крыльями и, на глазахъ несчастнаго отца, скрылся со своей живой добычей въ сіявшей выси необъятныхъ небесъ.

Въ нѣмомъ отчаяніи Урсанъ бѣжалъ въ горы и скитался по лѣснымъ трущобамъ, по безплоднымъ скаламъ, въ безумной надеждѣ найти свое дитя, настигнуть горнаго духа въ его недосягаемыхъ черто-

гахъ. Онъ громко взывалъ къ нему, молилъ взять его жизнь взамѣнъ его сына, вернуть Шади его матери, но все было напрасно.

Много разъ во время его безплодныхъ блужданій до него долеталъ чей-то злобный смѣхъ, чу-

дился ему знакомый голосъ, плачъ и призывъ его малютки.

На седьмой день Урсанъ увидалъ на вершинѣ недосягаемой скалы знакомое, блѣдное лицо того, кто три года назадъ отдалъ ему голову убитаго свояка. Черныя кудри незнакомца развѣвались вѣтромъ; губы съ нѣжностью улыбались, и онъ напѣвалъ какую-то странную, сладостную для слуха, убаюкивающую пѣснь мальчугану, игравшему пышными цвѣтами на самомъ краю пропасти.

Какъ безумецъ вскрикнулъ Урсанъ и поползъ, словно дикая кошка, цѣпляясь за корни и камни обрыва. Но едва достигъ онъ до половины высоты его, какъ неотразимый сонъ овладѣлъ имъ, глаза его закрылись, руки обезсилѣли, и онъ скатился къ подножью скалы въ забытьи.

Семь разъ приходилъ онъ въ себя, видѣлъ дитя свое, принимался ползти вверхъ—и семь разъ срывался, погружаемый въ обезсиливающій сонъ.

Наконецъ онъ понялъ, что не можетъ бороться съ такою силой, и убитый горемъ поплелся домой, стараясь мыслью о бѣдной Рити воздержаться отъ желанія броситься въ пучину бушевавшаго между скалъ потока.

При входѣ въ аулъ онъ встрѣтился съ Шираромъ, который искалъ его...

— Иди домой,—сказалъ ему тотъ,—и будь спокоенъ; у меня есть вѣрное средство побороть шайтана и отнять у него твоего малютку.

И Шираръ показалъ ему мечъ, осѣненный крестообразной рукояткой.

— Такъ устроилъ Аллахъ, — объяснилъ онъ, —

что этотъ крестъ все злое и нечистое жжетъ, какъ огнемъ.

И Шираръ углубился въ лѣсъ, по указаніямъ Гихъ-Урсана.

Очень скоро слухъ его поразилъ плачъ ребенка и протяжное завываніе горнаго духа, которымъ тотъ думалъ успокоить его... Какъ дикій вепрь, устремился джигитъ, прыгая съ камня на камень, цѣпляясь за скалы,—туда, на вершину скалы, гдѣ среди цвѣтовъ капризно бился Шади, не успокоиваясь стараніями властелина горъ, старавшагося его убаюкать.

Вотъ Шираръ уже почти достигъ вершины... Рука его вцѣпилась въ выступъ скалы, и онъ готовъ былъ еще однимъ усиліемъ, достать ребенка, какъ вдругъ градъ розъ и лилій посыпался на него, и вмѣстѣ съ тѣмъ неодолимая слабость разлилась по всѣмъ его членамъ... Еще минута,—и онъ поддался бы чарующему сну, но нѣтъ же! Онъ во время вспомнилъ о шашкѣ, поднялъ ее надъ своей головой,—и сонъ слетѣлъ съ него мгновенно. Но—увы!—однако очарованіе горнаго владыки все же сказалось: онъ увидалъ себя вновь далеко отъ желанной цѣли.

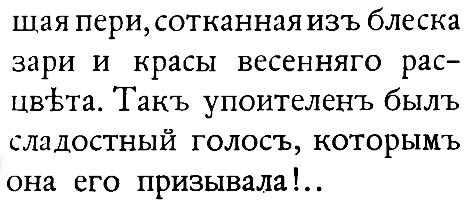
Не падая духомъ, джигитъ вновь запрыгалъ съ утеса на утесъ, черезъ пропасти и стремнины. Онъ закуталъ голову башлыкомъ, чтобы не слышать сладостнаго пѣнія, которымъ старались его убаюкать... Онъ не глядѣлъ вверхъ, чтобы не видѣть миражей, которыми шайтанъ могъ его развлекать и пугать... Онъ всѣ свои помыслы сосредоточивалъ на шашкѣ, зная, что крестъ избавитъ его отъ силы навожденій и доведетъ до цѣли...

Вдругъ оттуда, сверху, къ нему протянулась ручка—

не дѣтская ручка Шади, а прелестная ручка дѣвушки, такая ручка, которой могла бы возгордиться красивѣйшая гурія Магометова рая.

Возьми ее Ширaръ, коснись только бѣлыхъ тонкихъ пальцевъ съ ноготками, подобными лепесткамъ розы,— и все пропало!.. Онъ вновь очутился бы внизу,—дальше, чѣмъ когда-либо, отъ очарованной скалы... Но онъ ее не тронулъ; онъ вспомнилъ о шашкѣ и, только поднявъ ее высоко надъ головой, рѣшился взглянуть на ту, которая, казалось, желала оказать ему помощь.

Взглянулъ абхазецъ и—обомлѣлъ отъ восторга; такъ дивно хороша была эта дѣва горъ, эта блестящая пери, сотканная изъ блеска зари и красы весенняго расцвѣта. Такъ упоителенъ былъ сладостный голосъ, которымъ она его призывала!..

Секунда была рѣшительна и опасна для Урсана и малютки его, но Ширaръ преодолѣлъ соблазнъ.

— Отойди отъ меня, шайтанка! Не льщусь на красы твои! Не вѣрю въ помощь твою! Сгинь! Пропади!.. крикнулъ онъ.

Блистательная пери вдругъ превратилась въ старую безобразную дзызлу-водяниху и отвратительнымъ хохотомъ, прыгнула со скалы прямо въ омутъ.

Шираръ бросился впередъ, но только что занесъ руку, чтобы поднять Шади, какъ грозный духъ предупредилъ его: схвативъ малютку за ногу, онъ вдругъ недосягаемо выросъ и грозно занесъ его надъ бездной, чтобы низвергнуть его на глазахъ ошеломленнаго джигита...

Но тотъ не потерялся.

— Именемъ Того, Чья сила въ этомъ изображеніи, опусти ребенка невредимо!—закричалъ онъ, поднявъ рукоятку спасительной шашки.

Скрежеща зубами и весь дрожа, горный духъ опустилъ мальчика на его цвѣтущее ложе и отступилъ, не смѣя поднять глазъ на изображеніе креста.

Тогда Шираръ, мысленно воззвавъ къ силѣ Божіей, со всего маху метнулъ крестообразной рукояткой въ демона.

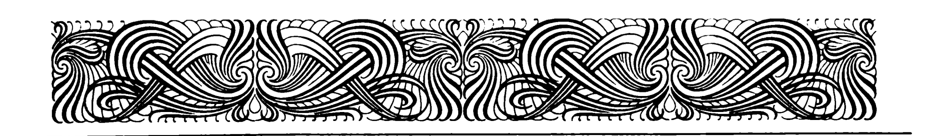
Скала дрогнула и съ ужаснымъ грохотомъ разсѣлась на-двое подъ ногами горнаго духа. Со страшнымъ стономъ онъ рухнулся въ бездну, которая, извергнувъ дымъ и пламя, поглотила духа.

Шираръ поднялъ тогда Шади и благополучно вернулся съ нимъ въ домъ его родителей, осчастливленныхъ возвращеніемъ сына. Что касается до скалы, поглотившей горнаго духа, она такъ и осталась съ разверстой пропастью на вершинѣ и понынѣ слыветъ въ народѣ подъ названіемъ Шайтанъ-Сеи-Набрикъ— «Оврагъ казни демона»... Всякій, кто попадетъ внутрь горъ Сѣверной Абхазіи, на берега рѣчки Килосури, можетъ самъ увидѣть, куда провалился горный духъ...

Златорогій быкъ

(Абхазское сказаніе).

I.

Въ цвѣтущей долинѣ, неподалеку отъ Иллора, большаго селенія въ благословенной богами Абхазіи, въ одну изъ весеннихъ субботъ, радужнымъ утромъ, собрались мѣстные пастухи «варить кашу богу *Айтару*»...

Божокъ *Айтаръ*,—какъ всему абхазскому и абазинскому міру вѣдомо,—покровитель сельской жизни, хуторовъ и домашняго скота. Онъ чрезвычайно любитъ природу, хорошенькихъ поселянокъ и... молочную кашу. Поэтому ему всегда ее варятъ, кромѣ обычнаго въ его честь жертвоприношенія теленка или барашка.

Въ Абхазіи — этомъ архи-цвѣтущемъ и архи-живописномъ эльдорадо вообще цвѣтущихъ и живописныхъ кавказско-черноморскихъ прибрежій—боговъ,—что по осени грибовъ! Будь то христіане или магометане, или язычники, всего чаще абхазцы или все это вмѣстѣ все равно: кромѣ «Бога боговъ», творца, «Великаго Бога», которому всѣ вѣрятъ, у нихъ есть богъ «свѣта и тепла», то-есть огня, *Тлепсъ*, боги грозы, грома, молніи и дождя — *Афы* и *Шибле*, богъ оспы *Зусь-Хацъ*, боги временъ года и всякихъ проявленій силъ природы — одушевленныхъ, неодушевленныхъ и

отвлеченныхъ предметовъ: звѣрей, растеній, понятій и чувствъ. Миросозерцаніе ихъ переполнено одухотворенными силами, злыми и добрыми—демонами, лѣшими, вѣдьмами, русалками, дріадами, горными духами. Оно полно всевозможными измышленіями горячаго воображенія, подстрекаемаго на все чудесное невѣжествомъ, силой чувствъ, несдержанныхъ и пылкихъ, и близостью къ разнообразной, величественной и благодатной природѣ, допускающей почти полную безпечную праздность. Зачѣмъ работать, когда вокругъ все само изъ земли лѣзетъ? Растетъ, и цвѣтетъ, и зрѣетъ никѣмъ гонимо, не сажено, не сѣяно, не вспахано... Ѣды въ лугахъ-парникахъ и въ лѣсахъ-теплицахъ, замѣняющихъ фруктовые сады и виноградники, у абхазца довольно; его рѣки, озера, горы и долы кишатъ рыбой и дичью, незаповѣдными. Онъ сытъ, одѣтъ шерстью и кожей своихъ многочисленныхъ стадъ. Онъ достаточно огражденъ отъ несуровыхъ непогодъ своей вѣчно цвѣтущей родины плетневой саклей, вымазанной глиной; о роскоши онъ не знаетъ и не нуждается ни въ чемъ. Зачѣмъ же ему работать?

Понятно, что въ Абхазіи будней меньше, чѣмъ праздниковъ, и что она то и дѣло славитъ, воспѣваетъ и преподноситъ жертвы своимъ щедрымъ божествамъ, съ болѣе мелкими представителями которыхъ живетъ въ непрерывномъ, часто дружескомъ, общеніи.

А ужъ сколько у нея повѣрій, суевѣрій и легендъ—можно себѣ представить, но нельзя перечесть. Теперь, правда, чудесъ стало какъ-то меньше... Времена безвѣрныя, нечестивыя... А въ прежніе годы чего только воочію не совершалось!.. Вотъ хоть бы иллорскій быкъ съ золотыми рогами, невѣдомо откуда по-

являвшійся въ плотно запертой оградѣ. Спросите любого абхазца-старика, и онъ поклянется вамъ, что вплоть до конца сороковыхъ годовъ этотъ *священный* быкъ невозбранно являлся добровольной жертвой. Что онъ «самымъ граціознымъ движеніемъ подставлялъ свою голову, украшенную рогами не простыми, а золотыми» — подъ ножъ старшаго служителя мѣстнаго алтаря и издыхалъ чуть ли не съ улыбкой на мордѣ. Мясо его *никогда не портилось*. Его раздавали по кусочкамъ толпамъ народа, стекавшагося къ этому дню не только со всей Абхазіи, но изъ Имеретіи, Мингреліи, Грузіи и всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ. Магометане и язычники равно почитали «златорогаго быка». Всѣ теперь сожалѣютъ и плачутся, что онъ пересталъ *появляться*...

Въ послѣдній разъ онъ появился въ 1851 году, именно въ томъ, о которомъ у насъ и рѣчь пойдетъ. Съ того памятнаго года его ужъ болѣе не видали.

Итакъ, иллорскіе пастухи собрались въ прелестной долинѣ, на берегу шумящей рѣчки, славить Айтара и просить его предстательства у Бога боговъ, да вернетъ Онъ Абхазіи свои милости, да дастъ въ ней свершаться прежнимъ чудесамъ...

Было чудное, яркое утро передъ первымъ сѣнокосомъ. Еще пышные цвѣты пестрыми коврами покрывали склоны холмовъ по берегу рѣки, а лѣса стояли еще въ нарядныхъ, бѣлорозовыхъ покровахъ весенняго цвѣта. Ласточки весело щебетали, рѣя въ бирюзовомъ поднебесьи, прислушиваясь къ звонкому пѣнію въ немъ жаворонковъ и поддразнивая своимъ быстрымъ полетомъ орловъ и ястребовъ, парившихъ въ высотѣ. По зеленымъ лугамъ паслись стада, рѣзвились бѣло-

рунные ягнята. Все вокругъ весело шумѣло, пѣло, мычало и блеяло, радуясь жизни... Радовалась ли ей и молодая, бѣлая телочка, привязанная къ дубу, въ ожиданіи закланія въ честь своего бога-покровителя?.. Она не выказывала ни особой радости, ни печали. Она пережевывала молодую травку, уставивъ розовую морду и безсмысленные круглые глаза съ бѣлыми рѣсницами въ голубой столбикъ дыма, подымавшагося къ яснымъ небесамъ изъ костра, который пастухи развели, чтобы ее изжарить.

Вотъ старый пастухъ ужъ взялъ острый ножъ и пошелъ съ нимъ на рѣчку. Тамъ онъ вымылъ его, отточилъ о прибрежный камень, омылъ и руки свои и приблизился къ дубу.

Бѣлая телка смотрѣла безучастно и спокойно, все также не догадываясь о своей близкой участи...

Старый пастухъ благоговѣйно снялъ шапку; сняли за нимъ свои лохматыя папахи или войлочныя круглыя шапочки и всѣ его товарищи, и дѣятельный помощникъ, его сынъ, молодцоватый Азремъ. Всѣ они молитвенно преклонили головы.

— Хахту (Всевышній)! — торжественно произноситъ старшій пастухъ,—по примѣру моихъ предковъ, тебѣ я приношу эту жертву. Прошу тебя ее принять благоволенно!.. Прошу ниспослать всѣмъ намъ, здѣсь собравшимся, здравіе и долголѣтіе!.. Прошу послать здравіе и размноженіе стадамъ нашимъ. Отврати отъ насъ и отъ нихъ всякія немощи, моры, глады и вражьи нападенія! Милостивъ буди къ нимъ и къ намъ, и ко всѣмъ тварямъ живымъ. Пошли, боже, благоденствіе Абхазіи и владѣтельнымъ князьямъ ея и помѣщику нашему, Измаилъ-Беку...

— Аминь! — единодушно отвѣчали пастухи на каждую часть моленія.

«И сохрани, боже, въ здравіи его сына, молочнаго брата моего, Сеферъ-Бека!» — мысленно дополнилъ Азремъ молитву своего отца.

Самая искренняя братская дружба соединяла бѣднаго пастуха съ его молодымъ помѣщикомъ.

Бѣлая телка между тѣмъ ужъ перестала жевать... Увы! Да ужъ она болѣе не телка, а молодая говядина. Отецъ Азрема, ловко совершивъ это превращеніе, еще разъ мѣрнымъ шагомъ направился къ рѣкѣ свершить второе омовеніе... На этотъ разъ прозрачныя воды окрасились подъ руками его алымъ цвѣтомъ крови.

Какъ видно, богъ Айтаръ не всегда довольствовался одной молочной кашей.

II.

Ивановъ день. Лѣто въ полномъ разгарѣ. Лѣса пестрѣютъ ужъ не цвѣтомъ, а плодами; черешни, вишни, винныя ягоды, абрикосы, сливы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ въ полномъ соку; груши, виноградъ, желтая айва и красный гранатъ только наливаются. Спѣлый колосъ ждетъ серпа; травы, въ ожиданія второго сѣнокоса, вновь зацвѣтаютъ другими цвѣтами.

Благоуханная ночь.

По свѣтлому небу плыветъ полная, жемчужная луна, заливая трепетнымъ свѣтомъ горныя цѣпи, озаряя двойнымъ сіяніемъ заоблачныя, вѣчно снѣжныя вершины, водопады и гремучіе ключи по скаламъ; молочный туманъ стоитъ надъ рѣкою внизу и надъ низменными лугами; молочныя облака плывутъ въ

вышинѣ; ущелья и долы, и густые лѣса дремлютъ въ тѣни, въ таинственно-темныхъ затишьяхъ.

Все тихо. Развѣ въ лѣсу застонетъ сова, въ нивахъ свистнетъ перепелъ съ просонья, или въ разсѣлинѣ скалъ рѣзко зальется филинъ своимъ зловѣщимъ хохотомъ, который трудно отличить отъ скрыпучаго смѣха лѣшаго или *дзызлы,* водяной старой вѣдьмы, потѣшающейся надъ путникомъ, завлеченнымъ ею въ омутъ...

Заслышавъ этотъ зловѣщій хохотъ, добрые христіане творятъ знаменіе креста, а язычники призываютъ имя «*Мщитха*» — добраго генія лѣсовъ.

Не этого ль смѣха испугалась и За́ря, молоденькая дочь князя Саваршидзе, стоя въ тѣни громаднаго волошскаго орѣшника, перепутаннаго лозами винограда и гирляндами ползучихъ розъ, въ концѣ своего сада?.. Она вздрогнула и чуть не бросилась бѣжать съ перепугу... одна только мысль о Сеферѣ, ея названномъ женихѣ-сосѣдѣ, остановила ее...

Заря вышла сюда среди ночи, чтобъ повидаться со своимъ милымъ. Сеферъ обѣщался, проводивъ гостей отца своего, послѣ полуночи, притти сюда. Заря уже слышала, казалось ей, топотъ коня своего милаго за рощей... Тамъ онъ долженъ былъ отдать лошадь нукеру, а самъ притти сюда пѣшкомъ, крадучись, какъ воръ, чтобы никто не узналъ о свиданіи ихъ. Всему этому виноватъ ея отецъ, прихотникъ этакій!.. Чуть было совсѣмъ не отказалъ въ рукѣ ея сыну стараго своего друга, съ которымъ они съ дѣтства помолвлены... Изъ-за чего?.. Вдругъ вздумалось ему, что нехорошо христіанкѣ, княжнѣ Саваршидзе, выходить за сына магометанина Измаилъ-Бека. Вздоръ какой!..

Будто бы не все равно! Будто Богъ не одинъ и не все равно, какъ его славить!.. Сеферъ ее любитъ; Сеферъ сейчасъ предложилъ принять христіанство; отецъ его совершенно согласенъ — ему рѣшительно это безразлично...

«Нѣтъ, — говоритъ, — кто не во Христѣ родился, тотъ хорошимъ христіаниномъ быть не можетъ!»

Скажите на милость, привередникъ какой!.. Это его старый епископъ въ Драндахъ *) такъ направилъ, когда они туда ѣздили поклониться св. Георгію, проѣздомъ въ Сухумъ-Кале... Отцу ея и на мысль такое не взбрело бы, а теперь онъ говоритъ: «Оттого-де, Божьей благодати нѣтъ болѣе на Абхазіи, потому и чудеса прекратились, что христіане себя не блюдутъ... Вотъ, — говоритъ, — пускай златорогій быкъ опять въ нашемъ храмѣ, въ Иллорахъ, проявится... Пусть твой Сеферъ его къ намъ за рога приведетъ, тогда я повѣрю, что онъ станетъ добрымъ христіаниномъ, что самъ Господь благословитъ вашъ союзъ!»

Прошу покорно! Жди ноября мѣсяца и моли Бога, чтобы этотъ быкъ, ужъ три года не появлявшійся, проявился снова. А какъ онъ не явится?.. Что жъ, изъ-за того, что Господь Богъ на Абхазію прогнѣвался, такъ ей, Зарѣ, и счастливой не быть?...

И бѣдняжка заливалась слезами горя и досады на выдумки отца. Она стояла и плакала, дрожа отъ страха — мало ль что ночью-то можетъ статься!... Вся

*) Въ селеніи Драндахъ, въ 22-хъ верстахъ отъ Сухумъ-Кале, есть очень древній храмъ генуэзской постройки, привлекающій много богомольцевъ. Иллорскій храмъ лучше сохранился. Это былъ когда-то центръ христіанскаго населенія Абхазіи. Въ немъ нѣсколько замѣчательныхъ по древности иконъ. Его построеніе относятъ къ IV вѣку.

блѣдная, холодѣя отъ каждаго звука, вглядывалась она изъ своей темной засады въ бѣлую ночь, прислушивалась къ тишинѣ, а сама молилась про себя, призывая Миріэмъ, Мать Іисуса, покровительницу всѣхъ страждущихъ и въ особенности всѣхъ дѣвушекъ.

Вотъ тѣнь быстро проскользнула черезъ полянку изъ лѣса къ изгороди ихъ сада... Онъ или не онъ?.. Онъ!

А вдругъ — оборотень?!.. Эти духи такіе хитрые! Такіе коварные!.. Такъ часто губятъ бѣдныхъ дѣвушекъ!..

И Заря усерднѣе крестится, творитъ молитву, спѣшитъ, захлебывается ею, пока горячій поцѣлуй не смыкаетъ уста ей... О, Господи! *Онъ* или оборотень?.. Онъ! Онъ! Заря по поцѣлую узнала его...

Съ востока потянуло холодкомъ; забѣлѣлась, прояснѣла тамъ утренняя зорька; ярко засіяла надъ горой утренняя звѣзда, словно брилліантъ драгоцѣнный, а золотыя семь звѣздочекъ колесницы, на которой Илья пророкъ на небо отбылъ, за горы спрятались, закатились. Пѣтухи давно громко крыльями хлопали и горласто перекликались, а Сеферъ-Бекъ съ Зарей все миловались, говорили, наговориться никакъ не могли...

Ой, смотри, Заря! Сейчасъ ласточка сорвется съ гнѣзда, полетитъ за кормомъ малымъ дѣтушкамъ. Проснется пестунья твоя, нянька старая: «гдѣ княжна?..» А княжны-то и нѣтъ на тахтѣ ея, въ башнѣ высокой!.. Расходитесь, голубки, пока коршуны не проснулись.

— Прощай, дорогой мой, до свиданія... До завтра, не правда ли?

— До завтра, свѣтъ очей моихъ! Развѣ умру, тогда лишь не увидишь меня здѣсь, какъ только всѣ твои сторожа уснутъ.

— О!.. Не говори страшныхъ словъ!.. Я и безъ того цѣлые дни плачу. Скажи ты мнѣ еще разъ, повтори: ты увѣренъ, что твой молочный братъ не обманетъ тебя?.. Что онъ все сдѣлаетъ?

— Совершенно увѣренъ. Азремъ не даромъ упросилъ своего будущаго тестя, сторожа при иллорскомъ храмѣ, позволить ему самому по ночамъ сторожить скотину на полянѣ возлѣ ограды. Не даромъ я обѣ-

щалъ дать ему хорошій калымъ, чтобъ заплатить за невѣсту старику, и денегъ на обзаведеніе, если онъ мнѣ устроитъ хорошо это дѣло. Не бойся, душа души моей! Азремъ парень ловкій. Съ рожденія онъ всегда при стадахъ; ему ли не умѣть справляться со скотиной?.. Его отецъ вѣдь главный пастухъ всѣхъ нашихъ стадъ... Я обѣщалъ ему, Азрему, десять быковъ и столько же коровъ, если онъ выучитъ одного этого чернаго бычка отворять рогами калитку и входить въ ограду.

— А если ограда будетъ заперта?

— А на что жъ невѣста Азрема?.. Ужъ она свое дѣло знаетъ, всякій вечеръ будетъ отворять калитку, а всякую зорьку выгонять быка вонъ... А съ 9-го на 10-е ноября *забудетъ* его прогнать, — вотъ и все!

— А рога-то? Рога!.. Какъ вы съ ними справитесь? Увѣренъ ли ты въ силѣ твоего порошка?.. Озолотитъ ли онъ ихъ хорошо?

— О! Объ этомъ не заботься! Я знаю свойство этого порошка. Хочешь озолочу эту палочку и завтра принесу тебѣ показать!

И Сеферъ поднялъ съ земли со смѣхомъ щепку.

— А вотъ что, милый, не грѣшное ли мы дѣло задумали? Вѣдь это — обманъ!

Сеферъ-Бекъ поспѣшилъ успокоить ея пугливую совѣсть:

— Если хочешь пудовую свѣчу послѣ поставимъ Георгію Иллорскому, чтобы онъ простилъ нашу хитрость. Онъ — святой. Онъ долженъ быть милосердъ! Долженъ прощать и миловать!

— О, да! Я вѣрю въ его милость. Вѣрю и тебѣ, дорогой мой, вѣрю въ наше будущее счастіе!.. Не да-

ромъ я сегодня ходила гадать—вызывала эхо въ лѣсу. Я три раза назвала тебя, милый. Если бы эхо отвѣтило дробно на окликъ мой — о, какъ бы я была несчастна!.. Но оно отвѣтило гладко: «Сеферъ! Сеферъ! Сеферъ-Бекъ!..» Это значитъ, что я буду женой твоей!

И Заря, совсѣмъ успокоенная и счастливая, бѣгомъ прокралась домой, въ свою дѣвичью вышку.

III.

Осень. Почти зима, но здѣсь она еще не вступила въ права свои, какъ въ болѣе суровыхъ странахъ. Правда, воздухъ холодный; морозный вѣтерокъ слетаетъ съ горъ, будто посыпанныхъ мукою; тѣ вершины, что повыше, и совсѣмъ сравнялись въ бѣлизнѣ со снѣговыми цѣпями. Но солнце ярко блеститъ и въ полдень даже жарко пригрѣваетъ, а горы и лѣса теперь красивѣе, чѣмъ когда-либо, разукрасившись янтаремъ, кораллomъ и пурпуромъ.

Канунъ большого праздника; завтра 10 ноября, день св. Георгія Побѣдоносца. Въ величественномъ старинномъ храмѣ селенія Иллора—престолъ, а потому и съѣздъ къ нему изъ близи и далека огромный. Богомольцы стали съѣзжаться за нѣсколько дней и располагались вокругъ церкви живописными ставками. Были тутъ и торговцы, сбивавшіе себѣ бараки для торговли, но больше настоящихъ богомольцевъ, довольствовавшихся первобытными шатрами; они перевертывали арбу дышломъ вверхъ, перебрасывали на него палласъ или войлокъ, и палатка готова для цѣлой семьи.

Накануне праздника все окрестности оживились народомъ, отовсюду стекавшимся въ надежде увидеть чудеснаго быка. Только и говора было на десять верстъ кругомъ—появится онъ или не появится... Въ церкви многіе служили молебны съ единственной мыслью вымолить у святого чудо, давно имъ не явленное. Да какъ же было и не желать, и не просить о немъ жителямъ? Ведь благосостояніе всего года было неразрывно связано съ явленіемъ чуднаго «быка»! Непоявленіе его всегда свидетельствовало о гневе, что и доказывалось постоянными незадачами и бедствіями последнихъ летъ: неурожаями, болезнями, одоленіями вражескими... Нетъ! Ужъ если и въ этотъ — четвертый—годъ немилости Победоносца онъ не проявитъ своего прощенія и благоволенія абхазскому народу, тогда кончено: ложись да умирай!..

Все это чувствовали, все понимали, и все, начиная отъ князей, до последняго раба-пленника, ходили повесивъ головы въ ожиданіи решенія участи Абхазіи и абхазцевъ.

Девятаго ноября вечеромъ, когда князь Саваршидзе, после вечерни и молебна, выходилъ изъ храма, къ нему подошелъ молодой соседъ его Сеферъ-Бекъ со своимъ отцомъ. Измаилъ-Бекъ, хотя магометанинъ, но всегда присутствовалъ въ большіе праздники на христіанскихъ богослуженіяхъ... Князь шелъ нахмурившись.

— Здравствуй, соседъ!.. Что такъ невеселъ? — вопросилъ Измаилъ.

— Будешь невеселъ, когда снова решается судьба всего года, быть можетъ всей участи отечества! — возразилъ Саваршидзе.

— Да, это ты про быка?.. Ну, что жъ! Зачемъ

унывать? Быть можетъ св. Георгій ужъ обернулся на наши молитвы и явитъ намъ милость свою... Всѣ мы усердно его просимъ... А ужъ никто такъ усердно не молитъ его, какъ мой бѣдный Сеферъ... Вѣдь все счастіе жизни его, по рѣшенію твоему, князь, зависитъ отъ этого чуда великаго воина... ты помнишь свое обѣщаніе, надѣюсь?

Саваршидзе поднялъ голову, и глаза его не безъ ласки остановились на молодомъ человѣкѣ. Ему понравилось смиреніе юноши... Сеферъ стоялъ, почтительно обнаживъ голову передъ старикомъ, и, казалось, не смѣлъ глазъ поднять на старшихъ.

— Мое слово — одно! — промолвилъ князь. — Если, на общее счастье и благополучіе наше, на зарѣ завтра снизойдетъ сюда благословеніе изъ райскаго стада святого непобѣдимаго Георгія Иллорскаго, — за празд-

ничной трапезой нашей я объявляю о бракосочетаніи единственной дочери моей съ Сеферъ-Бекомъ Измаиловымъ.

— Благодарю васъ, князь! — скромно вымолвилъ Сеферъ, впервые дерзая поднять на него благодарный взоръ.—Мнѣ остается молить Бога о явленіи этого великаго чуда... я всю ночь проведу здѣсь въ храмѣ, въ молитвѣ.

Въ молитвахъ и всенощномъ бдѣніи не одинъ Сеферъ-Бекъ оставался въ ту ночь; множество народа не выходило изъ церкви; другіе сидѣли или прикурнули подъ ея стѣнами, но никто почти не спалъ... Развѣ возможно было заснуть въ эту великую ночь ожиданія, послѣ которой всю Абхазію ожидала или радость великая, или горе и печаль унылая, безутѣшная?..

Молодой помѣщикъ Сеферъ-Бекъ усерднѣе всѣхъ до зари молился. Передъ самымъ разсвѣтомъ подошелъ къ нему молочный братъ его, Азремъ, и, ничего не промолвивъ, лишь поклонился почтительно и прошелъ поставить свѣчу предъ горѣвшей огнями иконой св. Георгія Побѣдоносца...

Тогда Сеферъ всталъ съ колѣней и сказалъ такъ, что многіе окружавшіе его слышали:

— Братья! Пойдемте на паперть!.. Что-то взыгралось сердце мое счастливымъ предчувствіемъ; сдается мнѣ, что Богъ услышалъ наши моленія! Сдается, — что увидимъ мы нынѣ давно жданное чудо!

И всѣ, весь почти народъ послѣдовалъ за нимъ во дворъ церковный.

Какъ бѣшенный подлетѣлъ всадникъ къ дому князя Саваршидзе. Утро еще не брезжило, но молодая княжна Заря уже была одѣта, готовая итти къ заутрени.

— Вставайте! Вставайте!—кричалъ всадникъ. — Св. Георгій посѣтилъ насъ милостью своею!.. Скорѣе — въ церковь, благодарить его!.. Князь! Меня прислалъ Сеферъ-Бекъ возвѣстить вамъ великую радость: златорогій быкъ Георгія Иллорскаго пасется въ церковной оградѣ!

Что эта былъ за праздникъ, за великое ликованіе!.. Когда князь Саваршидзе со своей красавицей дочерью и блестящей свитой прибыли къ храму, вокругъ него стоялъ радостный стонъ. Къ нему бѣжали толпы, ночевавшія внѣ ограды, а во дворѣ весь народъ стоялъ колѣнопреклоненный и горячо молился, глядя на мирно жевавшаго сѣно великолѣпнаго чернаго быка съ бѣлой звѣздой во лбу и парой, блиставшихъ на утренней румяной зарѣ, великолѣпныхъ золотыхъ роговъ.

Сеферъ-Бекъ стоялъ возлѣ животнаго. Когда старый князь вошелъ во дворъ, юноша накинулъ шелковую петлю на золотые рога быка св. Георгія и почтительно передалъ ему конецъ шнурка... Сеферъ-Бекъ имѣлъ полное право такъ авторитетно распоряжаться; онъ первый увидалъ священнаго быка въ ту минуту, какъ тотъ спокойно входилъ въ ворота ограды...

Свадьбу Сеферъ-Бека и Зари весело отпраздновали черезъ мѣсяцъ. Но на слѣдующій годъ заранѣе ликовавшіе въ ожиданіи появленія новаго представителя райскихъ стадъ прихожане храма св. Георгія Иллорскаго были горестно разочарованы,—златорогій быкъ не явился...

И никто съ той поры его болѣе не видывалъ.

Содержаніе.